

СЛАВЯНСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ
ПИСЬМЕННОСТЬ

Дмитрий Громов
Алексей Бычков

**Славянская
руническая
письменность:**

факты и домыслы

**«София»
Москва
2005**

УДК 811.16 (091)
ББК 81.2-03
Г 87

Громов Д.В., Бычков А.А.
Г 87 Славянская руническая письменность: факты и домыслы / Д.В. Громов, А.А. Бычков. — М.: ООО «Издательский дом София», 2005. — 384 с.: ил.

ISBN 5-9550-0407-6

Книга Д.В. Громова и А.А. Бычкова посвящена проблеме возможного существования у славянских народов системы письменности, родственной западноевропейским рунам.

УДК 811.16 (091)
ББК 81.2-03
Г 87

ISBN 5-9550-0407-6

© Д.В. Громов, А.А. Бычков, 2005
© А. Платов, предисловие, 2005
© Издательство «София», 2005
© ООО «Издательский дом София», 2005

Содержание

Предисловие от редакции	8
Введение	11

Часть 1

Материальный и духовный контекст возможного существования славянских рун (некоторые аспекты)

Глава 1.1. Западноевропейская руническая письменность	15
Глава 1.2. Сакральная каменная скульптура у славян	48
Глава 1.3. Существовала ли у славян письменность до принятия христианства?	64

Часть 2

Славянские рунические памятники

Глава 2.1. Западнославянский рунический строй («вендские руны»)	101
Глава 2.2. Территория современной Германии	115
Прильвицкие коллекции А. Маша и Я. Потоцкого	115
Камни из Ной-Штрелица	143
Глава 2.3. Польша	157
Брактеат из Вапно	157
Фигурка из Ледниц	157

Содержание

Краковская медаль	160
Фигурка Жунковича	164
Микоржинские камни	165
Глава 2.4. Чехия и Словакия	193
Камни из Скальска	193
Драгельчицкая урна	196
Бодинский камень	198
Велестурская надпись	199
Словацкие наскальные надписи	200
Глава 2.5. Россия, Украина, Белоруссия	201
Камень из Пневиш	202
Алекановские надписи	206
Надписи из Масковичей	210
Другие надписи, выполненные с помощью руноподобных знаков	212
Глава 2.6. Болгария	219

Часть 3
Некоторые замечания
с точки зрения этнографии

Глава 3.1. Употребление рисуночного письма у русских	225
Глава 3.2. Личные знаки — «знамена»	245
Глава 3.3. Локальные цифровые системы	264
Выводы	275
Заключение	278
Conclusion	282

Приложения

Приложение 1. Первая часть прильвицкой коллекции (по книге Андреаса Маша)	287
Приложение 2. Предметы из второй части прильвицкой коллекции (по книге Яна Потоцкого)	356
Приложение 3. Н. Грицианский. О памятниках идеографического письма крестьянок Скопинского уезда Рязанской губернии	363

Предисловие от редакции

Согласно устоявшемуся мнению, руническая письменность была в ходу исключительно у германских племен. Предположения о принадлежности этой системы письменности также и славянам высказывались неоднократно. Однако данные предположения до сих пор не подтверждены неопровержимыми доказательствами — вопрос о рунической письменности у славян так и остается открытым.

К сожалению, во многих случаях дискуссия о гипотетических славянских рунах переходит в плоскость субъективных домыслов и суждений.

Часто при рассмотрении теми или иными авторами славянских рун, при репрезентации славянских рунических памятников происходит подмена мотивов. Там, где речь должна бы идти исключительно об объективном анализе материалов, рассуждения сводятся к понятиям престижности этих материалов для культур славянских народов. Обладание рунической письменностью воспринимается некоторыми авторами как факт, повышающий культурный статус славянства; признание наличия у славян самобытных письменных систем позволяет противостоять популярным в науке концепциям о детерминирующем влиянии на славянскую культуру со стороны других государств и народов. Действительно, диффузионистские идеи о заимствованиях часто нуждаются в пересмотре, однако при этом эмоциональная увлеченность и излишняя пафосность «защитников славян-

ства» ведут к вполне определенному результату — тема оказывается скомпрометирована, за ней закрепляется слава дилетантской.

Противоположная точка зрения предполагает полное отрицание существования гипотетических славянских рун. Эта точка зрения, хотя и значительно более авторитетна, но также субъективна. В книге Д.В. Громова и А.А. Бычкова приведены выдержки из критической литературы по данной теме — при знакомстве со всей совокупностью доводов, выдвигаемых критиками, становится ясно, что эти доводы не позволяют считать тему славянских рун исчерпанной. У «противников» славянских рун также наблюдается подмена мотивов — первоочередной ценностью для них становится не объективная картина, а те или иные научные концепции. Слепое следование научным догмам приводит порой к негативным последствиям, в частности к замалчиванию и сознательному удалению из сферы научного внимания определенных фактов.

На настоящий момент книга Д.В. Громова и А.А. Бычкова является наиболее полным сводом информации о славянской рунической письменности. Несомненной заслугой авторов является то, что они представили тему с разных сторон — читатель может ознакомиться как с точкой зрения «защитников» славянских рун, так и с точкой зрения их «противников». Приведен обширный фактический материал, в частности — выдержки из книг А. Маша, Я. Потоцкого и Я. Лечеевского, о которых многие русскоязычные «защитники» и «противники» славянских рун, судя по их текстам, до сих пор знали только понаслышке. Можно с уверенностью сказать, что благодаря книге Д.В. Громова и А.А. Бычкова тема славянской рунической письменности становится открытой для конструктивного обсуждения.

Предисловие от редакции

Отдельно хотелось бы обратить внимание на пути дальнейшего исследования проблемы существования славянских рун. На страницах книги авторы неоднократно говорят о необходимости дополнительной работы, призванной произвести объективную и беспристрастную материальную экспертизу ряда славянских рунических памятников. Этот путь позволит конкретизировать проблему, отделить факты от домыслов. Будем надеяться, что выходящая в свет книга будет иметь широкий общественный резонанс и трудоемкая работа по поиску и исследованию славянских рунических памятников будет проведена в ближайшее время.

А.В. Платов

Введение

В исследовательской литературе неоднократно ставился вопрос о том, была ли у славянских народов в дохристианские времена в ходу руническая письменность, аналогичная западнославянской рунике. Разрабатывая данную гипотезу, некоторые из авторов предполагали, что рунический строй мог быть заимствован и модифицирован славянами в Средние века у западных соседей — германцев или скандинавов. Более радикально настроенные исследователи даже высказывали мнение, что славянская руника является оригинальной письменной системой, возникшей из того же корня, что и западноевропейские руны, и развивавшейся параллельно.

В XVIII—XX веках было обнаружено некоторое количество славянских рунических памятников, которые, собственно, и стали исходным материалом для реконструкции рунической письменности. К большому сожалению, при анализе этих памятников выявляется ряд проблем.

Во-первых, многие из находок, содержащих «славянские руны», рассматриваются некоторыми исследователями как фальшивые.

Во-вторых, многие из этих находок утеряны и невозможно произвести анализ их подлинности.

В-третьих, ряд надписей, которыми оперируют сторонники существования славянской руники, практически непригодны для чтения — они слишком коротки, разрознены, содержат неизвестные знаки.

Тем не менее при всей скудости и уязвимости исходной информации на настоящий момент накопилось достаточно большое количество данных для изучения. Однако, несмотря на большой общественный интерес, до сих пор так и не появилось исследование, в котором достаточно полно излагался бы фактический материал, касающийся гипотетических славянских рун.

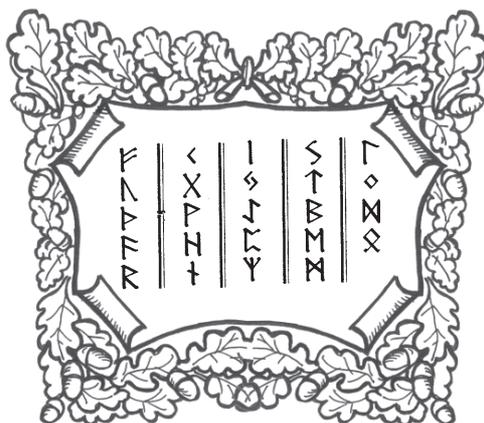
Мы рассмотрим реальное положение дел в данной научной проблеме: опишем славянские рунические памятники, изложим основные версии перевода известных рунических надписей, определим степень вероятности существования славянских рун и наметим возможный путь их дальнейшего изучения.

В отличие от некоторых исследователей, работавших по данной теме в последние годы, мы не будем разрабатывать какую-либо собственную систему, позволяющую прочесть все славянские «нечитаемые» надписи, ограничимся только анализом уже имеющихся данных.

Рассмотрение данной темы предполагает привлечение дополнительной информации, относящейся к некоторым «смежным» темам. Поэтому в первой части книги нами будут изложены фактические материалы, касающиеся западноевропейской руники, славянской сакральной скульптуры и проблемы возникновения письменности у славян.

Часть 1

Материальный и духовный
контекст возможного
существования славянских рун
(некоторые аспекты)

Глава 1.1. Западноевропейская руническая письменность

Под рунической письменностью¹ понимают алфавиты, бывшие в употреблении у некоторых европейских народов с II—III веков н.э. и до позднего Средневековья. Рунические знаки имеют характерный стиль начертания.

Хотя рунам было посвящено много исследований, но тем не менее все, что касается данной темы, до сих пор окружено загадками. Много неясностей связано с историей возникновения и развития рун; практически все важнейшие вопросы — время и место их зарождения, прототип, первоначальные функции — являются дискуссионными. Нет однозначного мнения о функциях рун, сферах их применения. Также нет окончательного мнения о фонетическом значении некоторых рунических знаков.

¹ См.: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи: новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. Макаев Э.А. Язык древнейших рунических надписей. Лингвистический и историко-филологический анализ. М., 1965. Кузьменко Ю.Е. Появление письменности в средневековой Европе // История лингвистических учений. Средневековая Европа / Под ред. А.В. Десницкой, С.Д. Кацнельсона. Л., 1985. С. 18–24. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. Эпос Северной Европы. Пути эволюции / Под ред. Н.С. Чемоданова. М., 1989. Смирницкая О.А. Руническое письмо // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Надо сказать, что многие положения о рунической письменности, сформулированные за всю историю научных исследований, в последние десятилетия в значительной мере пересматриваются.

Слово *руна* как обозначение специфических знаков пришло из древнеисландского языка, где писалось как *rún*.

Первоначально в науке господствовало мнение, что *rún* имеет значение 'скрытое, секретное знание; тайна; шепот'. К ряду созвучных слов, имеющих сходное значение, относились готское *rūna* — 'тайна', древненемецкое *rūnēn* (совр. *raunen*) — 'шептать', древнекельтское *run* — 'шепот', средневаллийское *rhin* — 'шепот, шептать', ирландское *run* — 'тайна', шотландско-гэльское *run* — 'жребий'. Семантика слова, как считается, указывает на специфический характер и функции германского письма в начальный период его существования, и в первую очередь его эзотеризм, т.е. доступность лишь посвященным и «скрытость», «тайность» для всех остальных.

Новую версию толкования предложил Р. Моррис — он предположил связь слова *rún* с индоевропейским корнем, имеющим значение 'резать, царапать, делать насечки' (ср. нем. *ritzen* — 'царапать, насекать'). Собственно, данное мнение высказывается не впервые: еще в начале XX века аналогичные идеи (не утвердившиеся в те времена в науке) высказывал Д. Жункович². Нам кажется правомерной точка зрения, объединяющая обе изложенные выше версии; как писал А.В. Платов, «вероятно, термин 'руна' происходит, все же от... основы со значением 'резать' (что выглядит естественным), в то время как появление европейских слов того же корня, но уже носящих значение 'тайна', 'говорить в тиши-

² См.: Žunkovič D. Die slavische Vorzeit. Maribor, 1918.

не', — вторично и связано с магическим применением древних *резаных* знаков»³.

Надо полагать, руны получили свое название благодаря особенностям их нанесения на поверхность материального носителя. В отличие от знаков, которые *писались* или *рисовались* на пергаменте, коже, ткани и других материалах подобного типа, руны *вырезались*, *вырубались*, *процарапывались*, что, как правило, предполагало достаточную твердость материала. Соответственно, «руна» — это «то, что вырезают». В пользу такой этимологии говорит графический облик рун — они состоят из прямых линий, расположенных под углом друг к другу; линии знаков не предполагают плавных изгибов. Подобные графемы как раз и удобно наносить с помощью резания, вырубания, процарапывания в отличие от округлых буквенных знаков.

Древнейший (так называемый *старший*) рунический алфавит использовался до конца VIII века. Он состоял из 24 знаков, имевших фонетическое (не до конца ясное у нескольких знаков) и символическое значение (Begriffswert). Символические значения рун следовали из их названий — «имущество», «бык», «великан» и др. (см. таблицу на стр. 18–19)⁴.

Старшерунический алфавит называют *футарком*; это слово образовано по звучанию первых шести знаков буквенного ряда — F, U, P, A, R, K. Стоит отметить, что таким же способом названия буквенных строев образуются и у других народов; стоит вспомнить греческий *алфавит* (от первых букв строя — *альфа* и *вита*), русскую *азбуку* (от *аз*, *буки*). Уже к IV веку сложилась устойчивая последовательность знаков в футарке, причем эта последовательность в корне отли-

³ Платов А. Славянские руны. М., 2001. С. 29–30.

⁴ Воспр. по: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи... С. 8.

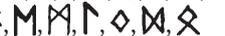
Знаки германского рунического письма

Транскрипция	Старший ряд	Младший ряд		Фонетическое значение	Название Приведены Аревиндские (для младшего ряда) и Аревиндские и германские названия рун
		Полноветвистые руны	Коротковетвистые руны		
f	ƿ	ƿ ƿ	ƿ	/f, v/	fē (<*fehu) скот, имущество
u	u	u	u u	/ū, y, ō; ø; v/	úr (<*ūruz) бык, зубр
þ	þ	þ þ	þ þ	/θ, ð/	þurs (<*þurisaz) турс, великан
a	ᚦ	ᚦ	ᚦ ᚦ	/ǣ, ǫ, ø; ɔ/	áss, óss (<*ansuz) языческий бог, ас
r	ᚱ	ᚱ ᚱ	ᚱ ᚱ	/r/	reiþ (<*raidō) поездка, повозка
k	ᚷ	ᚷ ᚷ	ᚷ ᚷ	/k, g/	kaun (<*kaunan ?) болезнь, нарыв, язва
g	ᚷ			/g/	*gebō дар
w	ᚹ			/w/	*wunjō ? блаженство
h	ᚨ	ᚨ	ᚨ	/h/	hagall (<*haglaz) град
n	ᚠ	ᚠ	ᚠ	/n/	nauf (<*naudiz) нужда

i	l	l	l	/ĩ; j; ě/	íss (<*īsz) лед
j	ᚩᚩᚩ	†	††	/ā, æ, ō/	jára (<*jēran) урожайный год
ī	ᚦ ᚦ			/i/	*īwaz тис
p	ᚱ			/p/	*perfo ? плодовое дерево
z(R)	ᚱ ᚱ ᚱ	ᚱ		/r/	*algiz лось
s	ᚱᚱᚱᚱ	ᚱ ᚱ		/s, z/	sól (<*sōwilō) солнце
t	↑	↑	↑	/t, d/	Тур (<*tīwaz) Тюр, один из асов
b	ᚱ ᚱ	ᚱ	ᚱ	/b, p/	bjork (<*berkanan) береза
e	ᚱ ᚱ			/ě/	*ehwaz конь
m	ᚱ	ᚱ	†	/m/	maðr (*mannaz) мужчина, человек
l	ᚱ	ᚱ	ᚱ	/l/	*laukaz лук
ŋ	ᚱᚱᚱ			/ŋ/	*Ingwaz Ингви, бог плодородия
d	ᚱ ᚱ			/d/	*dagaz день
o	ᚱ			/ō/	*ōþalan (*ōþilan) одадь

чается от последовательности знаков в алфавитах, восходящих к финикийскому письму (латинский, греческий). Причины возникновения именно такой последовательности знаков в настоящее время неясны.

24-значный футарк разделялся на три группы — *атты* (*ættir*), — включающие по восемь знаков. Каждая группа именуется по названию ее начальной руны:

- атт Фрейра (Freys ætt) — руны
- атт града (Hagals ætt) — руны
- атт Тора (Týs ætt) — руны

Разделение футарка на атты возникло не позже VI века.

К настоящему времени известно около 250 старшерунических надписей I–VIII веков⁵. Большинство из них сделано на металлических предметах: оружии (наконечниках копий, умбонах, накладках и рукоятях щитов) и украшениях. Начиная с V века все больше использовался камень. Однако, по-видимому, основным материалом, на который наносились рунические знаки, была древесина. К сожалению, вследствие плохой сохранности дерева находки деревянных предметов с надписями крайне редки.

Видимо, древнейшее упоминание рун содержится у римского историка Корнелия Тацита. В конце I века н.э. он описывал процедуру гадания у германцев: «Срубленную с плодового дерева ветку они нарезают плашками и, нанеся на них особые знаки, высыпают затем, как придется, на белоснежную ткань. После этого, если гадание производится в общественных целях, жрец племени, если частным образом — глава семьи, вознеся молитвы богам и устремив взор в небо,

⁵ См.: Макаев Э.А. Язык древнейших рунических надписей. Лингвистический и историко-филологический анализ. М., 1965.

трижды вынимает по одной плашке и толкует предрекаемое в соответствии с выскобленными на них заранее знаками»⁶.

Сообщение Тацита неоднократно подвергалось критическому рассмотрению со стороны ученых. Высказывалось предположение, что при гадании использовались не знаки письменности, а всего лишь некие символические начертания. Причина скепсиса ученых понятна: долгое время не удавалось обнаружить столь древних (относящихся к началу I века н.э.) археологических памятников с руническими надписями.

В последние десятилетия свидетельство Тацита получило подтверждение. Было сделано несколько находок, позволяющих отодвинуть дату зарождения рунической письменности по крайней мере к началу I века н.э.⁷ Разрабатывается даже гипотеза о том, что руны возникли во времена существования протогерманского языка (т.е. к I тысячелетию до н.э.)⁸. Однако эта гипотеза пока не подтверждена археологическими находками.

На настоящий момент дискуссионным является и вопрос о прототипе рунической письменности. Если отбросить ряд экзотических версий — о том, что руны возникли во времена Потопа (Ян Магнус, Олаф Магнус, Олаф Рудбек, XVI—XVII вв.)

⁶ *Корнелий Тацит*. О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Сочинения: в 2 т. / Изд. подгот. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергиенко. Т. 1. Л., 1969. С. 357.

⁷ *Ilkjær J., Lønstrup J.* Runefundene fra Illerup ådal. En arkæologisk vurdering af vore ældste indskrifter // *Kuml*. 1981. København, 1982. S. 49–65. *Düwel K., Gebühr M.* Die Fibel von Meldorf und die Anfänge der Runenschrift // *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*. 1981. Bd. 110. S. 159–175. *Nytt om runner*. Meldingsblad om runeforskning // *J. Knirk*. Oslo, 1994. № 9. S. 16.

⁸ *Morris R.L.* Runic and Mediterranean Epigraphy. Odense, 1988. *Antonsen E.H.* The Runes. The Earliest Germanic Writing System // *The Origins of Writing* / Ed. by W.M. Senner. Lincoln; London, 1989. P. 137–158.

или были принесены из Азии Магогом, сыном Иафета (Ян Перинскёльд; конец XVII в.), — то исследователи сходятся на том, что руническая письменность возникла на основе некоего южноевропейского алфавита и зародилась в широкой пограничной полосе взаимодействия Римской империи с германскими племенами. Античные цивилизации Средиземноморья осуществляли экспансию на «варварские» земли не только военным путем — высокий уровень экономического и культурного развития оказывал на соседей римлян и греков стимулирующее воздействие.

В качестве возможных прототипов древнейшего рунического строя указывается капитальное латинское письмо и греческий алфавит. Однако надо учитывать, что и греческий, и латинский шрифты восходят в конечном счете к финикийскому письму. Соответственно, их графика сходна, и поэтому вряд ли можно с уверенностью отдать предпочтение одному из них.

Более показательным совпадением не только графических форм, но одновременно с этим и фонетических значений рун с буквами других алфавитов. Наиболее последовательно совпадение графики и фонетических значений прослеживается для рун и латинского капитального письма. Они полностью совпадают для семи рун:

b — В, f — F, h — H, i — I, r — R, t — T, s — S.

Сходство с меньшей степенью вероятности обнаруживается еще для семи знаков:

a — A, k — K, l — L, d — D, m — M, o — O, u — U.

В конце 1920-х годов К. Марстрандер выдвинул предположение о связи рунической письменности с некой разновидностью долатинского североиталийского алфавита, переработанного одним из германских племен (возможно, мар-

команами). В. Краузе предположил, что руны возникли на основе этрусского алфавита; в отдельных случаях буквы были переработаны под влиянием формально сходных дорунических понятийных знаков.

Возникновение рунической письменности неоднократно связывали с готами, а их распространение — с перемещением готских племен от берегов Черного моря на север. Однако в свете новейших данных, позволяющих удревнить существование рун по крайней мере до I века н.э., «готская» теория оказывается несостоятельной.

Вызывает интерес гипотеза, указывающая на значительную роль в распространении рун племени герулов. Главным поводом для возникновения «герульской» теории служит совпадение их племенного названия со словом **erilaz* (ср. др.-исл. *jarl* и др.-англ. *eorl*), обозначающим лиц, имеющих высокий социальный статус. Анализ старшперунических надписей позволяет говорить о том, что словом *erilaz* обозначались жрецы или люди, владевшие знанием письма и потому занимавшие в обществе высокое социальное положение. Сторонники «герульской» теории предполагают, что название социальной группы *эрилей* произошло от племенного названия *герулов* из-за того, что герулы владели сакральной письменностью.

Начиная с V века старший рунический алфавит, используемый различными германскими племенами, распространялся по Европе и видоизменялся. В результате этого возникло несколько модификаций футарка — англосаксонская, фризская и др. Видоизменения рунической системы происходили, во-первых, вследствие изменения языка (в частности, это относится к языкам, происходящим из общегерманского корня), во-вторых, для адаптации рун к языкам народов, принимающих руническую письменность.

Происходило и усовершенствование орфографии рунического письма. Так, уже в старшерунических надписях отдельные слова или группы слов иногда разделялись, хотя в целом было характерно слитное написание. Постепенно употребление разделительных знаков между словами становилось все более и более последовательным; к XI–XII векам эта практика стала правилом. Для разделения слов использовались крестики, точки и т.п. В некоторых надписях наблюдалось одновременное употребление и слитного, и раздельного написания слов. Иногда разделительные знаки разбивали слово на несколько частей. Если слово оканчивалось на ту же руну, с которой начиналось следующее слово, допускалось писать слова слитно, не повторяя концевой и начальный знак.

Существовало две модификации младшерунического ряда (см. табл. на с. 18–19) — так называемые *полноветвистые* и *коротковетвистые* руны. Эти модификации долгое время рассматривались исследователями как две локальные системы рунической письменности. За ними даже закрепились наименования «датских» (или «обычных») и «шведско-норвежских» рун. Однако территориальная привязка здесь неправомерна — полноветвистые «датские» руны широко использовались и за пределами Дании, в том числе — на Скандинавском полуострове. Правильнее предполагать, что в основе разделения рун на полно- и коротковетвистые лежит не территориальный, а функциональный принцип: полноветвистые руны использовались для монументального, «парадного» письма, а коротковетвистые — являлись своего рода скорописью и находили применение в первую очередь в бытовой практике.

И старшие футарки (насчитывающие по 24 знака), и тем более младшие (16 знаков) не могли в полной мере отобра-

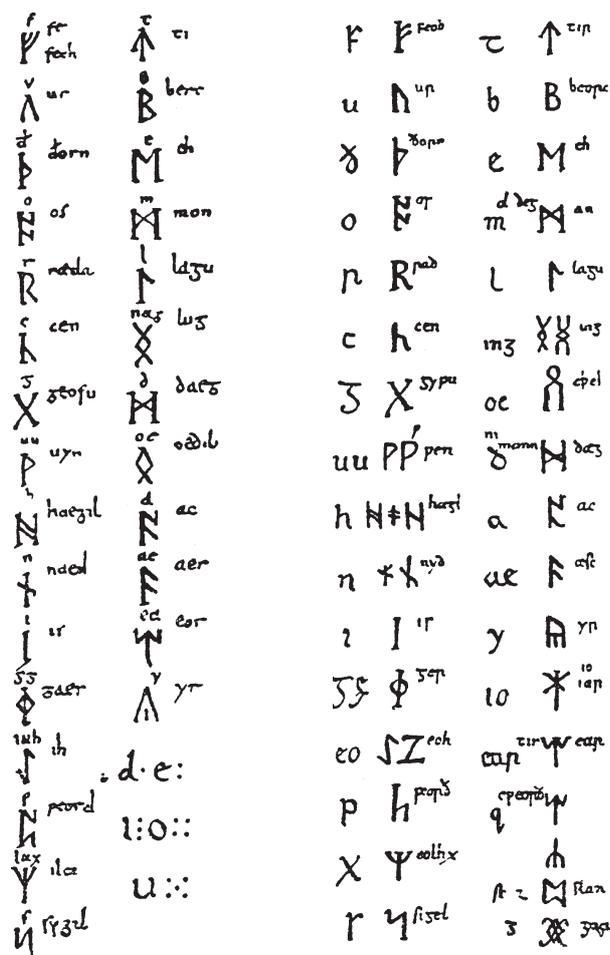

Рис. 1. Трансформация рунического строя: ранние (слева) и поздние (справа) англосаксонские руны

зять фонетический состав германских и скандинавских языков. Для этого приходилось одним и тем же знаком обозначать до четырех фонем. Потребность в расширении знакового ряда привела к появлению так называемых пунктированных рун: над руной ставился диакритический значок — точка. В надписях XII века пунктированные руны образуют полный алфавит, в него добавляются несколько знаков, основанных на соответствующих по звучанию латинских букв.

В Средние века параллельно существовали письменности, основанные на рунах и на латинице. Преимущество латиницы состояло прежде всего в том, что она использовалась в издававшихся в те времена христианских священных книгах. В средневековой Европе Библия читалась на латыни, латынь была языком церковной службы. Кроме того, на латыни было принято писать и научные труды. Соответственно, использование латиницы (как шрифта) было во многом обусловлено характером самих письменных текстов того времени.

Иногда сосуществование двух систем письменности приводило к их взаимодействию. Так, только в Швеции обнаружено около девяноста надписей, передающих с помощью рунических знаков латинские слова и фразы.

Постепенно алфавиты, основанные на латинской графике, вытеснили рунику.

Руническое письмо существовало вплоть до XV века, а в некоторых шведских областях оно дожило и до XVIII века, правда уже как редкость. Когда изучением рун начала заниматься наука, руническая письменность еще существовала как живая традиция.

Многие рунические надписи, дошедшие до наших дней, сообщают о принадлежности того или иного предмета кон-

кретному владельцу. Поэтому надписи состоят из имени владельца или человека, сделавшего предмет или надпись на нем.

Так, например, на брошках были обнаружены следующие надписи:

«Брошка эта Малбрифа, священника в Ларе»;
«Хариса собственность»;
«Конрад сделал меня, Дах владеет мною»;
«Уф сделал <для> Идды эту брошку»;
«Инки <дарит> Искасе».

Примеры надписей на гребнях:

«Иит сделал меня <для> Унбои»;
«Гребень этот сделал Форфастр»;
«<Хозяйка —> Харинга».

На рукояти меча:

«Аумунд сделал меня, Аслак владеет мной».

Надпись на колоколе:

«Этот колокол приказал отлить Алиер, священник в Сигдале и Форте, владелец Ауика, а отлил его Тойе, сын Торра».

Надпись на одной сохранившейся булаве сообщала, что предмет принадлежит не какому-то конкретному человеку, а должностному лицу:

«<Принадлежность> начальника войска».

Если случалось, что предмет менял хозяина, то очередные владельцы приказывали нанести на него также и свои имена.

Интересны надписи, предположительно содержащие имя собственное самого предмета. Так, на одном из древнейших

Отдельную группу рунических памятников составляют брактеаты, медали и монеты. Брактеаты — медалеподобные круглые подвески, в основном золотые, на лицевой стороне которых нанесены изображение и руническая надпись.

Надписи на брактеатах сообщают либо имя заказчика и пожелание для него, либо имя изготовителя. Видимо, брактеаты, подобно византийским и восточнославянским змеевикам, имели функции амулетов. Поэтому надписи на брактеатах часто содержат пожелание «на удачу» или «на счастье».

На рунических медалях и монетах обычно упоминается имя князя, короля, вообще господина. Известны медали, изготовленные в честь какого-либо события.

Особого внимания заслуживает такое самобытное явление, как рунические надписи на надгробных камнях.

Впервые рунические надписи на памятниках в честь умерших появились в первой половине VII века в датском культурном ареале. К X веку обычай установки мемориальных камней был уже повсеместным.

К концу X века число мемориальных рунических камней резко возросло, и XI век стал временем расцвета данной традиции.

Среди мемориальных камней выделяются рунические стелы (*rúnsteinar*) и стелы без памятных надписей (*bautasteinar*). Надо отметить, что в большинстве случаев рунические камни (по крайней мере до XII века) не связаны с захоронениями, они устанавливались именно как памятники в честь тех или иных людей — и совсем необязательно на могилах. Стелы без памятных надписей первоначально воздвигались на могильных курганах и, насколько можно судить по сведениям, относящимся к XIII веку, сопровождали обряд сожжения. В XI веке стелы без надписей воздвигали отдельно от

Рис. 2 а. Рунический камень. 2,1×1,6 м. XI в.
Перевод надписи: «Гуви установил этот камень
по Олаву, своему сыну, очень отважному воину.
Он был убит в Эстландах ... высек камень»

Рис. 2б. Рунический камень. 2,25×1,15 м. XI в. Перевод надписи: «Бруси велел установить [этот] камень по Эгилю, своему брату. А он умер в Тавастланде, когда Бруси вел ледунг (?) после своего брата. Он ездил с Фрейгейром. Бог и Божья Матерь да помогут его душе. Свейн и Асмунд, они высекли знаки»

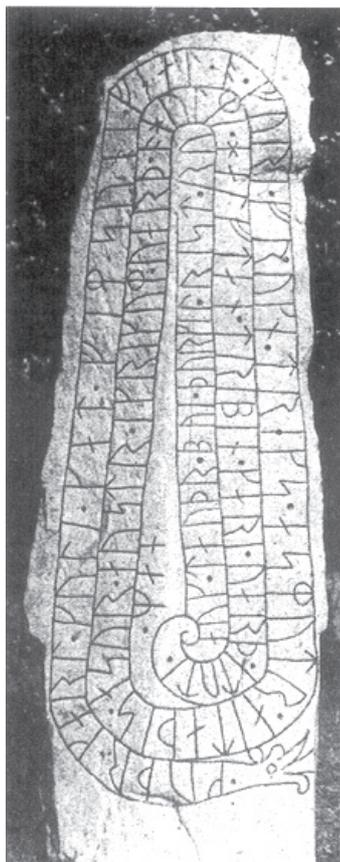

Рис. 26. Рунический камень. 3,45×0,63 м. XI в. Перевод надписи: «Добрый бонд Гулли имел пять сыновей. Пал у Фюри Асмунд, бесстрашный муж. Умер Ассур на востоке, в Греции. Был на Хольме Хальвдан убит. Кари был у Дунди (?), и умер Буи. Торкель высек руны». На другой стороне камня более ранняя надпись, посвященная Ассуру, одному из перечисленных братьев

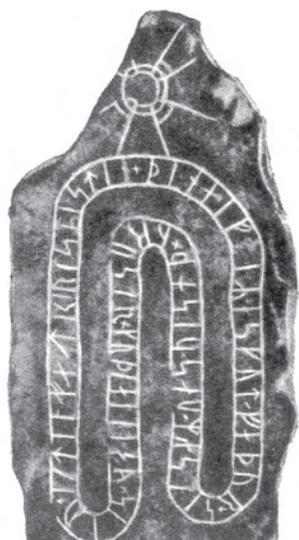

Рис. 2 г. Рунический камень.
1,88×0,85 м. XI в. Перевод
надписи: «Кетильфаст
установил этот камень по
Асгауту, своему отцу. Он был
на западе и востоке. Бог да
поможет его душе»

Рис. 2 д. Рунический камень. 1,38×1,5 м. XI в.
Перевод надписи: «Гейрфаст, Эстфари установили этот
камень по Фрейстейну, своему отцу, и по Вагну, своему
брату. Братья сделали руны»

погребений, иногда вместе с такой стелой устанавливался и рунический камень. Вместо одного из камней мог устанавливаться и деревянный столб (*stafr*). Отдельную группу составляют стелы в виде креста.

Надписи на рунических камнях (так же, как и рунические надписи на предметах) достаточно стандартны — часто они сводятся к упоминанию человека, которому посвящен памятник, заказчика и изготовителя. В X веке была выработана следующая посвятительная формула: «NN велел установить (воздвигнуть и т.п.) этот камень (памятник и пр.) в память о NN, своем отце (сыне, брате и т.д.)...»

Иногда этот типовой текст сопровождался нестандартными добавлениями. Например, резчик мог высечь некоторые похвалы погибшему или указать место и обстоятельство его гибели. Очень часто встречается формула *drengr/þegn (harda) goðr* — «(очень) хороший воин» (варианты: «добрый воин», «отважный муж», «лучший муж» и др.). Кроме того, надпись могла содержать обращение к Богу или Богородице с просьбой позаботиться о душе человека, в память о котором поставлен памятник.

В подавляющем большинстве случаев заказчиками памятников были близкие родственники умершего: родители (отец, реже мать), сыновья, братья и очень редко — дочери. В нескольких случаях памятник заказывала жена для погибшего мужа. Памятники в честь женщин достаточно редки; встречаются камни, поставленные детьми в честь матерей и мужьями в честь жен.

Известны мемориальные камни, поставленные дружинниками, слугами, товарищами погибшего. Так, единственный рунический камень на территории Восточной Европы был установлен товарищем некоего скандинава, погибшего во время путешествия в Византию. Стоит отметить, что отно-

шения боевого товарищества или делового партнерства — особенно во время дальних экспедиций — по тем временам могли приравняться к родственным. Вообще, в честь людей, погибших вдали от родины, установлено не менее 10% камней.

Существуют рунические камни, которые были заказаны человеком в память о себе самом. По-видимому, так поступали воины и торговцы, уходящие в далекие и опасные походы, особенно в случаях, если на родине некому было позаботиться об увековечении их памяти.

В случае если памятный камень устанавливался наследником погибшего, это было не только долгом памяти, но и актом, призванным закрепить юридические права владения.

Конечно, рунические памятники устанавливались в честь высокопоставленных, зажиточных людей, представителей социальных верхов. Однако при этом редко встречаются термины, обозначающие высшие социальные статусы: ни разу не употребляются титулы конунгов и хёвдингов, всего несколько раз отмечается высокое положение человека в войске (вождь, предводитель, владелец корабля, рулевой, кормчий, капитан).

Встречаются целые мемориалы, состоящие из нескольких (до шестнадцати штук) рунических камней, посвященных членам одной семьи. Иногда имена недавно погибших родственников наносились на уже существующий камень. Так, на рисунке 2 в изображен камень, установленный в память пяти братьев, погибших в разных концах Европы: на одной стороне — упоминание о братьях, погибших в Византии, Шотландии, в самой Швеции, на Руси. На оборотной же стороне — более раннее по времени поминание самого первого из погибших: «Торгейр установил этот камень по Ассуру, брату своей матери, который умер на востоке, в Греции».

Уже на ранних рунических камнях встречаются тексты, которые могут быть расценены как поэтические. Они характеризуются наличием некоей метрической формы, размера (так называемый эддический размер), аллитераций, поэтических метафор.

В качестве примера можно привести следующую надпись (перевод известен только отчасти):

*Камень не был [освещен] солнцем,
И нож не коснулся его;
[Злые] волшебники не должны обнажить [камень],
Ни обманутые,
Ни ослепленные колдовством.*

*Тот сотворил навье море
И смазал им уключины
Утомленной от просверливания ляды,*

*Кто пришел сюда, в страну коней...
Рыба ... плывущая...
Птица ... поющая...
Он погиб коварной смертью⁹.*

Некоторые надписи, имея сугубо формальный характер, все же могут быть рассмотрены как поэтические. Например, рунический текст на так называемом камне Водурида включает стандартные составляющие — имена умершего, указание на наследников, подпись резчика; однако текст оформлен как скальдическое стихотворение.

*Вив резал этот камень для Водурида.
Три дочери поделили наследство,*

⁹ Цит. по: Платов А. Магические искусства Древней Европы. М., 2002. С. 201–202.

*Как самая близкая его родня
Среди оставшихся в живых.
А я, Вив, резал руны
Для моего лорда — Водурида¹⁰.*

В данном посвящении фигура резчика выступает на первый план, оставив в тени трех дочерей-наследниц покойного, имена которых даже не упоминаются. И такое самовозвеличивание мастера по-своему правомерно — в XI веке резчики были востребованными специалистами; судя по надписям, один мастер за свою жизнь мог изготовить до семи-десяти мемориальных камней.

Изображения на рунических камнях подчинены определенной графической традиции. Надпись наносилась таким образом, чтобы использовать поверхность камня как можно полнее. Поэтому наиболее часто встречается круговое расположение надписи — спиралевидная цепочка рун окольцовывает поверхность камня по периметру (см. рис. 2 а, б, д). Частным случаем такого расположения рун является так называемый бустрофедон — при нем строка делает разворот на 180 градусов и продолжается, будучи перевернутой по отношению к предыдущей строке (элементы бустрофедона см. рис. 2 в).

Мемориальные камни помимо надписей содержат на себе также орнаменты и рисунки. Рисунки могут быть достаточно сложными, многоплановыми — известны, например, изображения, восходящие к сюжетам саг. В качестве примера камня с рисунком можно привести мемориал, в центре которого изображен лев (рис. 2 а). Надо полагать,

¹⁰ Цит. по: Платов А. Магические искусства... С. 207.

данное изображение навеяно европейской геральдикой того времени.

Наиболее частыми элементами рунических орнаментов являются крест и змей.

Крест, как правило, находится в центральной части орнамента. Он занимает пространство, оставшееся в круге, образованном текстовой строкой. Считается, что в данном случае крест является христианским символом, однако это может быть и не так. Крест — символ, встречающийся во всех культурах; его символика, как правило, сводится к символике света, огня, жизни. Показательно, что на рунических камнях крест может заменяться изображением солнца (сравн. рис. 2 а и 2 г) или замысловатой «крестообразной» композицией (см. рис. 2 д). Такая взаимозаменяемость говорит в пользу того, что резчики в данном случае не воспринимали крест как христианский символ.

Изображение змея на мемориальных камнях тесно связано с рунической строкой. Разнообразно изогнутая строка, состоящая из рун, фактически и является телом змея. Существует мнение, что «тело змея» является всего лишь полосой, предназначенной для размещения знаков, а голова и хвост, добавленные к этой полосе, представляют собой лишь элементы декоративного оформления и никакой смысловой нагрузки не несут. Однако возможно и другое толкование. Во многих мифологических системах мира существовали представления о том, что змей связан со смертью, является одним из олицетворений царства мертвых. Поэтому не исключено, что стилизованный змей на рунических камнях был не только деталью орнамента, но и являлся символом царства смерти, «того света», куда ушел умерший.

В пользу того, что змей, изображаемый на рунических камнях, связан с символикой смерти и царством мертвых, говорят также другие изображения на камнях. Так, на знамени-

Рис. 3. Памятный камень с острова Готланд. VIII в.

том камне с острова Готланд (VIII в., рис. 3) изображена развернутая картина «того света» — среди фигур, высеченных на камне, можно с уверенностью идентифицировать бога Одина, одной из функций которого является главенство в царстве мертвых — Вальхалле. Один на восьминогом коне Слейпнире въезжает в Вальхаллу, его встречает валькирия,

крылатая «дева боя». Четвероногие существа, изображенные здесь же, могут быть интерпретированы как встречающиеся во многих мифологических системах «псы смерти».

Изображение на мемориальных предметах символики смерти, описание дороги в царство мертвых — элементы, встречающиеся во многих культурах. Надо сказать, версия о том, что на рунических камнях встречаются символы царства мертвых, находит подтверждение в погребальных практиках многих народов. В различных культурах существуют обычаи создания визуального или вербального образа пути, по которому отправляется на «тот свет» душа умершего.

Долгое время считалось, что руническая письменность в Средние века была известна ограниченному числу лиц (интеллектуальной, а ранее жреческой элите) и использовалась для определенных целей — составления эпитафий и магических заклинаний, обозначения собственности. Бытовые надписи если и обнаруживались, то считались случайными исключениями.

Переворот в научных взглядах совершили раскопки, произведенные в 1955 году в гавани норвежского города Бергена. В слоях XIII—XIV веков было обнаружено около 1100 деревянных стержней и дощечек с различными надписями. Такое большое количество материала позволило говорить о всеобщей рунической грамотности, распространенности рун в самых разных слоях общества.

Среди бергенских находок наибольший интерес представляли письма. Они носили совершенно разный характер — деловые, дружеские, любовные:

«Торкель, монетный мастер, посылает тебе перец».

«Хавгриму, своему товарищу, посылает Торир Добрый привет Божий и свой, истинное товарищество и дружбу. Мне

сильно недостает товарища. Не радует меня ни эль, ни рыба. Хочу я, чтобы ты знал [это] и не требовал. Ожидавшийся бонд приехал к нам на юг, чтобы посмотреть, как у нас дела. А ты не требуй больше ничего и не давай знать Торстейну длинному. Пришли мне какие-нибудь перчатки. Если Сигрид нуждается в чем-либо, то предложи ей».

«Моя любимая, поцелуй меня» (на оборотной стороне данного письма был вырезан футарк — видимо, в магических целях).

Было обнаружено даже любовное стихотворение:

*Люби меня
Я люблю тебя
Гуннхильд
Поцелуй меня
Я знаю тебя.*

Впоследствии археологические исследования на территории Скандинавии, Дании и Германии подтвердили, что руническая письменность широко использовалась в бытовых целях: были обнаружены рунические письма, молитвы, календарь и др. Анализ находок показал, что в бытовом письме выработались особые графические формы, облегчающие приращение рун широкими массами.

Неоднократно указывалось на связь рунической письменности с поэзией. Многие рунические тексты имеют ритмику, близкую к стихотворной; существуют и другие доводы в пользу того, чтобы сблизить рунические надписи и поэтические строки¹¹. Исследователи неоднократно указывали на

¹¹ Макаев Э.А. Рунический и готский // Типология германских литературных языков. М., 1976. С. 30–31.

большое количество аллитераций в рунических текстах (даже в текстах, имеющих сугубо утилитарный характер).

М.И. Стеблин-Каменский обратил внимание на типологическое родство рунического и скальдического искусства: «По-видимому, написание рун и сочинение скальдических стихов сходны как типы творчества. Из того, что скальды говорят в своих стихах о своем искусстве, очевидно, что они создавали его как владение определенной формой, как умение зашифровать содержание посредством определенной фразеологии и в то же время как способность оказать определенное действие — прославить, в случае хвалебной песни, или посрамить, уничтожить, в случае худительных стихов»¹².

Рассматривая тему рун и рунической письменности, нельзя не коснуться вопроса о связи рун с магическими практиками.

Е.А. Мельникова, один из ведущих российских специалистов по рунологии, высказывается вполне определенно: «Ныне вопрос о функциях рунического письма древнейшего периода, было ли оно культовым, магическим или коммуникативным средством, обсуждается широко... Категорически отвергается распространенное ранее и широко эксплуатируемое ныне в “эзотерической” литературе представление о магической сущности самих рун (знаков)»¹³. Е.А. Мельникова признает, что существует много рунических надписей, несущих магическую нагрузку, причем часть этих надписей не поддается переводу ввиду того, что руны в них несут не фонетические, а смысловые значения. Однако и в этом случае

¹² Стеблин-Каменский М.И. Древнескандинавская литература. М., 1979. С. 15.

¹³ Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи... С. 13.

она отказывает рунам в магической сущности, поскольку «и магическое заклинание может рассматриваться как своего рода сообщение». Согласно такому подходу, руны являются всего лишь знаками, несущими какую-либо информативную нагрузку, — с их помощью можно формулировать сообщения независимо от того, являются ли они сугубо бытовыми текстами или же магическими заклинаниями.

Последовательный материалистический подход Е.А. Мельниковой встречает контрдоводы даже среди советских ученых. В качестве примиряющей позиции можно привести мнение, высказанное в сборнике под редакцией Н.С. Чемоданова: «Подобно другим архаическим письменам, руны в германском обществе времен Великого переселения народов служили не средством коммуникации между людьми, а “вестью” от человека к богу».

Здесь следует сделать важное уточнение. Вопрос о сакрализации рунического письма имеет долгую предысторию в рунологии. Но при этом чаще всего подразумеваются вторичные функции рунических знаков (например, их применение в числовой магии) либо, напротив, их архаические символические значения, унаследованные рунами от “дорунических” магических знаков (типа тех знаков, которые известны по скандинавским наскальным изображениям). Не оспаривая важности данных аспектов рунического мастерства, мы имеем в виду, однако, не числовую магию и не символические значения отдельных рун. Речь идет исключительно о применении рунического письма в его прямой функции — для записи текстов, но применении, не преследующем непосредственных целей коммуникации, т.е. “обращенном на себя”¹⁴.

¹⁴ Эпос Северной Европы. Пути эволюции... С. 41.

Прежде всего, о магической функции рун говорится в письменных источниках, посвященных скандинавской и германской мифологии.

Например, о богоданности рун говорится в «Старшей Эдде»:

*Вот что отвечу,
когда вопрошаешь
о рунах божественных,
что создали сильные,
а вырезал Вещий:
благо в молчанье. <...>*

*Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.*

*Никто не питал,
никто не поил меня,
взирал я на землю,
поднял я руны,
стена, их поднял —
и с древа рухнул. <...>*

*Руны найдешь
и постигнешь знаки,
сильнейшие знаки,
крепчайшие знаки,
Хрофт их окрасил,
а создали боги,
и Один их вырезал,*

*Один у асов,
а Даин у альвов,
Двалин у карликов,
у ётунов Асвид,
и сам я их резал¹⁵.*

Далее по тексту песни перечисляются заклинания, составленные с помощью рун. Можно предположить, что магическая сила заклинаний содержится в словах, а не в знаках, которыми они могут быть записаны. Однако другой текст «Старшей Эдды» — «Речи Сигдривы» — говорит об ином. Валькирия Сигдрива, посвящая своего избранника Сигурда в тайны рунического искусства, упоминает не словесные формулы, записанные рунами, а именно отдельные руны, которые следовало наносить на оружие (для достижения победы), на рог для пива и собственные ногти (для предохранения от обмана), на ладонь повитухи (для помощи при родах), на различные части корабля (для помощи при шторме), на специально выбранные ветви дерева (для врачевания) и т.д.¹⁶

Текст «Старшей Эдды» подтверждается археологическими находками — так, на древнем и средневековом оружии действительно часто встречается упомянутая в песне руна «Тюр». Эта руна не является составляющей какой-либо буквенной фразы и встречается слишком часто для того, чтобы быть расцененной как знак собственности; по-видимому, ее употребление имеет магический характер.

Как магические часто рассматриваются и некоторые непереводимые надписи. Предполагается, что в подобных слу-

¹⁵ Старшая Эдда. Речи Высокого. 80, 138–139, 142–143. (Пер. А. Корсуна).

¹⁶ Старшая Эдда. Речи Сигдривы. 5–13. (Перевод А. Корсуна).

чаях руны могут соответствовать не отдельным звукам, а целым понятиям.

На магическую сущность рун указывает тот факт, что в качестве магического средства может использоваться сам футарк. Среди рунических надписей неоднократно встречаются записи футарка (иногда разбитого на атты); эти записи рассматриваются многими исследователями как своеобразные амулеты. М.И. Стеблин-Каменский истолковывает эту практику так: «Поскольку отдельные руны представлялись обладающими той или иной тайной силой, то естественно, что написание всех 24 рун подряд должно было представляться своего рода мобилизацией всех этих магических сил»¹⁷. Возможно и другое толкование — что алфавит воспринимался как некая богоданная целостность — совокупность всех проявлений мира. Согласно такому толкованию, полный последовательный перечень знаков алфавита был олицетворением некоего космогонического «начала», исходной точки развития, точки, которой свойственна изначальная целостность и божественность. В архаичных культурах обращение к такому «началу» было магическим действием, используемым помимо прочего в целях излечения и придания плодородных свойств¹⁸.

Совершив краткий экскурс в тему рунической письменности, сделаем **выводы** — еще раз отметим ряд положений, которые будут значимы при рассмотрении проблем, связанных с системами письменных знаков у славян.

1. В Средние века наблюдался процесс распространения рунической письменности. При этом народы, перенимавшие

¹⁷ Стеблин-Каменский М.И. Древнескандинавская литература. М., 1979. С. 11.

¹⁸ См., напр: Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

руны, модифицировали рунический строй для адаптации его к особенностям своего языка. Соответственно, при рассмотрении славянских рунических памятников допустимо предположить, что рунические строи были заимствованы славянами и модифицированы в сравнении с исходными строями.

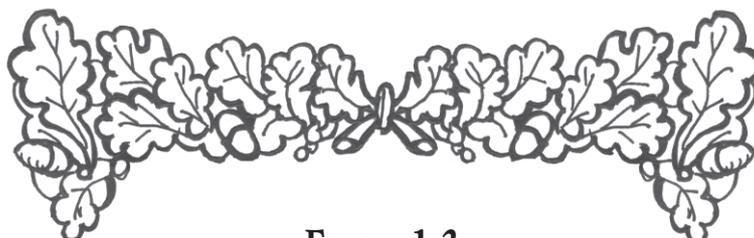
2. Большое количество рунических надписей преследует цель зафиксировать принадлежность предмета тому или иному хозяину. Соответственно, при рассмотрении надписей и отдельных знаков, обнаруживаемых на территории расселения славян, есть основания предполагать, что многие из них обозначают именно собственность.

3. Существует такое явление, как рунические мемориальные камни. Практика установки подобных камней могла распространяться и на славянские территории.

4. Рунические знаки не всегда обозначали звуки: иногда им присваивались значения слов, понятий. Подобные надписи часто расцениваются как заклинательные, магические. Не исключено, что подобные надписи могут встречаться и на славянских территориях, причем соотноситься со славянскими знаковыми системами.

5. Рунические знаки рассматривались как богоданные, священные (подобное отношение к знакам письменности свойственно и другим народам). Аналогичное явление может наблюдаться и у славян.

Глава 1.2. Сакральная каменная скульптура у славян

Когда в последующих главах мы будем рассматривать славянские рунические памятники, то встретим много изображений и надписей на камнях. Причем довольно часто такие памятники имеют сакральный характер: рисунки изображают некие божества славянской мифологии или священные символы, а надписи являются пояснениями к рисункам, содержат теонимы. К сожалению, почти все рунические памятники данной группы уязвимы для критики: почти все они объявлялись подделками.

Далее мы неоднократно будем рассуждать о дилемме аутентичности или поддельности тех или иных групп памятников; в данной же главе мы считаем нужным рассмотреть вопрос: существовала ли у славян-язычников сакральная каменная скульптура — идолы и надгробия? То есть могли ли в принципе существовать рассматриваемые нами памятники? Укладываются ли они в общий контекст славянской материальной культуры того времени?

Количество археологически зафиксированных славянских каменных идолов достаточно велико. И.П. Русанова и Б.А. Тимощук указывают 47 славянских культовых скульптур¹ (в дан-

¹ Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1993. С. 11–16, 148.

ной главе будут упомянуты только некоторые из них). Б.А. Рыбаков производит на основе археологических данных краткую классификацию: «По содержанию их можно разделить на три категории — идолы, изображающие мужчину с рогом изобилия в руках, фаллические идолы и изображения без особых признаков»².

К первой группе относится рельеф на стеле X века с балтийского острова Рюген (рис. 4 а)³. Это изображение ассоциируется с богом Святовитом, описанным Саксоном Грамматиком. Другой идол с рогом в руке был обнаружен в Мазовии⁴. На поясе у него угадывается некое оружие. Наиболее известной славянской скульптурой данной группы является так называемый Збручский идол, обнаруженный в 1848 году на русско-австрийской границе (рис. 4 б). Он также ассоциируется со Святовитом, поскольку, как и Святовит Саксона Грамматика, имеет четыре лика, обращенных на разные стороны света.

В землях западных славян помимо перечисленных было найдено еще несколько крупных каменных идолов: в Гольцгерлингене (рис. 4 в)⁵, в реке Регнице близ Бамберга (рис. 4 г), в Янкове близ Могильна⁶ и др.

Практика изготовления каменных идолов существовала и у южных славян. Так, в Сербии (Неготин) была обнаружена каменная скульптура со съёмной «шапкой» (рис. 5)⁷.

О восточных славянах В.В. Седов пишет: «В разных местах восточнославянской территории найдены каменные идолы,

² Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 232.

³ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 233–235.

⁴ Gardawski A., Gassowski J., Rajewski Z. Archeologia i pradzieje. Swiat. 1965. № 17. Polski. Warszawa, 1957. S. 49.

⁵ Schlette F. Kelten zwischen Alesia und Pergamon. Leipzig; Jena; Berlin, 1980.

⁶ Нидерле А. Славянские древности. М., 2000. С. 322.

⁷ Фото из архива А.А. Бычкова.

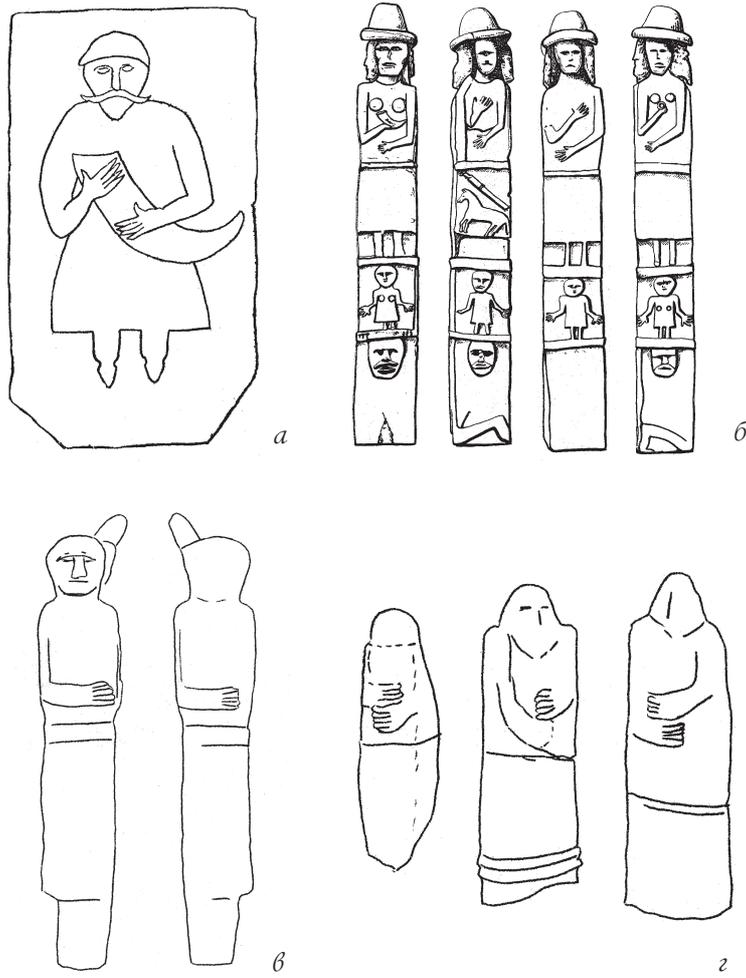

Рис. 4. Западнославянская каменная скульптура:
а — о. Рюген, б — р. Збруч, в — г. Гольцгерлинген,
г — г. Бамберг

свидетельствующие о том, что в среде славян-язычников широкое распространение получили изображения божеств, выполненные из камня»⁸. Причем, согласно археологическим данным, на территории расселения восточных славян традиция изготовления каменных идолов древнее, чем у славян западных и южных. Так, известны антропоморфные каменные столбы (ок. II–VI вв. н.э.), относящиеся к черняховской археологической культуре⁹. В тот же ряд могут быть поставлены два антропоморфных камня из Ганачеевки и Звенигорода, опубликованные И.П. Русановой и Б.А. Тимощуком (рис. 6 а)¹⁰.

Каменные идолы были обнаружены также в Белоруссии (г. Слоним)¹¹, Белозерье (около р. Шексны)¹², в Чер-

Рис. 5. Южнославянская каменная скульптура (г. Неготин, Сербия)

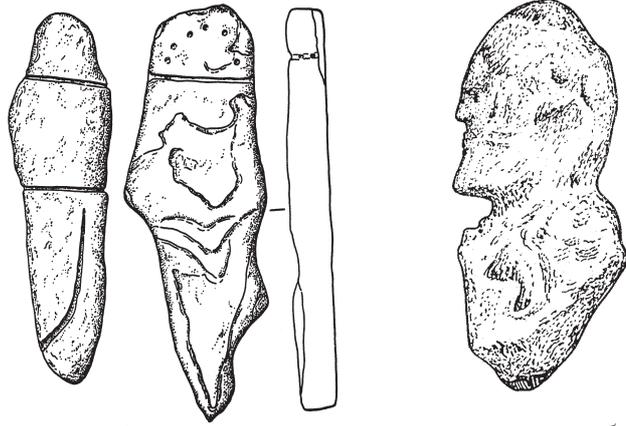
⁸ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII веках. М., 1982. С. 264.

⁹ См.: Довженко В.И. Древнеславянские языческие идолы из с. Иванковцы в Поднестровье // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1952. Вып. 48. Надо отметить, что на настоящий момент в науке нет единого мнения об этническом составе черняховцев: в этой археологической культуре присутствовали иранцы, славяне и др.

¹⁰ Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища... С. 152.

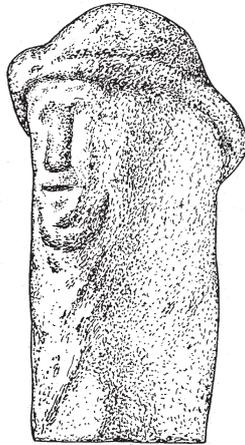
¹¹ Stabrowski J. Odnalezienie głowy starosłowiańskiego bóstwa w Słoni-
mie // Ziemia Lidzka. Lida. 4 (1). 1939. S. 24–26.

¹² Порфиридов Н.Г. Заметки о двух археологических памятниках Новгородского музея // Материалы и исследования Новгородского музея. № 1. 1930. С. 31–33.

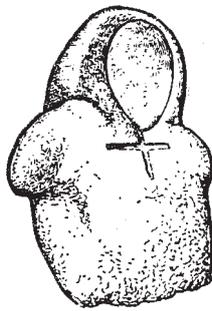

a

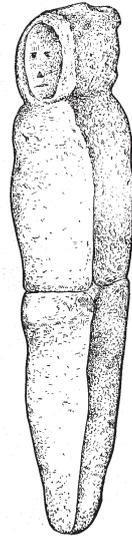
б

в

г

д

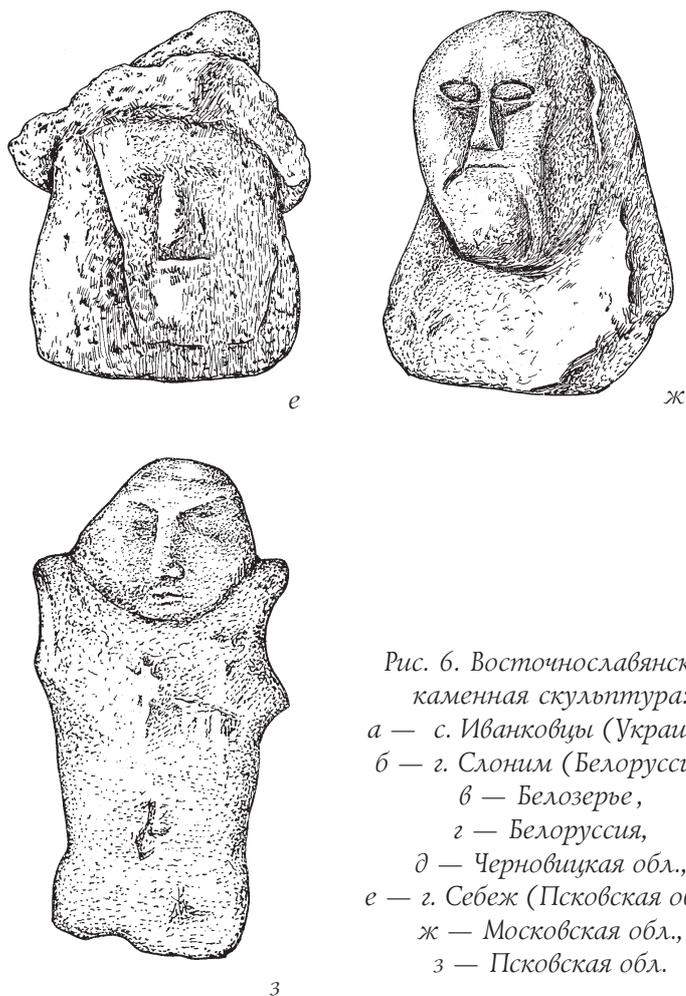

Рис. 6. Восточнославянская
каменная скульптура:
а — с. Иванковцы (Украина),
б — г. Слоним (Белоруссия),
в — Белозерье,
г — Белоруссия,
д — Черновицкая обл.,
е — г. Себеж (Псковская обл.),
ж — Московская обл.,
з — Псковская обл.

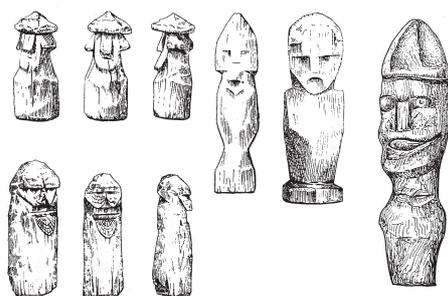

Рис. 7. Восточнославянские деревянные скульптуры, идентифицируемые как языческие идолы

новицкой (с. Яровка)¹³, Московской (д. Акулинино и Долматово Подольского р-на)¹⁴, Псковской (близ г. Себеж¹⁵ и с. Вялье под Псковом¹⁶) областях и т.д.¹⁷ Б.А. Рыбаков говорил о распространенности каменных сакральных скульптур в Киевской Руси, основываясь на материалах раскопок капища Владимира в Киеве и на текстах летописей, повествующих о крещении Руси¹⁸. Каменные идолы были и в северном центре Руси — Великом Новгороде; в поздней Иоакимовской летописи сообщается, что Добрыня в 988 году «идолы сокруша: деревянни сожгоша, а каменнии, изломав, в реку ввергоша»¹⁹.

¹³ Тимоцюк Б.О. Слав'яни Північної Буковини V–IX ст. Київ. 1976. С. 91–92. Рис. 45.

¹⁴ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII веках. М., 1982. С. 265.

¹⁵ Гуревич Ф.Д. Каменные идолы Себежского музея // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. 1954. С. 176–179.

¹⁶ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII веках... С. 265.

¹⁷ См.: Штыхов Г.В. Интересная находка // Искусство. 1964. № 4. С. 66, 67. Никитина В.Б. Находки в Брестской области // Археологические открытия. М., 1971. С. 317, 318.

¹⁸ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 432.

¹⁹ Татищев В.Н. История Российская. М., 1963. С. 39.

Стоит отметить, что у славян встречаются и небольшие каменные изображения людей; эти изображения, возможно, также имеют сакральный характер. В качестве примера можно привести скульптурное изображение человеческого лица, найденное в 1873 году в старинном польском селе Варче близ Варты. Лик выбит на плоском округлом камне диаметром 10–11 см²⁰.

Надо учитывать, что «сохранившиеся до наших дней каменные идола, по всей вероятности, составляли незначительный процент славянских идолов вообще, так называемая основная масса изображений богов была изготовлена из дерева»²¹. Археологами обнаружено несколько деревянных славянских скульптур, идентифицируемых как идола (см. рис. 7)²². Не исключено, что многие из них были изображениями домовых — покровителей жилой территории.

Кроме деревянных сакральных изображений существовали и изображения металлические. Отметим здесь только одно, найденное в Великом Новгороде. Свинцовый предмет представляет собой

Рис. 8.
Средневековое
бронзовое изделие
(изображение
идола?)
из Великого
Новгорода

²⁰ *Leciejewski J.* Runy i runiczne pomniki słowiańskie. Lwów, 1906. Со ссылкой на: *Wiadomości archeol.* Warszaw. T. II. S. 58.

²¹ *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси... С. 235.

²² См.: *Колчин Б.А.* Новгородские древности. Резное дерево // Свод археологических источников. Вып. Е1–55. 1971. С. 41–44.

Рис. 9. Средневековые южнославянские надгробия

фигурку усатого мужчины, стоящего на вершине высокого столба (рис. 8)²³. Возможно, данный предмет является миниатюрным идолом, повторяющим очертания «натуральных» скульптур.

С темой каменных идолов тесно переплетается другая тема — каменные надгробия, изображающие неких сакральных персонажей. Н.Н. Велецкая, исследуя представления славян о смерти и посмертном существовании, рассматривает ряд каменных надгробий XIV—XV веков из Югославии и Сло-

²³ *Арицховский А.В.* Археологическое изучение Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 55. 1956. С. 35–36.

Рис. 10. Средневековые южнославянские надгробия с изображениями десницы, поднятой к небу, и человеческой фигуры

вакии. Согласно толкованию Н.Н. Велецкой, изображения содержат информацию о «том свете», путешествии души в загробный мир: «Яркое изобразительное отображение мотив космического “иного света” получил в рельефах средневековых архаических надгробий. <...>

Из космических мотивов наиболее отчетливо выражен мотив звезд и месяца. С ними чаще связывается посмертное существование.

Луна, месяц и звезды — распространенные космические знаки на средневековых южнославянских надгробиях. При сравнительном анализе их раскрывается красноречивая картина устремления духа умерших в космос, пути его к небосводу, вдоль Млечного Пути, к Луне и звездам, в «вечный мир». Космическая тема «вечного мира» особенно явственно выражена в памятниках Боснии, Герцеговины и окрестных местностей. Комплекс космических символов — небосвод, месяц (луна), солнце, звезды в различных сочетаниях — характернейший мотив изображений на надгробиях.

Особенно интересны в этом смысле надгробная плита с изображением космических символов (небосвод, солнце, луна) и возносящейся к небу фигурой человека с птицей в руке; а также надгробье с изображением звезд, месяца и как бы парящей к ним вдоль Млечного Пути фигуры, условно изображенной то ли в саване, то ли в парадной длинной одежде, скрывающей ноги и подчеркивающей ритуальный характер изображаемого.

Характерен для южнославянских надгробий и еще один космический символ — десница, устремленная к небу, часто гипертрофированная. Изображение ее имеет различные вариации, часто она фигурирует в сочетаниях с другими космическими знаками (в том числе луком и стрелой). Встречается более архаическая форма выражения космической идеи — стрела, обращенная к небу. <...>

Мотив связей посмертных судеб с солнцем явственно проявляется в обычае хоронить покойников до захода солнца. Согласно народной традиции, он связан с тем, что отходящее солнце могло бы довести его до обители умерших»²⁴.

Свою точку зрения Н.Н. Велецкая доказывает, сопоставляя надгробные изображения с посмертными плачами, эпическими песнями и другими фольклорными текстами.

Для нас интерес представляет центральная фигура надгробий — изображение некоего существа с поднятой вверх рукой. Рука указывает на место посмертного пребывания души — солнце, звезды, планеты. Как правило, рука — правая, но это далеко не всегда. На некоторых изображениях человеческая фигура вообще отсутствует, остается только рука, поднятая к светилам. Резонно предположить, что фигура на надгробиях олицетворяет некий мифо-

Рис. 11. Южнославянская надгробная фигура

²⁴ Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 20–24. Изобразительный материал, приводимый Н.Н. Велецкой — см. рис. 9–11.

логический персонаж, связанный с переходом от жизни к смерти. Он встречает души умерших и, возможно, указывает им посмертный путь.

В связи с этим стоит упомянуть еще один южнославянский надгробный памятник (рис. 11). Это величественная приземистая фигура, напоминающая своими очертаниями крест. Лицо у фигуры не просматривается, зато четко изображены руки, сложенные на груди. В одной из рук находится длинный витой предмет, скорее всего — посох. Н.И. Толстой отмечает наличие антропоморфных надгробий во многих славянских землях: «На всех полесских, да и на большинстве славянских кладбищ крест имеет привычную для современных представлений форму двух поперечно соединенных перекладин: вертикальной — большей и горизонтальной — меньшей. Однако в древности у славян были известны и другие формы надгробий, в том числе и тип креста, фактически имевшего очень мало общего с крестом и изображавшего человеческую фигуру. <...> Эти деревянные (реже — каменные) антропоморфные надгробия, во многих случаях именуемые также “крестом” (на восточнославянских Карпатах, на Коломыйщине: *крест* и его составные части — *голова, рамя, стопа, пень, корень* и т.д.) распространены в Болгарии, восточной Сербии, Карпатах, на Украине. В прошлом их ареал доходил до Полесья. Такие надгробия, по старинным славянским языческим представлениям, были местом обитания души покойника наряду с деревьями на могилах и вообще на кладбищах»²⁵.

²⁵ Толстой Н.И. Вызывание дождя в Полесье // Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. М., 2003. С. 103. (Курсив Н.И. Толстого). Также см.: Толстой Н.И. Об одной карпатско-южнославянской изопрагме // Симпозиум по проблемам карпатского языкознания. М., 1973. С. 50–55.

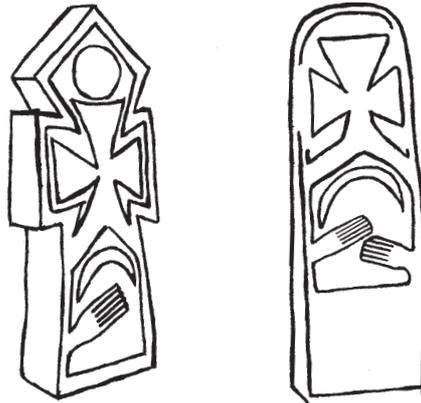
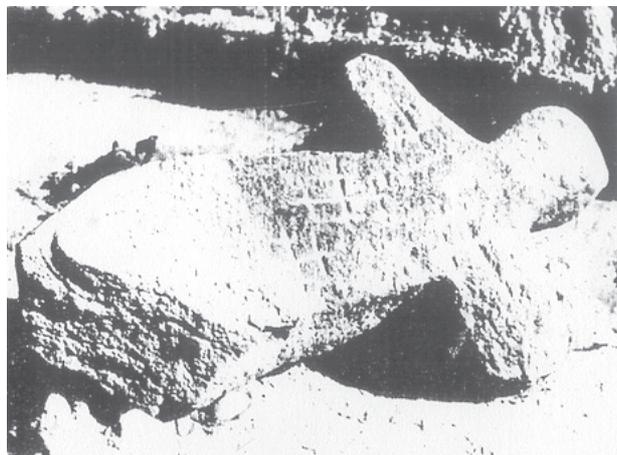
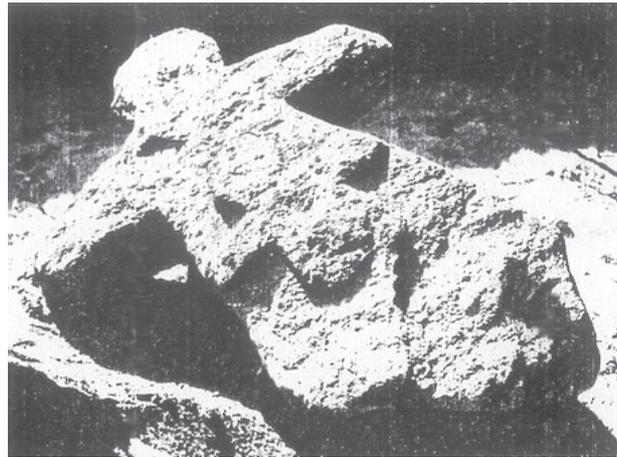

Рис. 12. Южнославянские надгробные кресты

Интересно проследить, как видоизменяются надгробные памятники с проникновением в погребальную обрядовость христианства. Так, на рисунке 12 изображены два южнославянских креста. Хотя кресты и имеют христианский характер, но в них сохранен языческий элемент — две руки, «сложенные на груди». Также на крестах присутствует и мотив десницы, протянутой к небу.

Если выстроить в один ряд фигуры западнославянских идолов (рис. 4), крестообразный южнославянский надгробный памятник (рис. 11) и южнославянские кресты (рис. 12), то будет заметно, как со временем происходила трансформация некоторых деталей. Сначала плечи антропоморфной фигуры расширились, что позволило придать ей вид креста; впоследствии антропоморфные черты все более стирались, и фигура свелась к христианскому кресту. Рудиментом антропоморфности оставались разве что характерные пятипалые руки, неизменно присутствующие как на идолах, так и на христианских крестах.

*Рис. 13. Крестообразная скульптура
(Вилейский р-н Белоруссии)*

Рассматривая трансформацию идолов в кресты, стоит упомянуть крестообразное изваяние, обнаруженное на территории Белоруссии (рис. 13). Изваяние представляет собой фигуру женщины, на уровне живота которой изображена фигурка ребенка; руки ребенка раскинуты также крестообразно²⁶.

Стоит заметить, что обычай трансформировать языческие скульптуры в христианские поклонные кресты существовал и у восточных славян. Так, высказывалось мнение, что многие поклонные кресты Псковской и Новгородской земель являются обтесанными антропоморфными языческими скульптурами.

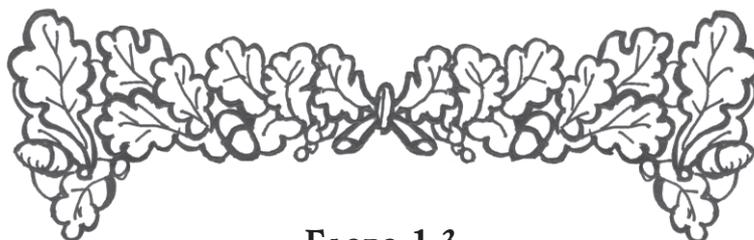
Существование подобной закономерности от фигур идолов к христианским крестам позволяет предположить, что некоторые найденные археологами каменные скульптуры (например, см. рис. 4 в, г) в действительности являются надгробными памятниками и изображают неких персонажей, связанных с «тем светом» и путем в царство мертвых.

Делая **выводы** для данной главы, отметим следующие положения.

1. Каменная сакральная скульптура была широко распространена у славян; таким образом, некоторые «спорные» рунические памятники (которые будут рассмотрены далее) оказываются вписанными в общий контекст материальной культуры.

2. Среди сакральных каменных скульптур существует довольно большое количество предметов, являющихся надгробиями или изображениями существ, встречающих душу умершего человека на пути в царство мертвых. Это положение позволит нам впоследствии интерпретировать некоторые славянские рунические памятники.

²⁶ З глыби вякоў. Вып. 2. Мінск, 1997.

Глава 1.3. Существовала ли у славян письменность до принятия христианства?

Согласно «официальной» версии, первыми славянскими системами письменности были кириллица и глаголица. Они были созданы в середине IX века Кириллом и его братом Мефодием («первоучителями славянскими»).

В 862 году братья-просветители были приглашены ко двору моравского князя Ростислава, который попросил их проповедовать среди моравов христианство на славянском языке. Потребность в изложении священных христианских текстов и подвигла Кирилла к созданию «славянской азбуки». Кирилл и Мефодий перевели на местный язык избранные чтения, Псалтирь, Служебник, Часослов, Общую mineю. Некоторые источники сообщают, что первыми словами, написанными на славянском языке, было изречение апостола Иоанна: «Вначалѣ бѣ (было) Слово, и Слово бѣ к Богу, и Богъ бѣ Слово».

Из Моравии письменность стала распространяться на другие славянские государства. Согласно мнению, утвердившемуся в литературе, азбука и книжность внедрялись в славянских землях с принятием христианства — письменность служила для ознакомления народов-неофитов со священными текстами христиан. Таким образом, уже к 870 году письменность вместе с христианством проникла в Хорвато-Далматинскую державу; также она начала распространяться и в Болгарии, где христианство было принято несколько ранее.

Приход письменности на Русь также связывается с принятием христианства. По крайней мере, первое летописное упоминание книг относится именно к 988 году, когда князь Владимир крестил жителей Киева: «И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых». Показателен комментарий, который тут же дает летописец: «Когда отданы были в учение книжное, то тем самым сбылось на Руси пророчество, гласившее: “В те дни услышат глухие слова книжные, и ясен будет язык косноязычных”. Не слышали они раньше учения книжного, но по Божьему устроению и по милости своей помиловал их Бог»¹. Иначе говоря, по мнению летописца, введение письменности на Руси было следствием благодати, ниспосланной христианским Богом.

Однако есть основания скорректировать «официальную» версию. Существует некоторое количество данных о наличии письменности у различных славянских народов до принятия кириллицы и глаголицы; некоторые из этих данных позволяют предполагать использование неких аутентичных письменных систем.

Прежде всего стоит отметить, что существует определенное количество письменных источников, позволяющих судить о том, что славяне *пользовались письменностью еще до принятия христианства*.

¹ Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева. СПб., 1999. (Серия «Литературные памятники»). С. 190.

Так, в летописях неоднократно упоминается о заключении славянами неких письменных договоров с византийцами. Факты заключения письменных договоров значимы для нашей темы, поскольку, как утверждает М.А. Серяков, «известно, что Византия обычно заключала договоры на двух языках: греческом и на языке другой договаривающейся страны»². А если так, то должны были существовать списки договоров, содержащие славянский текст, изложенный с помощью некой письменности.

В 907 году Олег во главе русского войска совершил успешный поход в Константинополь, а в 911 году заключил с ними мирный договор, подробно описанный русской летописью. В начале договора говорится: «Наша свѣтлость болѣ инѣх хотящи еже о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью многожды, право судихомъ, не точью просто словесемъ, и писанием и клятвою твердою, кленшеся оружием своим, такую любовь утвердити и известити по вѣре и по закону нашему» («Наша светлость, превыше всего желая в Боге укрепить и удостоверить дружбу, существующую постоянно между христианами и русскими, рассудили по справедливости, не только на словах, но и на письме, и клятвою твердою, клянясь оружием своим, утвердить такую дружбу и удостоверить ее по вере и по закону нашему»)³.

Показательно, что, согласно приведенной цитате, инициатива заключения письменного договора исходила от русской стороны.

Далее по тексту договора дважды подчеркивается, что он составлен в письменной форме:

² Серяков М.А. Русская дохристианская письменность. СПб., 1997. С. 19.

³ Повесть временных лет... С. 18, 154.

1. «Потщимся, елико по силѣ, на сохранение прочих и всегда мѣт с вами, грекы, исповеданием и *написанием* со клятвою извещающую любовь непревратну и непостыжну». («Постараемся, насколько в силах наших, сохранить с вами, греки, в будущие годы и навсегда объявленную устно и письменно, заверенную клятвой, “непревратную и непостыжную” любовь»)⁴.

2. «На утверженъе же и неподвижение быти меже вами, хрестъяны, и Русью, бывший мир сотворихом *Ивановым написанием на двюю харатью*, царя вашего и своею рукою. <...> Мы же кляхомся ко царю вашему, иже от Бога суща, яко Божие здание, по закону и по покону языка нашего, не преступити нам, ни иному от страны нашея от уставленных *глав* мира и любви. И таковое *написание* дахом царства нашего на утвержение обоему пребывати таковому совещанию, на утвержение и на извещение межи вами бывающаго мира». («В знак крепости и неизменности, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием на двух хартиях — царя вашего и своей рукой. <...> Мы же клялись царю вашему, поставленному от Бога, как божественное создание, по закону и по обычаю (“покону”) нашим, не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав договора о мире и любви. И это написание дали царям вашим на утверждение, чтобы договор этот стал основой утверждения и удостоверения существующего между нами мира»)⁵.

Стоит обратить внимание, что в договоре дважды употребляется слово «глава» в смысле раздела, единицы текста.

⁴ Повесть временных лет... С. 18, 154.

⁵ Повесть временных лет... С. 19–20.

Это слово, несомненно, славянского происхождения, и его употребление указывает на то, что в славянских языках на тот момент уже существовали термины, связанные с развернутыми письменными текстами.

В договоре 911 года содержится еще одно интересное свидетельство об использовании славянами письменности. Одна из глав договора гласит:

«И о работающих во Грекох Руси у хрестьяньскаго царя. Аще кто умреть, не урядивъ своего имѣния, ци своих не имать, да възратитъ имѣние к малым ближикам в Русь. Аще ли сотворитъ обряжение таковый, възметъ уряженое его, кому будетъ *писал* наследити имение его». («И о русских, служащих в Греческой земле у греческого царя. Если кто умрет, не распорядившись своим имуществом, а своих (в Греции) у него не будет, то пусть возвратится имущество его на Русь ближайшим младшим родственникам. Если же сделает завещание, то возьмет завещанное ему тот, кому он написал наследовать имущество»)⁶.

Как следует из цитаты, письменные завещания были действительны не только в Византии — они воспринимались как юридические документы и живущими на Руси наследниками.

В 945 году был заключен второй договор с Византией. Инициатором этого соглашения выступали константинопольские правители: «<Царь> Роман же созва боляре и сановники. Приведоша руския слы, и велѣша глаголати и псати обоихъ рѣчи на харатьѣ». («Роман же созвал бояр и сановников. И привели русских послов, и велели им записывать речи тех и других на хартию»)⁷.

⁶ Повесть временных лет... С. 19, 156.

⁷ Повесть временных лет... С. 23, 159.

Второй договор также был составлен в двух экземплярах. Один экземпляр оставался в Константинополе, на нем стоял христианский крест и имена представителей с византийской стороны. На втором экземпляре были начертаны имена русских послов и купцов — он был отправлен в Киев князю Игорю. Игорь ознакомился с договором и перед лицом богов совершил торжественный обряд, призванный утвердить истинность договора⁸.

В договоре 945 года предусматривались льготы для русских купцов, однако греки настаивали на определенной регламентации торговли, что предполагало наличие у русских сопроводительных документов: «Ношаху сли печати злати, а гостье сребрени; ныне же увѣдѣль есть князь вашь посылати грамоты ко царству нашему; иже посылаеми бывають от нихъ послы и гостье, да приносять грамоту, *пишюче сице*: яко послахъ корабль селико, и от тѣхъ да увѣмы и мы, оже съ миромъ приходятъ. Аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будутъ намъ, да держимъ и хранимъ, донде же възвѣстимъ князю вашему» («Раньше приносили послы золотые печати, а купцы серебряные; ныне же повелел князь ваш посылать грамоты к нам, царям; те послы и гости, которые будут посылаться ими, пусть приносят грамоту, так написав ее: послал столько-то кораблей, чтобы из этих грамот мы узнали, что пришли они с миром. Если же придут без грамоты и окажутся в руках наших, то мы будем содержать их под надзором, пока не возвестим князю вашему»)⁹.

Интересный вывод делает Т.А. Иванова, изучавшая договоры Олега и Игоря с Византией. Она пишет: «Есть все основания полагать, что они были написаны уже совершенно ус-

⁸ Повесть временных лет... С. 26.

⁹ Повесть временных лет... С. 24, 160.

троенной славянской азбукой. Так, в именах русских послов, которые, несомненно, находились в подлиннике договоров и не могли появиться в результате позднейшей правки, широко представлены дополнявшие греческий алфавит славянские буквы: Ъ, Ь, Ъ, Б, Ц, Ц, Ч. Ср: Улѣбъ, Каницаръ, Шихъ-бернъ, Куци, Свѣнь, Борич и др.»¹⁰.

К интересным выводам приходит Л.В. Черепнин, рассматривая все те же договоры Олега и Игоря с византийцами. Он обратил внимание на некий упоминающийся в обоих договорах «закон русский» (договор 911 года) или «устав и закон русский» (договор 944 года). Л.В. Черепнин сопоставил этот «закон» с записью в Новгородской первой летописи, где сообщалось о том, что князь Ярослав новгородцам «дав... Правду... и устав списав». Было сделано заключение, что под «законом» подразумевается «правда» (т.е. право, комплекс юридических норм), а под «уставом» — их запись, письменный текст. Л.В. Черепнин предположил, что «устав русский» был, скорее всего, написан между 882 и 911 годом. Таким образом, был сделан вывод о существовании на Руси в первой половине X века письменного сборника законов¹¹.

Также известен договор 971 года, заключенный между князем Святославом и византийцами. Договор также был зафиксирован письменно: «Се же имѣйте во истину, яко же сотворихомъ нынѣ къ вамъ, и *написахомъ* на харатѣ сей и своими печатями запечатахомъ». («Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне, и написали в хартии этой, и скрепили своими печатями»)¹². Правда, необходимо отме-

¹⁰ Иванова Т.А. Об азбуке на стене Софийского собора в Киеве // Вопросы языкознания. 1972. № 3. С. 120.

¹¹ Серяков М.А. Русская дохристианская письменность... С. 22.

¹² Повесть временных лет... С. 35, 171.

тить, что данный договор вышел из византийской канцелярии: в летописи ясно сказано, что во время переговоров с послами Святослава византийский царь «повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать»¹³.

Задолго до принятия христианства на Руси возникла традиция летописания.

«Первые кратчайшие летописные записи в Киеве появились сразу же вслед за изобретением славянских письмен Кириллом и Мефодием и связаны с княжением Осколда. Они дошли до нас через посредство царского летописного свода XVI века. Эти записи, хотя они и сделаны, возможно, церковником, характерны отсутствием явного христианского элемента и резкой антиваряжской тенденцией»¹⁴.

Б.А. Рыбаков указывает на то, что «начальную пору русского летописания не следует связывать только с христианством. В летописном творчестве, опирающемся на устные предания и эпические сказания, есть вполне определенная языческая струя, ярким примером которой можно считать известный рассказ о смерти князя Олега»¹⁵.

Существует еще ряд фактов, позволяющих с большей или меньшей уверенностью предполагать наличие у славян письменности до ее «официального» введения, описанного в летописи.

Так, стоит упомянуть сообщение арабского миссионера Ахмеда Ибн-Фадлана, посетившего в 921–922 годах земли

¹³ Повесть временных лет... С. 35, 171.

¹⁴ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 358.

¹⁵ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 358.

волжских болгар. В его книге содержатся описания быта и нравов некоторых встреченных им народов, в том числе «русов», торговцев, прибывающих в Булгарию откуда-то извне. Помимо прочего описываются похороны знатного руса, по окончании которых над погребением возводится курган и устанавливается памятник с надписью: «Потом они построили <...> нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяшку хаданга (белого тополя), написали на ней имя (этого) мужа и имя царя русов и удалились»¹⁶.

Впрочем, надо отметить, что доподлинно неизвестно, являются ли описанные здесь «русы» славянами. Не исключено, что это скандинавы, которые действительно занимались торговлей во всей Европе. Не исключено также, что Ибн-Фадлан описал под именем русов некую многонациональную группу, составленную по профессиональному принципу.

Византийский писатель Евтихий (ум. в 939 году) сообщал, что русы имеют свою письменность, о которой, впрочем, он не был осведомлен¹⁷.

Некоторые заслуживающие внимания факты, указывающие на существование дохристианской письменности, содержатся в источниках, составленных после X века.

Так, анонимный автор арабского сочинения «Моджмал ат-таварих» пишет: «Рассказывают также, что Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и, так как не имел места, которое ему пришлось бы по душе, написал письмо Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться. Рус искал и нашел место себе»¹⁸. Если учесть, что Ха-

¹⁶ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 145.

¹⁷ См.: Серяков М.Л. Русская дохристианская письменность... С. 23.

¹⁸ Древнерусское государство и его международное значение / Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. и др. М., 1965. С. 401.

зарский каганат был покорен князем Святославом в 965 году, то данный отрывок описывает использование «Русом» письменности в весьма древние времена. Минусом данного свидетельства является его явно легендарный характер и достаточно поздняя дата фиксации — 1126 год.

Косвенно в пользу существования письменности у славян свидетельствует и византийская «Пасхальная хроника» (середина VII века), перечисляющая пользующихся собственным письмом народы: «Кто действительно пользуется собственными буквами, следующие: каппадокийцы... сарматы... скифы»¹⁹. В более поздних текстах византийские авторы называли скифами или тавроскифами именно русов²⁰. При этом необходимо отметить, что о существовании оригинальной письменности у собственно скифов ничего не известно.

В качестве косвенного свидетельства можно указать на некие знаки, содержащиеся на уже упоминавшемся древнеславянском идоле, найденном близ села Иванковцы в Поднестровье (ок. II–VII вв. н.э.). На момент обследования идов в 1950-е годы они были значительно разрушены. В статье, посвященной находке, говорится: «На плоскостях столба внизу и посередине имеются выпуклости и впадины явно искусственного происхождения — вероятно, следы каких-то прежних изображений, разрушенных временем и действиями атмосферных явлений. По рассказам старожил, на плоскостях столба были заметны какие-то знаки и фигуры, но что изображали эти знаки, они не помнят»²¹.

¹⁹ Гедеонов С. Варяги и Русь. СПб., 1876. С. СХI.

²⁰ См. напр.: Лев Диакон. История. М., 1988.

²¹ Довженко В.И. Древнеславянские языческие идолы из с. Иванковцы в Поднестровье // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1952. Вып. 48. С. 137.

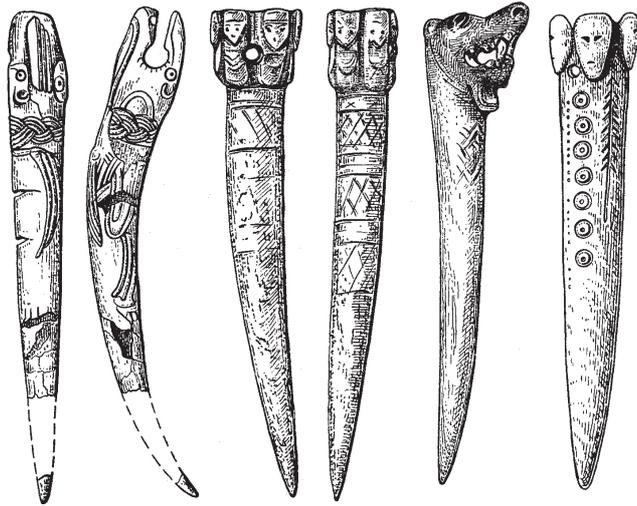

Рис. 14. Писала — стили для письма с языческими элементами. X—XI вв.

Еще одним археологическим доказательством нехристианского характера славянской письменности на ранних этапах ее развития являются находки писал²². Как можно видеть на рисунке 14, дизайн писал имеет сугубо языческий характер — на них изображены мифологические животные, солярная и растительная символика. Представлены даже писала, являющиеся моделями четырехликих и восьмиликих идолов (?). Примечательно, что ни на одном из писал нет христианской символики²³. Один из наиболее показательных

²² Медынцева А.А. Начало письменности на Руси по археологическим данным // IX международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1983. С. 87.

²³ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 357.

образцов обнаружен в Преславе (Болгария)²⁴: «Преславское писало четырехгранно; каждая грань покрыта солярными знаками, расположенными различно. Между солярными знаками награвированы стилизованные растения. Навершие четырехгранного предмета украшено четырьмя человеческими головами, как бы воспроизводя композицию Збручского идола. Весь комплекс изображений явно языческий. Остается выяснить в дальнейшем характер письменности, для которой предназначались подобные писала: были ли это древние “черты и резы”, или какие-либо колдовские знаки на земле (вроде позднейшего “волшебного круга” для детской игры), или же обычная буквенная письменность на пергаменте»²⁵.

Стоит также упомянуть и некоторые свидетельства, содержащиеся в поучениях против язычества. В «Слове св. Моисея о ротах и о клятвах» дано следующее описание народных нравов: «Жертву приносят бѣсомъ. Трясцю мнѣть прогоняюще нѣкими ложным писмяны проклятыхъ бѣсов еленьскихъ, пиша имяна на яблоцѣх, покладают на святѣй трапезѣ въ год люторгечней»²⁶. Имеется в виду, что русские крестьяне для излечения от болезней писали на яблоках имена языческих («элинских») богов и приносили эти яблоки в церковь. Конечно, нельзя с уверенностью утверждать, что при этом использовались некие особые «языческие» письмены, — возможно, крестьяне пользовались обычной кириллицей. Однако обращает на себя внимание сам факт существования данной практики. Не исключено, что обычай наносить

²⁴ Георгиев П. Изображение на четирилично славянско божество от Преслав // Археология. София, 1984. № 1. С. 16–28.

²⁵ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 358.

²⁶ Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 95.

на яблоки (и другие жертвенные плоды) имена богов кроется в язычестве. По крайней мере, на это указывает широкая распространенность этого обычая на Руси в христианские времена — его порицание встречается не только в процитированном тексте, но и в поучении «Слово св. отца како жити христианом».

Перечисленные выше факты относятся к восточным славянам. Однако в источниках упоминаются некие формы письменности и у западных славян.

Так, Титмар, епископ Мерзебургский (976–1018), двоюродный брат германского императора Оттона I, описывал увиденное им святилище западных славян близ города Ретры: «Около этих ворот стояло не что иное, как искусно устроенное из дерева капище, кровля которого лежала на рогах различных зверей, служивших для них подпорою. Внешняя сторона этого здания была украшена различными изображениями богов и богинь, которые, насколько можно было рассмотреть, с удивительным искусством были вырезаны из дерева; внутри же стояли, *со своими именами на пьедестале*, истуканы богов, сделанные рукою человека, страшные на вид, потому что они были в полном вооружении, со шлемом и в латах»²⁷.

Далее Титмар описывает гадание славянских языческих жрецов: «Тайно бормоча между собою, с яростью роются они в земле, чтобы посредством выкинутого жребия узнать исход сомнительного дела. Кончив это, они покрывают жребий зеленым дерном и под двумя на крест воткнутыми в землю кольями с краткою молитвою проводят коня, которого все считают священным; потом снова ищут тот знак, по ко-

²⁷ Стасюлевич М. История Средних веков. Т. II. СПб., 1886. С. 651.

тому они заключают о деле, и посредством этого как бы божественного животного находят предвещения для будущего. Когда при обоих испытаниях последует одинаковый знак, тогда решаются начать дело; если же нет, то смущенные туземцы отказываются от предприятия»²⁸. Судя по описанию Титмара, речь идет о неоднократном метании неких «жребиев» с нанесенными на них знаками. Такая практика вызывает ассоциации с гаданием по рунам.

О неких славянских «знаках», с помощью которых передана определенная информация, писал в первой половине X века арабский автор Аль-Масуди: «Об этом здании существует рассказ о качестве его постройки, о расположении его разнородных камней и различных их цветах, об отверстиях, сделанных в верхней его части, о том, что построено в этих отверстиях для наблюдения над восходом солнца, о положенных туда драгоценных камнях и *знаках*, отмеченных в нем, которые указывают на будущие события и предостерегают от происшествий пред их осуществлением, о раздающихся в верхней его части звуках»²⁹. Видимо, речь в этом отрывке идет именно о западных славянах, у которых была широко развита храмовая архитектура. В принципе не исключено, что «будущие события» были описаны не с помощью знаков письменности, а с помощью рисунков. Однако «предостережения» могут быть сформулированы только с помощью слов, т.е. с использованием письменности.

Многими сторонниками версии о существовании у славян оригинальной дохристианской письменности в качестве доказательства приводится тот факт, что слова «писать» и

²⁸ Стасюлевич М. История Средних веков.. С. 651.

²⁹ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 139.

«читать» в славянских языках происходят от одних и тех же основ; это значит, что понятия письма и чтения — а значит и письменности — появились еще во времена праславянского единства.

В.Н. Топоров пишет: «Два основных предиката, связанных с письменным текстом, с литературой, не только известны во всех славянских языках (и, следовательно, являются общеславянскими), но и являются праславянским наследием — **rysati* / **pisati* и **čisti* / **čvsti* / **čitati* / **čvteti* / **čvtiti*, соответственно ‘писать’ и ‘читать’»³⁰. Впрочем, В.Н. Топоров не считает данный факт поводом для далеко идущих выводов о существовании праславянской письменности; на основании этого факта он делает несколько другие заключения (о чем пойдет речь в третьей части книги).

Итак, мы видим, что славяне умели фиксировать и передавать «письменную» информацию еще до того, как было принято христианство. Однако источники оставляют открытым вопрос: какими именно знаками пользовались славяне для записи своих текстов.

Возможны несколько вариантов ответа на этот вопрос.

Вариант первый. Письменные тексты составлялись восточными славянами с помощью кириллической письменности, освоенной еще до принятия христианства.

Действительно, было сделано несколько археологических находок, убедительно доказывающих факт использования кириллического алфавита на Руси задолго до принятия христианства.

³⁰ Топоров В.Н. Предистория литературы у славян: опыт реконструкции. Введение в курс истории славянских литератур. М., 1998. С. 43.

Среди дохристианских кириллических памятников следует упомянуть Добружицкий камень, найденный в 1950 году в низовьях Дуная. Верхняя половина камня была отбита, а на нижней сохранилась надпись:

*па гьръчѣхъ в лето г.у.п.а
при дѣмитръ бѣ жоупане*

Данная фраза переводится как: «Против греков в 6451 году при Дмитрие Жупане».

В 6451 году от сотворения мира, или в 943 году от рождения Христова, состоялся уже упоминавшийся в данной главе поход князя Игоря против Византии. Исходя из этого Б.А. Рыбаков предположил, что начало надписи должно гласить: «Дань взял князь Игорь».

Не исключено, что Б.А. Рыбаков неверно реконструировал надпись. Например, если провести аналогию со скандинавскими мемориальными камнями, то можно предположить, что в надписи шла речь о некоем воине из дружины Игоря, погибшем во время похода 943 года, указывались обстоятельства его гибели и упоминалось имя военачальника. Тот факт, что надпись была составлена не с помощью футарка, а с помощью кириллицы, может свидетельствовать о том, что погибший был славянином³¹.

Возникает вопрос — кто же был составителем и резчиком данной надписи? Авторство болгар вряд ли возможно, в той военной компании они были противниками русов. Остается только предположить, что резчик, оставивший надпись

³¹ Не вызывает удивления и тот факт, что воин, будучи славянином, был почтен согласно скандинавскому обычаю. Удельный вес скандинавов в воинской элите был высок, и, соответственно, «варяжские» обычаи вполне могли быть предметом моды, широко использоваться и воинами-славянами.

о походе, состоял в войске Игоря (согласно летописи, для похода князь собрал «варяги, русь, и поляны, и словѣни, и кривичи, и тѣверьцѣ, и печенѣги»³²).

Тот факт, что триумфальная надпись была составлена соратником князя Игоря с использованием кириллицы, заставляет иначе посмотреть на вопрос — на каком же языке была составлена хартия договора с византийцами в 944 году. Если в 943 году Игорь приказал выбить мемориальную надпись на кириллице, то резонно предположить, что и год спустя им была использована именно кириллица, а не какой-либо другой буквенный ряд.

Как бы ни был растолкован фрагмент надписи на Добружицком камне, он указывает на важный для нас факт — восточные славяне были знакомы с кириллической письменностью почти за полвека до принятия князем Владимиром христианства. Может создаться впечатление, что владение кириллической письменностью носило элитарный характер, однако еще ряд находок указывают на то, что знакомство с данной знаковой системой было широко распространено в разных социальных кругах³³.

В качестве показательного примера можно привести обнаруженные в Великом Новгороде «цилиндры», содержащие надписи и княжеские знаки (рис. 15)³⁴. Эти цилиндры использовались как минимум на десять лет раньше даты официального принятия христианства.

³² Повесть временных лет... С. 23.

³³ Серяков М.А. Русская дохристианская письменность... С. 25–26, 29–34.

³⁴ Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси (по памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века). М., 2000. С. 203. Также см.: Янин В. Как устроен «вечевой строй» // Родина. 2002. № 11–12. С. 77–78.

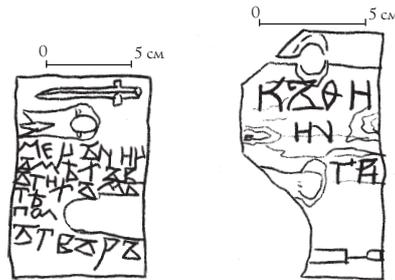

Рис. 15. Цилиндрические пломбы для фискальных операций.
Великий Новгород, ок. 975 г.

На одном из цилиндров надпись:

*мѣчницѣ мѣхѣ въ тѣхѣ
мѣтѣ (хѣ) полѣтвѣцѣ*

Т.е. «Мечник мех в тех метах. Полтвец».

Мечник здесь — должность в княжеской администрации (о существовании такой должности известно из исторических источников). *Полтвец* — вероятно, имя собственное.

Второй цилиндр сохранился значительно хуже. В.Л. Яниным надпись читается следующим образом:

въ н / гриѣ

Т.е. «в 9-и гри(в)не(хъ)».

Находка показывает, что кириллическая письменность использовалась на Руси до принятия христианства в хозяйственных целях, в данном случае — для фискального учета.

Есть и еще некоторые косвенные свидетельства использования именно кириллицы в дохристианской Руси. Так, настоятельно упоминает имя писца, упоминавшегося в договоре 911 года — Иван. Это имя христианское, поэтому резонно предполо-

жить, что Иван был христианином и использовал для своей работы почерпнутую в христианских землях кириллическую письменность.

Вариант второй. Для записи слов славянского языка славянами использовались буквы уже существующих алфавитов — греческого, латинского или одного из рунических.

М.Л.Серяков, описывая надписи на западнославянских идолах, говорит: «Вряд ли славяне для написания имен своих священных богов использовали чужеземную письменность — скандинавские руны, латинский или греческий алфавит — да и Титмар в подобном случае не преминул бы отметить такую подробность. Выходит, речь идет об особой славянской письменности»³⁵. С этим мнением можно поспорить. Насколько можно судить, славяне охотно заимствовали у соседей технические достижения. Кроме того, как мы уже говорили выше, нельзя оспаривать мощного влияния средиземноморских античных цивилизаций на соседние народы. В контексте данного влияния использование славянами чужеродных знаков для написания имен своих богов было вполне возможным и могло не вызывать удивления у посторонних наблюдателей (как, например, могло не казаться значимым Титмару).

В пользу гипотезы об употреблении на Руси иностранных букв для записывания русских слов говорит известный текст «О письменах» черноризца Храбра: «Ведь прежде славяне, когда были язычниками, не имели письмен <...>. Когда же крестились, то пытались записывать славянскую речь римскими и греческими письменами, без порядка. Но как мож-

³⁵ Серяков М.Л. Русская дохристианская письменность... С. 17.

но хорошо написать греческими буквами: “бог”, или “живот”, или “сѣло”, или “црькы” или “чаание”, или “широта”, или “ѣдь” или “яд”, или “юность”, или “язык” и иные подобные этим (слова). Так и было многие годы»³⁶.

Б.Н. Флоря, комментируя данное место, пишет: «Сообщение Храбра о попытках славян <...> использовать для записи текстов на славянском языке латинские буквы подтверждается текстологическим и филологическим анализом так называемых “Фрейзингенских отрывков” — рукописи первой половины X века, содержащей записи молитв на славянском языке, сделанные латинскими буквами. Анализ языковых данных и установление оригиналов, с которых переводили славянский текст, показывает, что I и III из этих отрывков отражают тексты, записанные, по-видимому, в Моравии в первой половине IX века. Копией таких же древних текстов является Клагенфуртская (Целовецкая) рукопись середины XV века, где содержатся написанные славянскими буквами тексты молитв — “Отче наш”, “Верую” и “Ave Maria”, которые представляют собой перевод соответствующих немецких текстов конца VIII — начала IX веков, осуществленный, по-видимому, в славянском княжестве Хорутании...

Записи славянских текстов, сделанные с помощью одних греческих букв, в настоящее время неизвестны. Однако это предположение Храбра представляется вполне правдоподобным, так как по крайней мере с начала IX века употребление греческого письма получает постоянное распространение на территории Первого Болгарского царства (см. десятки греческих надписей, выполненных в первой половине IX века по приказу ханов и других представителей правящей верхуш-

³⁶ Сказания о начале славянской письменности / Отв. ред. В.Д. Королюк; Вступ. ст., пер. и коммент. Б.Н. Флори. М., 1981. С. 102.

ки болгарского общества)... Еще более существенно, что обнаружены также отдельные надписи, где греческие буквы использованы для записи текстов на протоболгарском (тюркском) языке. В этих условиях представляется вполне возможным и использование греческих букв для записи славянских текстов “без устройства”³⁷.

Примечательно, что со стороны византийцев, стремившихся к поддержанию контактов с болгарями, наблюдалось стремление использовать греческую письменность для передачи специфических звуков славянской речи. «Греки, учителя славян, — пишет Е. Георгиев, — в IX веке уже придерживались известной системы при передаче славянских звуков греческими буквами»³⁸. Так, согласно Е. Георгиеву, звук «б» передавался в этих случаях византийской буквой «вита», звук «ш» — «сигмой», «ч», «ц» — сочетанием «тетты» с «дзетой», «у» — сочетанием «омикрона» с «ипсилоном». Как уже упоминалось в нашей книге, адаптация уже существующих алфавитов к особенностям языка народов, не имеющих собственной письменности, происходила в истории очень часто.

Вариант третий. Для передачи информации использовались некие знаки, не являющиеся собственно письменностью.

Это предположение относится, например, к описанному выше обычаю чертить на жертвенных плодах имена богов, которым этот плод посвящается. Вполне возможно, что божества в древности имели свои собственные «тербы», кото-

³⁷ Сказания о начале славянской письменности... М., 1981. С. 176.

³⁸ Цит. по: *Истрин В.А.* 1100 лет славянской азбуке. М., 1963. С. 103. Со ссылкой на: *Георгиев Е.* Славянская письменность от Кирилла до Мефодия. София. 1952. С. 75.

рые, вследствие их несложной графики, было вырезать значительно легче, чем побуквенно вырезать имя. Такие гербы действительно сохранились — например, «перунов знак» (см. гл. 3.1). Информация о том, что эта фигура ассоциируется именно с именем Перуна, сохранилась в этнографических источниках³⁹. Впоследствии с принятием христианства данный обычай мог трансформироваться — теперь на плодах вырезался не герб, а имя или монограмма христианского Бога.

В принципе не исключено, что и в описании Титмара имена на пьедесталах богов были не именами как таковыми, а обозначениями.

О возможности существования у славян рисуночного письма и системы гербов будет сказано позднее, в третьей части книги.

Вариант четвертый. Письменность имела автохтонный характер — т.е. использовались некие знаки, существовавшие до появления у славян кириллической письменности или же пришедших из Западной Европы «латинских» шрифтов (для западных и частично южных славян).

Конечно, наиболее интересным вариантом является наличие у славян некой аутентичной письменной системы, которой они пользовались в дохристианские времена.

Одним из поводов для поиска дохристианской славянской письменности служат упоминания в «Житии Кирилла» неких «русских писмен».

Так, в «Житии создателя современной нашей азбуки св. Кирилла-Константина» описывается посещение святым Кириллом в 861 году крымского города Корсуня (близ со-

³⁹ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян... С. 419.

временного Севастополя) и, помимо прочего, сообщается о встрече с неким информантом: «Нашел же здесь (в Херсоне) евангелие и псалтирь, написанные *русскими письменами*, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву богу, вскоре начал читать и излагать (их), и многие удивлялись ему, хваля бога»⁴⁰.

В русских рукописях к этому месту прибавлено следующее дополнение: «Сеже буди вѣдомо всеми языки и всеми людьми, яко русскыи языкъ ни от куду же приа вѣры сеа свята, и грамота русскаа ни кым же явлена, но токами самѣмъ богомъ въседержителемъ отцемъ и сыномъ и святымъ духомъ... А грамоты русская явилася, богомъ дана, въ Корсуну русину, от негоже научися философъ Константинъ, и отгуду сложивъ и написавъ книгъ русскимъ языкомъ. То же мужъ Русинъ бысть правовѣренъ... и тѣи единъ отъ Русска языка явися преже крыстьяны...»⁴¹ Далее утверждалось, что этот русский, единственный христианин до крещения всего народа, жил благоверно и уединенно во дни царя Михаила (различные Михаилы царствовали на византийском престоле с 811 по 869 г.) и Ирины благоверной (царствовала в 797–802 гг.) и после них имя его было неизвестно, и никто не знал, откуда он.

Стоит добавить, что о существовании каких-то славянских книг до Кирилла говорится и в «Житии» его брата Мефодия «Тут Бог явил философу славянские книги»⁴².

⁴⁰ Сказания о начале славянской письменности... М., 1981. С. 77–78.

⁴¹ Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 36–37.

⁴² Цит. по: Серяков М.А. Русская дохристианская письменность... С. 14.

Загадочное место в «Житии», повествующее о «русских письменах», вызвало большое количество толкований, сводившихся к следующим вариантам⁴³:

1. «русские письмена» — некая письменность восточных славян (П.Я. Черных, В.А. Истрин, Е. Георгиев, А. Авенариус и др.);

2. имеются в виду «сурские» (т.е. сирийские) письмена (Р.О. Якобсон, А. Вайан, Б.Н. Флоря);

3. имеется в виду перевод Библии на готский язык, осуществленный Ульфилой в IV веке (Ф. Дворник);

4. под «русскими» понимаются «фрузские» (т.е. французские, франкские) буквы (Г.А. Ильинский);

5. надо читать не «русские», а «узкие» письмена (И. Гошев)⁴⁴.

Версии 3–5 не имеют широкого хождения, и мы не будем их касаться. Версия 2 имеет как защитников⁴⁵, так и противников⁴⁶.

В связи с проблемой существования докириллической письменности, как правило, упоминаются загадочные «черты» и «резы», сообщение о которых содержится в сочинении «О письменах» некоего «черноризца Храбра»:

«Ведь прежде славяне, когда были язычниками, не имели письмен, но [читали] и гадали с помощью черт и резов. <...> Потом же бог человеколюбец <...> помиловал род славянский

⁴³ Обзор см.: Сказания о начале славянской письменности... М., 1981. С. 115–117.

⁴⁴ Обзоры см.: Ильинский Г.А. Один эпизод из Корсунского периода жизни Константина Философа // Slavia. 1924–1925. III. Иванова Т.А. Еще раз о «русских» письменах: (к 1100-летию со дня смерти Константина-Кирилла) // Советское славяноведение. 1969. № 4. Сказания о начале славянской письменности... С. 115–117.

⁴⁵ См.: Сказания о начале славянской письменности... С. 117.

⁴⁶ См.: Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуке... С. 110.

и послал им святого Константина Философа, названного (в пострижении) Кириллом <...> И создал (он) для них тридцать письмен и восемь, одни по образцу греческих письмен, другие же в соответствии со славянской речью»⁴⁷.

Наибольший интерес в данном фрагменте представляет упоминание неких «черт и резов». Исследователями предпринимались совершенно разные способы истолковать это туманное место — одни считали «черты и резы» полноценной оригинальной письменностью, разработанной славянами, другие — простейшей системой знаков, приспособленной для передачи не сложной информации (например, числительных).

Нам кажется вполне убедительным высказанное А.Д. Маневским⁴⁸ и впоследствии поддержанное многими исследователями мнение, что «черты» и «резы» различались не по их внешнему виду, а по тому материалу, на котором они писались: «резы» вырезались (скажем, на дереве или камне), «черты» — чертились (на глине или пергаменте).

В 987 году арабский ученый Ибн-Якуб-эль-Недим закончил «Книгу росписи наукам» — труд, в котором помимо прочего содержится интереснейшее свидетельство существования письменности у «русов»: «Русские письмена. Мне рассказывал один, на правдивость коего я полагаюсь, что один из царей горы Кабк (Кавказ) послал его к царю русов; он утверждал, что они имеют письмена, вырезаемые на дереве. Он же показал мне кусок белого дерева, на котором были изображения, но не знаю, были ли они слова или отдельные буквы, подобные этому»⁴⁹.

⁴⁷ Сказания о начале славянской письменности... С. 102.

⁴⁸ Маневский А.Д. Возникновение книгопечатания на Руси. М., 1939.

⁴⁹ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.). СПб.: Имп. Акад. Наук, 1870. С. 240.

الروسية
اتن بمكايته ان بعض ملوك جبل القبق ارسله الى
يه وزعم ان لهم كتابة على المشب حفرا واخرج
نشب يياض عليها نفوش لا ادرى امى كلمات ام
ردان ثال ذلك

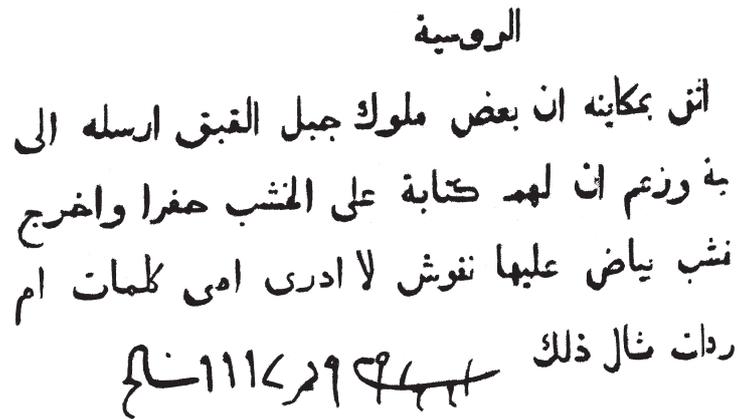

Рис. 16. Фрагмент сочинения эль-Недима. В нижнем левом углу — надпись «русскими письменами»

Похоже, эль-Недим описывает событие, известное по свидетельству другого арабского автора — аль-Якуби, который под 853–854 гг. описывает восстание в Северной Кахетии против арабских властей. Повстанцы обратились за помощью к трем властелинам Восточной Европы: византийскому императору, хазарскому кагану и некоему «сахиб ас-сакалиба» (государю славян). Ближайшими славянскими землями для санаров были Тмутаракань и Киев — видимо, к киевскому князю и была направлена просьба о помощи. Соответственно, можно предположить, что надпись, воспроизводимая эль-Недимом, является ответным дипломатическим посланием.

Эль-Недим приводит эту надпись (рис. 16). Знаки «русских письмен», воспроизведенных эль-Недимом, не имеют убедительных и последовательных аналогий ни в одной из известных систем письменности. По этой причине попытки

расшифровать эту надпись были многообразны, разнонаправленны и, как правило, малоубедительны.

Так, фон Френ, первый публикатор надписи, безуспешно пытался найти аналоги в ближневосточных письменных памятниках⁵⁰. А. Шегрен трансформировал надпись в последовательность скандинавских рун. Надпись была прочитана им как: *с Русси луд словен(е)*⁵¹. С. Гедеонов подошел к проблеме с помощью глаголицы и был так же неубедителен, как А. Шегрен. Опустив некоторые знаки, которые он не смог истолковать, он пришел к слову *Стосвѣ*, которое расценил как имя князя Святослава⁵². А.Я. Гаркави предположил, что речь идет о некоей искаженной арабской надписи⁵³. В.И. Таланкин попробовал перевести надпись как идеограмму торгового договора, сводящегося к формуле «Князь просит разрешения трем своим купцам свободно торговать в городе» или: «Город вследствие просьбы князя-купца разрешает трем его купцам свободную продажу привезенного на ладье товара»⁵⁴. А.Д. Маневский считал, что это — пиктографическая маршрутная карта. Наконец, П.Я. Черных, Е. Георгиев, Д.С. Лихачев и еще ряд советских и болгарских ученых предположили, что надпись действительно написана славянскими «чертами и резами», но прочтение ее невозможно.

⁵⁰ *Frahn C.-M. von. Ibn-Abi-Jacub el-Nedim's Nachricht von der Schrift der Russen im X Jahrh. n. Chr., kritisch beleuchtet. 1835.*

⁵¹ Цит. по: Чудинов В.А. Загадки славянской письменности... С. 227–233. Со ссылкой на: [Siögren von, Dr.] Ueber das Werk Finn Magnusens Runamo og Runerne. S.-Petersburg, 1848.

⁵² Гедеонов С. Варяги и Русь. Историческое исследование. СПб., 1876. С. СІХ.

⁵³ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей...

⁵⁴ Цит. по: Серяков М.А. Русская дохристианская письменность... С. 36. Со ссылкой на: Древности. Т. XXIII. Вып. 2. М., 1914. С. 447.

Наконец, М.Л. Серяков предложил читать надпись с помощью индийского письма брахми⁵⁵. Согласно его толкованию, славянский князь отказал просителям в военной поддержке, но выразил свою солидарность и пожелал удачи фразой: «Дай удачи те ратный бог». М.Л. Серякову удалось разбить надпись на отдельные знаки, которые действительно совпадают со знаками алфавита брахми и выстраиваются во вполне осмысленную славянскую фразу. Если многие толкователи надписи эль-Недима неубедительны уже на стадии графической разбивки надписи на знаки, то основные аргументы против версии М.Л. Серякова — историческая Русь вплоть до конца XV века не имела контактов с Индией; использование письменных систем, сходных с брахми, предполагает существование письменности еще во времена индоевропейского единства, что выходит далеко за рамки научных представлений о развитии народов индоевропейского корня.

Наличие определенного количества фактической информации побудило многих исследователей к попыткам вычлени из всего массива восточнославянских знаков некий дохристианский алфавит. Упомянем несколько попыток реконструкции; не вдаваясь в подробности, скажем только, что все данные реконструкции подвергались критике, причем зачастую очень убедительной⁵⁶.

Была попытка воссоздания славянского протописьма на основе так называемых «причерноморских знаков». В середине XIX века в Херсонесе, Керчи, Ольвии и других местах Северного Причерноморья, где существовали древнегреческие поселения, было обнаружено большое количество зага-

⁵⁵ Серяков М.Л. Русская дохристианская письменность... С. 35–47.

⁵⁶ См.: Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуке. М., 1963. С. 116–134.

дочных графических символов. Эти знаки очень редко составляли упорядоченные «надписи», большей частью они были беспорядочно нанесены на различных предметах — каменных плитах, надгробьях, черепице, амфорах, монетах и т.д. Иногда знаки соседствовали с греческими надписями⁵⁷.

Н.А. Константинов сопоставил форму «причерноморских знаков», во-первых, с формой букв глаголицы, во-вторых, с формой знаков слогового письма, существовавшего на острове Кипр в V–IV веках до н.э. Обнаружилось достаточно большое сходство этих трех знаковых систем, причем буквы глаголицы, сходные по начертанию со знаками кипрского слогового письма, оказались близки к ним и по звуковому значению. На основании этого была выдвинута гипотеза, что протоглаголица как дохристианская система письма ведет свое происхождение от «причерноморских знаков», а те, в свою очередь, восходят к кипрской письменности, якобы проникшей в Северное Причерноморье благодаря торговым контактам.

В дополнение к этому Н.А. Константинов привел большое количество древних и средневековых русских знаков, содержащихся на всевозможных предметах — пломбах, печатях, кирпичках, монетах, пряслицах, календарях и др. Основываясь на форме этих знаков, он нашел им соответствие в трех перечисленных письменностях и свел в единую таблицу знаки Кипра и Причерноморья, буквы глаголицы и графемы, содержащиеся на восточнославянских древностях⁵⁸.

⁵⁷ См.: Мещанинов И.И. Загадочные знаки Причерноморья. Л., 1933.

⁵⁸ Константинов Н.А. О начале русской письменности // Нева. 1957. № 7. Также см.: Он же. Скифо-сарматские знаки на памятниках Причерноморья // Крым. 1951. № 7. Он же. История русской азбуки // Знание — сила. 1953. № 1. Он же. Черноморские загадочные знаки и глаголица // Ученые записки Ленинградского университета. Вып. 23. 1957.

В начале 1960-х годов Н.В. Энговатовым была осуществлена попытка реконструировать исконную славянскую письменность на основе некириллических знаков, встречающихся на русских монетах XI века. На многих монетах вместо пропущенных букв стоят несложные знаки — эти-то знаки и были собраны исследователем в единый алфавит. Наличие неизвестных знаков в однотипных, легко читаемых словах позволило присвоить этим знакам фонетическое значение. Полученный алфавит также рассматривался Н.В. Энговатовым как прототип глаголицы⁵⁹.

Еще одна (и довольно громоздкая) реконструкция протоглаголицы была предпринята И.А. Фигуровским⁶⁰.

Все три перечисленные реконструкции не совпадают между собой.

Разрабатывались и версии о существовании у славян словогового письма — имеются в виду упоминавшиеся выше работы М.Л. Серякова и В.А. Чудинова⁶¹.

Есть достаточное количество данных, позволяющих судить о том, что письменность (вопрос о том, когда она возникла, здесь не важен) воспринималась славянами как явление *сакральное*.

⁵⁹ Энговатов Н. Древнейшая русская азбука // Знание — сила. 1960. № 11. Также см.: Он же. Находки рунических надписей на территории СССР // Советское славяноведение. 1963. № 6. С. 229–257. Он же. Руническая эпиграфика с территории СССР и норманизм // Советская археология. 1964. № 4. С. 214–220.

⁶⁰ Фигуровский И.А. Расшифровка нескольких древнерусских надписей, сделанных «загадочными знаками» // Ученые записки Елецкого педагогического института. Вып. 2. Липецк, 1957. Он же. Резюме выступления на IV съезде славистов / IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. 1. М., 1962.

⁶¹ Чудинов В.А. Загадки славянской письменности. М., 2002.

Так, обращает на себя внимание тот факт, что русские слова *читать*, *считать*, с одной стороны, и *читить*, *почитать* — с другой, имеют один общий корень *чьт*⁶². Это сопоставление говорит о специфическом восприятии процесса чтения, определенной сакрализации этого процесса.

Выше уже упоминалось сообщение Титмара Мезенбургского о гадании у славян — гадание производилось способом, который внешне был схож с германо-скандинавским метанием рун. При гадании использовались жребии с некими знаками. Данный факт также указывает на сакрализацию знаков письменности (если, конечно, речь у Титмара идет именно о знаках письменности), использование их в магических целях.

В главе 1.1 говорилось о том, что в средневековой Европе изображения рунических футарков имели магическое значение. Обращает на себя внимание тот факт, что многие археологические памятники, относящиеся к средневековой Руси, содержат изображения кириллического алфавита (иногда неполного). Н.И. Толстой писал: «Магическое действие азбуки, особенно первой ее буквы и последней, а также начальных букв определенных слов известно во многих древних и новых культурах. Алфавиты, особенно из чужих азбук, например у коптов греческие, притом вырезанные на камне, на металле, играли роль *ἀποτρόπαιου* (умилостивительная жертва, или *astgasa*) и проникли к грекам и римлянам с Востока. Не исключено, что подобный характер имели граффити, состоящие из начала алфавита из Преслава (Болгария), из Софии Киевской, Софии Новгородской и др., а также написание алфавитов в

⁶² Якубинский А.П. История древнерусского языка / Под ред. В.В. Виноградова. М., 1953.

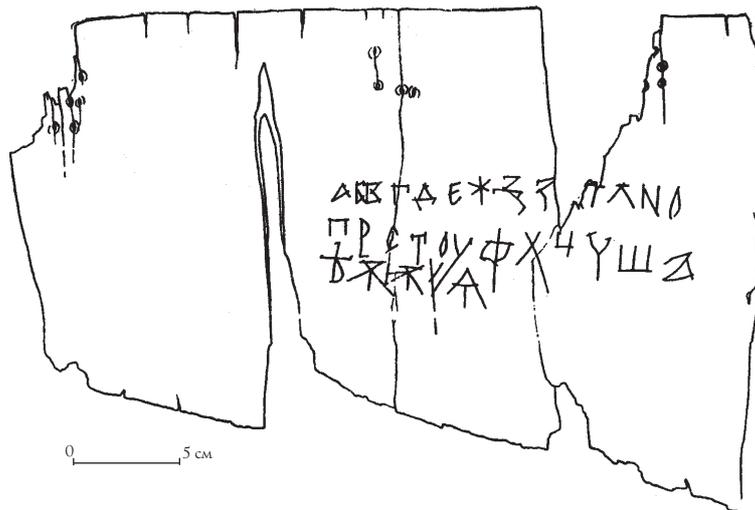

Рис. 17. Новгородская берестяная грамота, на которой записана кириллическая азбука (1-я половина XI в.)

новгородских берестяных грамотах (напр., № 199–201, 203–207)»⁶³.

Н.И. Толстой указал ряд примеров использования славянами алфавитов в сакральном контексте: «Алфавит — условный порядок букв, наделяемый сакральным смыслом. Такое восприятие алфавита характерно скорее всего для книжной, чем для народной традиции. Форму азбучного акростиха (от альфы до омеги) имел распространенный у славян греческий «Акафист Богородице» (VII в.), исполнявшийся с припевом

⁶³ Толстой Н.И. Алфавит / Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 102–103.

«Аллилуйя»; не вызывает сомнения сакральность «Азбучной молитвы» — славянского акростиха, в основу которого положен алфавит (старший список XII в.). <...> При освящении католических храмов епископ писал на полу посохом латинский и греческий алфавиты по крестообразно обозначенным линиям, что обозначало единение различных заветов и народов через посредство креста»⁶⁴. Использование алфавитов в сакральном контексте было продиктовано мотивацией, типичной для многих культур: «Вероятнее всего, алфавит в целом, или представляющие его первая и последняя буквы, или же первые его буквы выражали идею цельности, полноты и завершенности, наконец, основы и сути книжной сакральной премудрости»⁶⁵. Здесь же Н.И. Толстой приводит примеры использования отдельных букв и буквенных сочетаний (чаще всего как символов неких определенных слов) в магических целях — для защиты, лечения, обучения.

Не исключено, что сакральная информация была заложена даже в сами знаки славянской письменности: «Древнейший славянский алфавит — глаголица, — изобретенный славянским просветителем Константином-Кириллом, базировался, по гипотезе Юрия Чернохвостова (1949), в основном на сочетании трех символических фигур — креста (Христос), треугольника (Троица) и круга (Бог Отец), а также линий, повторенных во многих случаях дважды и трижды (ср. символику сложения перстов при крестном знамении)»⁶⁶.

Мотивы сакрализации письменности можно увидеть в восточнославянском «Стихе о Голубиной книге». Нет сомнения в том, что данный фольклорный текст содержит боль-

⁶⁴ Толстой Н.И. Алфавит... С. 102–103.

⁶⁵ Толстой Н.И. Алфавит... С. 102.

⁶⁶ Толстой Н.И. Алфавит... С. 103.

шное количество отсылок к языческим мифам; высказывалась даже точка зрения⁶⁷, что «Стих» является композиционно законченным изложением славянской дохристианской мифологии. «Стих» может быть представлен как описание некоего исходного космогонического действия и его последствий — развертывания и развития Вселенной. Примечательно, что первоначальным объектом, появление которого стимулирует развертывание космогонического сюжета, является именно *книга*.

Говоря о сакральности письменности, можно еще раз привести цитату из текста XV века: «Грамота русская ни кым же явлена, но токами самемъ богомъ въседержителемъ отцемъ и сыномъ и святымъ духомъ...»⁶⁸

Заканчивая экскурс в проблему существования славянской дохристианской письменности, сделаем ряд **ВЫВОДОВ**, важных для нашего дальнейшего исследования.

1. Велика степень вероятности того, что письменность у славян (как восточных, так и западных) существовала еще до принятия христианства. Таким образом, не исключено, что славяне могли использовать некие достаточно древние письменные системы, неизвестные современному исследователю. Эти системы могли не иметь отношения к латинскому и кириллическому алфавитам, использовавшимся при внедрении христианских текстов в славянских землях.

2. Есть достаточно много данных о заимствовании славянами существующих алфавитов для записи славянских слов.

⁶⁷ См.: *Серяков М.А.* «Голубиная книга» — священное сказание русского народа. М., 2001.

⁶⁸ *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 36–37.

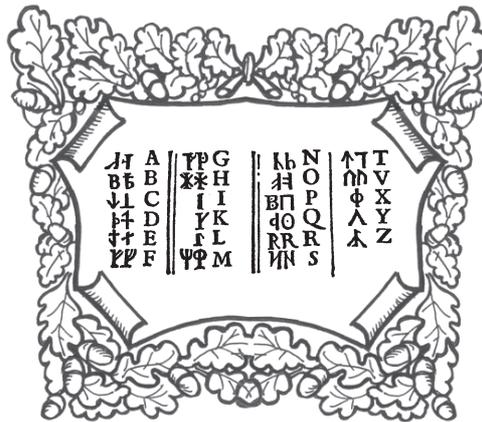
В одном из выводов главы 1.1 говорилось о том, что в Средние века наблюдался процесс распространения рунической письменности; при этом народы, перенимавшие руны, модифицировали рунический строй для адаптации его к особенностям своего языка. Поэтому в принципе не исключено, что рунические алфавиты были заимствованы и славянами-язычниками, которые также трансформировали его согласно особенностям местного языка.

3. У славян письменность была сакрализована, что вызывает ассоциации с традицией сакрализации рунической письменности у западноевропейских народов.

Часть 2

Славянские рунические памятники

Глава 2.1. Западнославянский рунический строй («вендские руны»)

В последующих главах мы рассмотрим ряд западнославянских памятников с руническими надписями, выполненными одним и тем же алфавитом. В литературе встречалось условное название данного строя как «вендских рун»¹. Они названы так по имени венедов — этнонима, которым в Средние века часто обозначали те или иные славянские племена.

К числу этих памятников с «вендскими рунами» относятся:

- предметы первой и второй части «прильвицкой коллекции»;
- коллекция камней, найденных близ Ной-Штрелица;
- микоржинские камни;
- медаль из Вапно и др.

Наличие одного и того же рунического строя на таком большом количестве археологических находок, казалось бы, должно свидетельствовать в пользу подлинности данной рунической системы. Но все не так просто. К сожалению, в разные годы практически все предметы и коллекции с «вендскими рунами» подвергались критике и объявлялись поддельными.

На настоящий момент целый ряд западнославянских рунических памятников оказался «в единой связке»: если до-

¹ Платов А. Славянские руны. М., 2001.

казать подлинность одного из них, то автоматически повышается вероятность подлинности всех других памятников. И наоборот, если одну из групп памятников принять за фальсификат, то это «тянет ко дну» и все остальное. Как выразился один из критиков западнославянской руники, И.В. Ягич, «они все вместе стоят или падают»².

В литературе устоялось мнение³, что западнославянский рунический строй восходит к футаркам, зафиксированным в работах М.Т. Арнкиля (1691 г.)⁴ и Клювера (1728 г.)⁵.

Футарки Арнкиля и Клювера представляют собой модифицированные датские рунические строи.

Как мы упоминали в первой части данной книги, в средневековой Европе была широко распространена практика заимствования письменности у соседей. При этом народ, заимствовавший чужие алфавиты, модифицировал их согласно требованиям местного языка. Не исключено, что и западные славяне могли заимствовать рунический алфавит у своих соседей — германских народов. В таком случае вполне объяснимо, что «вендские руны» приобрели некоторые различия в сравнении с «датским» руническим алфавитом.

К сожалению, работы возможных «праотцов» «вендских рун» — Арнкиля и Клювера, — написанные на старонемецком языке, нам не доступны, и поэтому мы приведем пере-

² Ягич И.В. Вопрос о рунах у славян // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 3. СПб., 1911. С. 16.

³ Впервые данная идея была высказана А. Малецким (*Malecki A.* Co rozumieć o runach słowiańskich i o autentyczności napisów na Mikorzyńskich kamieniach // Roczniki Towarzystwa Przyjaciół, nauk poznańskiego. Poznań, 1860. Т. 7. С. 126.

⁴ *Arnkjel M.T.* Cimbrische Heyden-Religion. Т. 1. Hamburg, 1691.

⁵ *Klüver.* Beschreibung des Herzogthums Mecklenburg. 1728.

сказ этих работ И.В. Ягичем, исследователем, который, кстати, скептически относился к самой возможности существования руники у славян.

И.В. Ягич писал: «Археолог и историк Арнкиль в своем сочинении⁶, говоря по старшим, преимущественно скандинавским источникам о рунах, прибавил, должно быть, не от себя, догадку, что в языческую старину молодежь тех стран Германии (о славянах, в частности, не говорится) упражнялась в чтении рун, “in Erlernung der Cimber-Gothischen Buchstaben und Schrifften”⁷. Как наглядный образец этого письма он приводит следующий рунический алфавит:

Изображение этого алфавита заимствовано Арнкилем из старших сочинений, на которые добросовестно указываетеся. [Впрочем, далее И.В. Ягич указывает на отличия алфавита Арнкиля от алфавитов, содержащихся в “старших сочинениях”].

Сочинение Клювера излагает рассказ, относящийся к языческим славянам, еще подробнее, чем мы слышали от Арнкиля. Сославшись на переписку Добровского с Дурихом, я указал в Истории славянской филологии (с. 60) на диссертацию Шурцфлейша 1670 года, в которой уже до-

⁶ Arnkiel M.T. Cimbrische... S. 294–295.

⁷ Перевод: «По учебнику кимрско-готской письменности и алфавита».

казывалось, что у германских славян были свои школы, где дети обучались рунам. Вот ту же самую мысль повторил также Ключевр относительно германских “вендов”: “Die Schulen waren zwar bey den Wenden im schlechten Strande, dennoch ihre Priester — Schullehrer und unter ihren Buchstaben die Runische genannt folgender Gestalt beschaffen”⁸ (1728, I. 75). В доказательство приводится следующий образец алфавита:

Во втором издании, которое в типографском отношении лучше и изящнее исполнено, представлен тот же алфавит в следующем виде (изд. 1737, с. 262): »⁹

⁸ Перевод: «Правда, школы у вендов были в плохом состоянии, тем не менее их учителя-священнослужители наряду со своими буквами пользовались руническими письменами следующего облика».

⁹ Ягич И.В. Вопрос о рунах у славян... С. 5–8.

И.В. Ягич, рассмотрев все надписи, выполненные «вендскими рунами», составил свой вариант западнославянского рунического футарка:

λϚλϚ	A	μϚ	G	ψφ	M	ιμ	S
ψψψ	B	*	H	h	N	↑↑↑	T
↓±↓	C	ιτ	I	ϚϚλ	O	λλ↑	U,V
ρρρ	D	κ	K	λλμ	P	φ	X
ϚϚϚϚϚ	E	ιμ	L	R	R	λ	Y
						ατ	Z

А.А. Бычков, один из авторов данной книги, сделал свою реконструкцию «вендских рун», приведя в качестве аналогов рунам не знаки латинского алфавита, а буквы кириллицы.

λτ	A	ϚϚϚϚϚ	Е,Э	ιμ	Λ	R	P
ψψψ	B	и	Ж	ψφ	M	↑↑↑	T
λλ↑	B	ιμ	З,С	h	h	↓	Ў
μϚ	Г,К,Х	ιτ	И	ϚϚλ	O	α	Ц
ρρ	Д	κ	К	λλμ	Π	↓I	Ы
						*τ	Ъ

Реконструкция, предложенная А.А. Бычковым, отличается как от реконструкции И.В. Ягича, так в некоторых пунктах и от строя «датских рун».

Некоторые варианты начертания (по Ягичу) были отвергнуты А.А. Бычковым как технические ошибки, описки, недорисованные знаки.

Так, А.А. Бычковым было подвергнуто сомнению традиционное толкование знака ✱.

Обычно этот знак читается как [h]. Однако обращает на себя внимание его использование в слове «Ретра», обозначающем на предметах прильвицкой коллекции соответствующий город и храм. Встречаются следующие написания:

R ✱ ǂ ↑ R λ
 R ✱ † ↑ R У
 R У ǂ ↑ R λ
 R ✱ † ↑ R λ
 R ✱ † ↑ R λ
 R ✱ ǂ ↑ R λ
 R ✱ † ↑ R У

Если рассматривать знак ✱ как [h], то название Ретры приобретет непривычное для славянского слуха звучание: *Рхетра*. Однако в одном из вариантов ✱ заменяется на У — [a]. Таким образом, знак оказывается неким гласным, фонетически близким к звуку [a]. По мнению А.А. Бычкова, речь идет о полугласном звуке, среднем между э и ъ, аналоге редуцированного старославянского гласного [ъ] («ерь»). Соответственно, сочетание знаков ✱ ǂ, видимо, следует читать как [ъе]. В таком случае название города храма приобретает привычное звучание: *Рэтра*.

Если принять именно такое звуковое значение руны ✱, то привычное звучание приобретут многие слова, в которых она встречается:

И Ѳ λ ʘ ↑ ǂ Ѳ ↑ ✱ — не *Свантовитх* (что невозможно в славянских языках), а *Свантовитъ*;

R | Ж ǂ † λ N ↑ — не *Рихегаст*, а *Рибегаст*.

Фонетическую трансформацию претерпевает еще одна руна — У . Если в датских футарках она звучала исключительно как [k], то при адаптации к славянским языкам она получила целый ряд значений: стала произноситься как [g], [k], [x], [h].

Многие исследователи пытались сличить строй «вендских рун» и западноевропейские футарки. На основании сравнения делались выводы о подлинности или поддельности и самого рунического строя, и предметов, на которые были нанесены руны. Интересно, что при этом одни исследователи рассматривали различия между славянскими и скандинавогерманскими руническими строями как доказательства аутентичности славянских рун, а другие, напротив, видели в этом доказательства их поддельности.

Приведем некоторые примеры научных построений на эту тему.

Так, например, «В. Гримм... не находя полного соответствия <рунам Z — b и Z — e> в германских памятниках рунического письма, признавал эти две руны *par excellence* славянскими, что, конечно, в нем утверждало веру в подлинность мекленбургских открытий»¹⁰. Логика Вильгельма Гримма понятна: если в алфавите славян появились новые знаки, то, значит, это знаки местного происхождения.

Однако другой ученый-рунолог, Я. Лечеевский, в своих построениях пользовался совсем другой логикой. Обнаружив в славянских рунических надписях какой-либо знак, не имеющий точных аналогов в европейских футарках, он рассматривал это как убедительное доказательство того, что знак непременно был выдуман фальсификатором. Например, расценив два знака на камне № 2 из Ной-Штрелица

¹⁰ Ягич И.В. Вопрос о рунах у славян... С. 7.

как руну \mathfrak{h} (читается как [ц]), он сделал следующие выводы: «Ошибкой <фальсификатора> является употребление руны $\mathfrak{h} = z$ — на скандинавских памятниках она никогда не обозначает z , ибо, как мы знаем, футарк вообще не знает знака для z . $\mathfrak{h} = z$ приводят в своих алфавитах такие ученые, как Арнкиль и Ключер, а за ними Маш. От них и исходит знакомство фальсификатора с рунами. Видимо, фальсификатор придерживался своих источников, как пьяный плота. <...> Это свидетельствует, что руны — не стародавние, а были выбиты в XVIII веке»¹¹. То есть Лечеевский обвинил возможного «фальсификатора» в том, что тот для фальсификации не воспользовался скандинавскими руническими строениями, а ограничился использованием книг Арнкиля и Ключера. При этом гипотеза, что «первоисточником» для западнославянских рун были именно эти книги, не доказывается Лечеевским, а постулируется им как само собой разумеющееся.

Пользуясь тем же самым «логическим методом», Лечеевский трактовал обнаруженный им на том же камне знак \mathfrak{D} (прочитан как [d]): «Для обозначения d фальсификатор взял руну Th , которая в скандинавских футарках (и то в позднейших), может быть один раз из тысячи обозначает d »¹². Коротко говоря, не найдя в скандинаво-германской рунике убедительной (с его точки зрения) параллели руне \mathfrak{D} , Лечеевский почему-то делает вывод о ее фальсифицированности. Впрочем, надо отметить, что «доказательства» Я. Лечеевского, одного из наиболее известных критиков славянской руники, почти всегда неубедительны (об этом мы неоднократно будем говорить на протяжении всей книги).

¹¹ *Leciejewski J.* Runy i runiczne pomniki... S.44–45.

¹² *Leciejewski J.* Runy i runiczne pomniki... S.44.

Рассмотрим также замечания еще одного критика славянских рун — И.В. Ягича.

Сравнив западнославянские руны с другими европейскими футарками, он, так же как и Вильгельм Гримм, обнаружил наличие в славянском строе оригинальных рун (*b*) и (*e*). Однако выводы были сделаны совсем другие. И.В. Ягич писал: «Сличение его <Арнкиля> таблицы с рисунками старших сочинений убедило меня в свое время (в 1880 году, сл. Archiv f. sl. Phil. V. 213¹³) в том, что гравер Арнкиля копировал свои образцы вообще довольно внимательно, но некоторые, хотя незначительные отступления, быть может чисто случайные, все-таки заметны. Важнее других по своим последствиям два изменения, вышедшие наружу в рисунках для *e* и для *b*. Для *e* у него на первом месте начертание ; старших примеров этого начертания в приводимых у Арнкиля сочинениях мне не удалось отыскать; ближе других подходит, правда, у Шедиуса знак , но и здесь рисунок буквы еще без нижнего крючка. Должно быть, здесь подразумевается позднейший знак для *e*. Начертание Арнкиля рядом со всеми прочими изображениями вошло в сочинение Клювера, где еще в первом издании (1728 г.) руна эта получила вид несколько наклонного положения отвесной черты, во втором же издании (1737 г.) эта наклонность еще увеличилась, т.е. вышел облик буквы . И вот этот наклонный облик руны у Клювера является первоисточником для всех многочисленных воспроизведений этой руны в Мекленбургских, по нынешнему месту хранения — Стрелицких, рунических надписях на так называемых Прильвицких божках. Рядом с является как второй тип или иногда , а также , . Вто-

¹³ Jagić V. Zur slavischer Runenfrage // Archiv für slavische Philologie. Bd. 5. Hf. 3. 1881. S. 213. — Примеч. авторов.

рая руна, в начертании которой произошла перемена внешнего облика, обличающая подложность Стрелицких рунических надписей, это — передача буквы В. У Арнкиля имеются два изображения руны: **В** и **Ѕ**; второе вышло в первом издании Ключера несколько неуклюже как **Ѕ**, т.е. поперечная линия получила полуовальный вид, нижняя же часть руны представляет не вполне замкнутый полукруг. Издание второе Ключера переделало это начертание внизу в совсем открытый облик **Ѕ**, и по этому точно образу копировалась руна **Ѕ**, **Ѕ** на всех Стрелицких фигурках»¹⁴.

Как мы видим, и В. Гримм, и И.В. Ягич исходят в своих построениях из одного и того же исходного положения — из наличия в западнославянских строях некоторых оригинальных рун. Однако на основании этих исходных данных они делают совершенно противоположные выводы. При этом И.В. Ягич пытается в качестве доказательства указать на сходство западнославянских рун с алфавитами Арнкиля и Ключера, однако нельзя забывать, что предположение о заимствовании «фальсификаторами» рун из двух упомянутых алфавитов — всего лишь предположение самого Ягича и сторонников его гипотезы; эта гипотеза, в общем-то, не подтверждена серьезными доказательствами. Перед нами классический *argumentum ex silentio*, иными словами — ситуация, когда из-за недостаточности источников нельзя доказать ни наличия, ни отсутствия чего-либо. В данном случае из-за недостаточного количества исходной информации из сопоставления рунических строев нельзя сделать заключения ни о поддельности, ни о подлинности западнославянских рун. Поэтому каждый толкователь делает из исходных положений те выводы, которые лично ему более симпатичны.

¹⁴ Ягич И.В. Вопрос о рунах у славян... С. 6–7.

Например, приведем два высказывания исследователей, пытавшихся сравнить стиль «вендских» надписей (прильвицкие коллекции) и традиционных западноевропейских рунических надписей. Лаврентий Суворецкий в докладе «Нечто о рунических письменах» отмечал: «В находящихся на сих древностях рунических надписях... равно как и в прочих северных рунах, сохранилась первоначальная простота, а потому и большее сходство с теми [западноевропейскими рунами], которые еще не подверглись переменам»¹⁵. Как мы видим, Л. Суворецкий не замечал стилистических и функциональных различий между славянскими и скандинаво-германскими руническими надписями. Внешнюю примитивность славянской руники он рассматривал как довод не в пользу поддельности славянских рун, а наоборот, в пользу их архаичности. При этом Л. Суворецкий был сравнительно умерен в своих оценках — он порицал авторов, которые высказывали слишком уж смелые «прославянские» предположения: «Многие писатели, увлеченные сим обстоятельством ([архаичностью славянских рун]), оставили неосновательные догадки об их начале. Одни из них полагали, что славяне заимствовали руны у своих соседей, норманнов; другие, напротив, утверждали, что норманны заимствовали оные у славян или какого-нибудь другого народа; первые в подтверждение своих предположений ссылались на известное множество памятников, исписанных сими рунами и находящихся в древних жилищах норманнов; другие же замечали, что сии письмена, без сомнения, заимствованы были норманнами у славян или кого-либо другого, во-первых, потому, что они не соответствовали ни потребностям сих последних, ни произ-

¹⁵ Суворецкий Л. Нечто о рунических письменах // Северный архив. 1822. № 24. С. 440.

ношению их языка; во-вторых, что славянская азбука содержит в себе буквы, которые вовсе не находятся в норманнской; что, наконец, письмена сих двух языков чувствительно между собою различаются»¹⁶. Однако Ян Лечеевский, имея примерно те же самые исходные данные, делает совершенно противоположные выводы: «Северные рунические памятники имеют, как мы знаем, иной способ нанесения надписей. Весь уклад прильвицких надписей, т.е. размещение отдельных слов без всякой связи, противоречит характеру подлинной рунической письменности»¹⁷. Что касается группой графики славянских рун, то Лечеевский, конечно, объясняет это не архаичностью, а следствием неумелости фальсификатора.

Наиболее серьезным является следующий довод И.В. Ягича. Далее по ходу книги нами будет рассмотрено изображение на одном из микоржинских камней (рис. 25); как будет показано, изображение на микоржинском камне № 1 сходно с одной из статуэток прильвицкой коллекции. Рядом с этими двумя изображениями, сходными внешне, содержатся и сходные надписи. Как говорит И.В. Ягич, на микоржинском камне содержится надпись *MRĀĀĀ*, на прильвицкой статуэтке, приведенной в книге Лелевеля, — *MRĀĀĀ*.

¹⁶ *Суровецкий А.* Нечто о рунических письменах... С. 441.

¹⁷ *Leciejewski J.* Runy i runiczne pomniki... S. 59. Отметим, что, вопреки мнению Лечеевского, большинство западнославянских рунических надписей, в общем, хорошо укладываются в европейские рунические традиции. Надписи на предметах прильвицких коллекций, как правило, обозначают имена собственные и являются обозначением принадлежности данных предметов храму или божеству — как мы говорили в главе 1.1, именно надписи, утверждающие собственность, составляли большой процент рунической эпиграфики.

По утверждению И.В. Ягича, осмотрев прильвицкую статуэтку в подлиннике, он обнаружил, что в книге Лелевеля надпись приведена с искажением: в действительности первый знак представляет собой не *Л*, а *М*. Соответственно, по И.В. Ягичу, получается, что человек, изготовивший рисунок и надпись на микоржинском камне, имел в качестве образца именно книгу Лелевеля — он перенес на камень и силуэт одной из статуэток, и сопутствующую надпись, однако при этом повторил и опечатку, содержащуюся в книге.

Данный довод действительно обращает на себя внимание, хотя и здесь не обошлось без ошибки. Если мы обратимся к книге Лелевеля, в которой использован рисунок, выполненный Я. Колларом (рис. 26 б), то увидим, что первым знаком надписи является вовсе не *М* (как это утверждает И.В. Ягич), а *Л* — то есть именно тот знак, который и должен быть «по условию». Знак *М* же присутствует в книге Я. Потоцкого (рис. 26 а)¹⁸. Приводя наиболее убедительное свое доказательство, И.В. Ягич путался в источниках.

Можно сделать обобщение: критики «вендских рун» не дают достаточных доказательств того, что данные руны являются фальсификацией. Выше мы приводили несколько отрывков из трудов Я. Лечеевского и И.В. Ягича — в этих отрывках содержатся скептические доводы по поводу западнославянских рунических памятников. Видно, что некоторые из этих доводов наивны и неубедительны, хотя некоторые в той или иной степени и резонны. Однако все приведенные доводы (даже убедительные) не позволяют считать

¹⁸ Видимо, в реальности эта руна действительно имеет специфическую выемку в верхней части, и поэтому разные рисовальщики фиксировали ее по-разному.

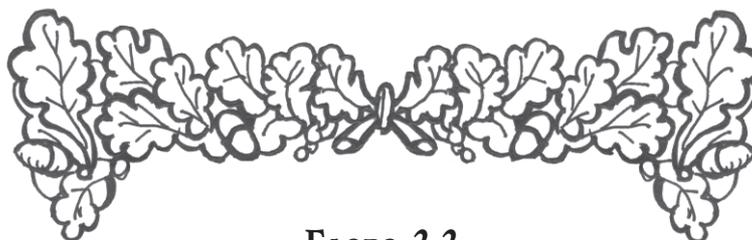
вопрос о подлинности или поддельности «вендских рун» решенным окончательно.

Надо сказать, что два упомянутых выше автора издали свои критические исследования в начале XX века; по-видимому, их книги являются обобщением всей критики, высказывавшейся до того момента. В последующие десятилетия научный интерес к западнославянским руническим памятникам сошел практически к нулю — поэтому, надо полагать, в трудах Я. Лечеевского и И.В. Ягича содержится *достаточно полный* комплекс логических доказательств фальшивости «вендских рун». Как мы видим, этих доказательств не так уж и много. Проблема так и остается нерешенной.

Если грамматический анализ западноевропейских рун и не дает убедительных результатов, то вопрос об их поддельности или аутентичности может быть решен и другим способом — через доказательство поддельности или подлинности предметов, на которые эти руны нанесены.

Как нам кажется, *окончательно снять вопрос о подлинности западнославянских рунических памятников может только материальная экспертиза, проведенная непредвзятыми специалистами с применением современных технологий.*

Глава 2.2. Территория современной Германии

Прильвицкие коллекции А. Маша и Я. Потоцкого

В конце XVII века в местечке Прильвиц, находящемся в восточногерманской области Мекленбург близ города Ной-Штрелица, был обнаружен клад, состоящий из нескольких десятков странных металлических предметов. Эти предметы находились в массивном металлическом котле с ножками и были накрыты сверху, как крышкой, еще одним котлом. И на сосудах, и на содержащихся в них предметах имелись многочисленные рунические надписи. Помимо котлов и их содержимого в земле было обнаружено много древней металлической утвари.

Андреас Готлиб Маш, издатель наиболее полного описания коллекции, так излагает историю находки: «Всё собрание сохранившихся древностей наряду с несколькими предметами, которые уже безвозвратно утеряны, было обнаружено в Прильвице, а именно на старой Замковой горе, которая в настоящее время находится в пределах деревни, на северном склоне горы, неподалеку от берега реки Толлензе. Время, когда было сделано это открытие, точно установить не представляется возможным, так как найденный клад на некоторое время был спрятан. Определенно можно ска-

зять, что это произошло в прошлом веке, в период с 1687 по 1697 год. В это время владельцем деревни Прильвиц был господин фон Гамм. Открытие было сделано пастором Фридрихом Шпонхольцем, умершим в декабре 1697 года. Сад пастора примыкал к северному склону высокого холма, который восточнее образует крутой берег озера; холм этот в настоящее время скрыт, а земля с него использована для подсыпки сада в дворянском поместье. При посадке дерева в своем саду, на берегу озера, пастор копнул землю и обнаружил эти сокровища, которые и взял себе на сохранение. Не установлено, узнал ли господин фон Гамм об этом сразу, однако находка не осталась в тайне, о ней распространились слухи, которым одни верили, а другие опровергали. Расследование никогда не проводилось. Когда пастор Шпонхольц в 1697 году почил в бозе, вдова пастора продала все древние предметы, включая оба котла и железную утварь, ювелиру Пёльке из Ной-Бранденбурга. Здесь железная утварь была использована: оба котла переданы для отливки колокола в Ной-Бранденбурге. Но собственно богослужебные предметы, хотя и не все, сохранились. Ювелир Шпонхольц, дальний родственник пастора Шпонхольца и зять ювелира Пёльке, получил это собрание в наследство от своего тестя»¹.

После смерти упомянутого Ф. Шпонхольца коллекция в количестве шестидесяти шести предметов осталась у вдовы и старшего сына (тоже ювелира). В это время о предметах узнал тамошний врач Хемпель, который приобрел сорок во-

¹ [Masch A.G.] Die Gottdienstlichen Altertümer der Obotriten aus dem Tempel zu Rhetra am Tollenzer See / Nach den Originalien auf das genaueste gemahlet, und Kupferstichen nebst Hrn Andreas Gottlieb Maschens Herzogs. Meklenb. Strelitzischen Hofpredigers, Konsistorial, Raths und Superintendentens; Erleutening derselben herausgegeben von Daniel Wogen, Herzogl. Meklenb. Strel. Hofmahler. Berlin, 1771. § 4.

семь штук из них; остальные же вдова продала суперинтенданту из Ной-Штрелица А. Машу.

Приобретенные древности Маш описал в отдельном издании. Одновременно с А. Машем свою часть коллекции описал и доктор Хемпель².

По мнению А. Маша, предметы, найденные Ф. Шпонхольцем, происходят из знаменитой языческой святыни в городе Ретра, который когда-то находился вблизи Прильвица.

Согласно историческим данным, Ретра выделялась среди других западнославянских городов — здесь находилось крупнейшее святилище, почитавшееся не только местными жителями, но и населением окрестных славянских земель. Адам Бременский писал: «...их [славян-редарей] город повсюду известен, Ретра, центр идолопоклонства. Здесь выстроен большой храм для богов. Главный из них — Редегаст. Идол его сделан из золота, ложе — из пурпура. В этом городе девять ворот, и со всех сторон он окружен глубоким озером. Для перехода служит деревянный мост, но путь по нему открыт только для приносящих жертвы и испрашивающих ответы»³. Позже Гельмольд писал: «Ибо редари и доленчане желали господствовать вследствие того, что у них имеется древнейший город и знаменитейший храм, в котором находится идол Радегаста, и они только себе приписывали единственное право на первенство потому, что все славянские народы часто их посещают ради ответов и ежегодных жертвоприношений»⁴.

В годы, когда германские государства начали осуществлять экспансию на земли западных славян, Ретра неоднократно

² *Hempel D.* // *Altonaischer Mercurius*. 1768. № 34, 44; *Hempel D.* // *Rostockische gemeinnutzige Aufsätze*. 1769. № 8–12.

³ Цит. по: *Гельмольд*. Славянская хроника. М., 1963. С. 37.

⁴ Цит. по: *Гельмольд*. Славянская хроника. М., 1963. С. 76.

разрушалась. Первый раз это произошло в 955 году — и город, и храм были уничтожены, а храмовые сокровища вывезены. Впоследствии Ретра была восстановлена, однако примерно в 1150 году она снова была разрушена, теперь уже окончательно. По мнению А. Маша, предметы, впоследствии обнаруженные Ф. Шпонхольцем, были изготовлены именно в годы между двумя разорениями Ретры и закопаны в землю в момент ее окончательной гибели. А. Маш так представляет себе атмосферу, в которой были созданы прильвицкие предметы: «Духовная суть и материальное воплощение идолов полностью соответствуют времени и условиям жизни. Представьте себе редариев, когда по их стране прокатилась война. Ретра, их столица, куда они свозили свои сокровища, где на многочисленных островах они надежно сохранялись, была уничтожена и разграблена, а добыча была увезена из страны. Они объединились, чтобы вновь отстроить свой город и храм, воссоздать свои идолы. Они собрали весь металл, который могли найти (золото, серебро, медь, латунь), бросили его в тигель, чтобы отлить из него идолов, которые должны уберечь их страну от будущих опустошений. Это так соответствует обстоятельствам, в которых оказался ограбленный народ, озабоченный положением своей религии и возможности поклоняться своим богам, что и материалы, из которых отлиты идолы, говорят о подлинности описываемых раритетов и правильности определения времени их изготовления. Бедный венд отдает последнее, лишь бы иметь божества, которые он может почитать и посрамлять равнодушие многих христиан, которым скоро покажется излишним жертвовать частью своей собственности ради религии»⁵.

⁵ [Mäsch A.G.] Die Gottdienstlichen Altertümer... § 56.

Надо заметить, что современные археологи не имеют единого мнения о том, где же в действительности находились знаменитый город и храм. Однако А. Маш в конце XVIII века считал, что сад пастора Ф. Шпонхольца, где был найден клад, находился именно на территории Ретры.

С момента обнаружения прильвицкой коллекции до ее обнаружения прошло почти сто лет. Давность событий затрудняла А. Машу и его современникам выяснение обстоятельств находки и не позволяла в должной мере оценить степень ее аутентичности. Это послужило одной из причин для сомнений ученого мира в подлинности предметов. Так, вскоре пастор Зенсе из Варлина⁶ отверг возможность того, что предметы являются славянскими языческими идолами, положив начало научной дискуссии. В защиту памятников выступили доктор Таделль и пробст Генцмер.

Разразившийся спор подвигнул А. Маша на приобретение у доктора Хемпеля второй части древностей — коллекция вновь была объединена. А. Маш попросил придворного художника Д. Вогена зарисовать предметы коллекции; рисунки были перенесены на медь, и эти гравюры были изданы в большом труде А. Маша, который хотел убедить общественность в аутентичности идолов⁷.

Дискуссия продолжилась: книга А. Маша вызвала суровую критику со стороны профессора Яна Тунмана⁸. С критикой выступил также и Самуэль Бухгольц⁹ — он, в общем-то, не подвергал сомнению подлинность самих статуэток, но воз-

⁶ *Sense // Nutzliche Beitrage zu den Strelitzischen Anzeigen. 1768. № 21–23.*

⁷ *[Masch A.G.] Die Gottdienstlichen Altertümer...*

⁸ *Thunman J. Untersuchung ueber die alte Geschichte einiger nordischer Völker. Berlin, 1772.*

⁹ *Buchholz S. Rhetra und dessen Götzen. Bützow und Wismar, 1773.*

ражал против концепции Маша, привязывающего средневековую Ретру к Прильвицу. Маш неоднократно отвечал на обвинения¹⁰. Впоследствии все свое собрание он передал на хранение в город Рацебург.

История прильвицких статуэток вступила в новую фазу, когда писатель граф Ян Потоцкий, путешествуя в этих местах в 1794 году, встретил в Ной-Бранденбурге Гедеона Шпонхольца, младшего брата ювелира, и нашел у него новую коллекцию славянских древностей — 118 предметов, подобных старинным предметам первого собрания. Мало интересуясь, откуда снова взялось столько идолов, Потоцкий, обрадованный открытием, приказал зарисовать предметы новой коллекции и издал их¹¹.

В своей книге, написанной в жанре путевого дневника, Я. Потоцкий описал историю своего знакомства с коллекцией довольно коротко. В записи за 13 августа 1794 года он упомянул о встрече с А. Машем в Ной-Штрелице: «Я провел там многие часы в обществе господина Маша, главного управляющего церковью, и беседа с ним мне показалась столь же поучительной, как и его работы».

Запись за 14 августа: «...от Пенцлина я взял курс на Прильвиц, чтобы увидеть старинную Ретру, но поскольку господин Маш описал ее более двадцати лет назад, то я с трудом смог там сориентироваться. Названия Ретраберг и Темпельберг вышли из употребления и ныне забылись. Холма, где стоял храм, также более не существует. Земля была

¹⁰ *Masch A.* // Beitrage zur Erlauterung der Obotritischen Alterthumer. Schwerin und Gustrow, 1774. *Masch A.* Von den Grabmalen der Wenden.

¹¹ [*Potocky J.*] Yoyage dans quelques parties de la Basse-Saxe pour la recherche des antiquités Slaves ou Venedes. Fait en 1794 par le comte Jean Potocki. Hambourg, 1795.

перевезена в соседнее болото, которое хотели осушить. Старая славянская крепость превратилась в английский сад, а место старой саксонской башни заняла беседка. Славянское кладбище перепахано, а симметрично уложенные там ранее камни разбросаны по равнине, как и прочие надгробные камни. <...> Сейчас лишь несколько намогильных холмов свидетельствуют, что здесь жили и были погребены славянские князья...

Я простился с пастором Прильвица и вернулся в Пенцлин, откуда направился в Ной-Бранденбург, чтобы увидеть кабинет г-на Шпонхольца, в котором, как меня уверяли, хранились сокровища славянских древностей.

Кабинет господина Шпонхольца превзошел мои ожидания, и я решил посвятить ему несколько дней».

16 августа: «Я зарисовал идолов, восемь чаш, а также жертвенные ножи; каждый объект с двух сторон, потому что идолы в своем большинстве имеют по крайней мере два лица, как и потому что почти все надписи сделаны на спине. Все, что я зарисовал сегодня, находится в Прильвице, как и зарисованные г-ном Машем. Однако те, что остались у г-на Шпонхольца, массивнее и во всем интереснее, чем другие. Но г-н Шпонхольц по причинам нравственного порядка посвятил этой эпохе лишь меньшую часть своего кабинета, и то лишь после того, как г-н Маш прекратил поиски славянских древностей, поскольку успехи, сопровождавшие начало этого увлечения, внушали Шпонхольцу более доверия».

17 августа: «Сегодня я зарисовал вторую часть коллекции кабинета г-на Шпонхольца, которая состоит из большого числа бронзовых пластин с рельефными изображениями, найденных им в принадлежащей ему местности среди большого количества урн <...> в буквальном смысле вырытых из земли. Г-н Шпонхольц был столь любезен, что сопровождал

меня по всем местам, где, по его предположениям, можно было почти наверняка успешно вести раскопки».

Через несколько дней Ян Потоцкий посетил Рацебург, где осмотрел коллекцию А. Маша и еще некие древности (по тексту книги не ясно, каково их происхождение): «Моей первой заботой было посещение библиотеки, чтобы увидеть хранящиеся там славянские древности. Они размещены в двух шкафах в форме ротонды, увенчанных идолами Радегаста, что придает им вид храмов.

Первый шкаф включает идолов, которых господин суперинтендант Маш уже описал, и даже, может быть, слишком подробно <...>

Второй шкаф содержит другие идолы и амулеты, которые по большей части принадлежат ко времени, когда оботриты уже отказались от христианства, вернувшись к своей старой религии. В это время они уже утратили древние образцы. Некоторые Радегасты имеют усы и маленькую бородку на подбородке, как это было в обычае у старых господ того времени. У других на головах короны с заостренными концами, как у царя Давида, что можно видеть в готических церквях. Здесь уже нет этого смешения драгоценных металлов, как у идолов, найденных в Прильвице. Наоборот, внешность идолов точь-в-точь походит на наши известняки, смешанные с перцем. И наконец, они не имеют ни патины, ни медной ржавчины. Однако, так как эта последняя пора язычества небезынтересна для истории славян, я решил остаться здесь на весь завтрашний день, чтобы их зарисовать».

Далее Ян Потоцкий приводит дополнительные сведения о коллекции Г. Шпонхольца: «Когда суперинтендант Маш захотел ознакомиться с древностями, которые находились в собственности г-на Шпонхольца, этот последний показал ему

лишь самую малую их часть, и это по причине морального характера, о чем я сказал выше.

С того времени как г-н Шпонхольц решил не сохранять больше свой кабинет в особой тайне, он уверял меня, что я был первым, кому он показал его полностью, без всякой утайки. Я зарисовал у него идолов и другие предметы, найденные в Прильвице и составлявшие часть собрания, которому г-н Маш доставил неприятности. После этого он с особенным удовольствием предоставил мне для зарисовки ту часть собрания, которая оставалась неизвестной Машу. Тот, по-видимому, даже не знал о ее существовании. Когда я имел честь видеть его в Штрелице, он действительно порекомендовал мне только направиться в Рацебург, ничего не сказав о Ной-Бранденбурге <...>».

Труд Потоцкого обратил на себя большое внимание; тогдашний мекленбургский князь Карл приобрел в 1804 году оба собрания: и старое (Андреаса Маша), и новое (Яна Потоцкого)¹².

Князь Карл сделал коллекцию доступной научному миру и научной критике. Первым осмотрел полное собрание Рюс — после осмотра он заявил о своем сомнении в их подлинности. Также высказался и Йозеф Добровский: «Не могу утаить, что сразу же при первом о них объявлении высказывались различные подозрения в их аутентичности. Мне кажется, что в этом кладе очень много божков и предметов подозрительных, но не смею утверждать ничего основательно»¹³. Гораздо более суровый суд вынес Якоб Гримм: «Из достойных доверия уст рецензент (Гримм) знает — а ученые из Росток должны об этом знать даже больше, — что в прошлом столетии

¹² См.: *Leipziger Literatur-Zeitung*. 1805. № 20. *Intelligenzblatt*.

¹³ *Dobrowski J. // Slowanka*. II, 174.

мекленбургский ювелир маленькие божки находил и делал»¹⁴. Подобное мнение Гримм высказывал и позже¹⁵. В 1825 году Конрад Левезов предпринял специальное путешествие в Ной-Штрелиц, чтобы там своими глазами увидеть обе коллекции. Он сделал вывод, что большая часть статуэток неаутентична, а некоторые из них, возможно, были изготовлены в XVI—XVII веках¹⁶.

Многочисленные научные споры подтолкнули мекленбургского князя Ежи к созданию комиссии с целью изучения памятников. Исследования эти длились с 26 сентября 1827 года по 10 августа 1829 года, т.е. в течение почти двух лет. Окончательный вывод был оглашен 3 октября 1829 года.

Согласно мнению комиссии, первая часть коллекции — та, которую описал Андреас Маш, — была признана подлинной.

Что касается второй части коллекции, было высказано мнение, что памятники, описанные в труде Потоцкого, были сфабрикованы. Подозрение пало на упоминавшегося выше младшего сына Шпонхольца — Гедеона. Когда его брат продал доктору Хамплю статуэтки первой части коллекции (собрания Маша), Гедеон упрекал его за это и начал заниматься древностями. Он (иногда при участии помощников) производил раскопки в окрестностях Прильвица и Ной-Штрелица; из выкопанных Гедеоном Шпонхольцем предметов образовался домашний музей, в который попали также древности, впоследствии опубликованные Яном Потоцким.

¹⁴ *Grimm J.* Deutsche Alterthumskunde // Göttingher gelehrte Anzeigen. 1815. № 52. S. 513.

¹⁵ См.: *Grimm J.* // Göttingher gelehrte Anzeigen. 1825. S. 518.

¹⁶ *Lewezow K.* Ueber die Echtheit der sogenannten Obotritischen Runendenkmäler zu Neustrelitz. Berlin. 1835.

Следствие вышло на ной-бранденбургского гончара Похла, который в свое время изготовил, согласно полученным указаниям, глиняные формы, в которых Гедеон Шпонхольц и отливал свои древности. В каждой форме делалась лишь одна отливка, после чего форма уничтожалась. На отлитых статуэтках помощник ювелира Нейманн резал руны, изборажения которых брал из уже вышедшей на тот момент книги А.Маша. В документах встречается утверждение, что Похль был малосведущим человеком и что вся его библиотека состояла из вышеуказанной книги Маша.

Выводы комиссии не положили конца ученым спорам. Так, Левезов в исследовании, предложенном Берлинской академии наук в 1834 году, усомнился в подлинности не только второй, но и первой серии. Он писал: «Не могу себе после всех многолетних исследований об их происхождении и их внешнем виде представить ничего, кроме как следующее: мастер был отливщиком металлов очень невысокого мастерства либо просто дилетантом, вероятнее всего, XVIII века, ежели сведения об их обнаружении правдивы»¹⁷. Еще более суровое суждение об этих божках высказал Шафарик: «Идите себе <идолы> из святынь нашей древности за вашими мастерами, куда вам и надлежит идти — до Эреба!»¹⁸ Против аутентичности статуэток выступил Лиш, который сосредоточился прежде всего на исследовании их пластики¹⁹. Также из-за пластики критиковал коллекцию Г.М. Маш²⁰. Позже

¹⁷ Lewezow K. Ueber die Echtheit der sogenannten... S. 204.

¹⁸ Šafarik P. Podobizna Černoboha v Bamberku // Časopis Českého museum. Praha, 1837. Цит. по: Leciejewski J. Runy i runiczne pomniki... С. 57.

¹⁹ См.: Jahrbucher des Vereins für Meklemburgische Geschichte. 1836. Т. XVII. S. 36.

²⁰ См.: Leciejewski J. Runy i runiczne pomniki... S. 55.

против признания аутентичности коллекции выступали А. Малецкий²¹, И.В. Ягич²², Д.О. Шепшинг²³.

В то же время на защиту коллекции встали российский археолог Булгарин²⁴, шведский рунолог Финн Магнуссен²⁵, немецкие исследователи Л. Гизебрехт²⁶, И. Боли²⁷, польский историк И. Лелевель²⁸. Во второй половине XIX века в пользу аутентичности памятников высказывались Л. Суровецкий²⁹, Т. Воланский³⁰, В. Цибульский³¹, К. Шульц³², А. Пшезджецкий³³, А. Пекощицкий³⁴.

²¹ Małecki A. Co rozumieć o runach słowiańskich i o autentyczności napisów na Mikorzyńskich kamieniach // Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk poznańskiego. Poznań. T. 7. S. 126.

²² Jagić V. Zur slavischer Runenfrage // Archiv für slavische Philologie Bd. 5. Hf. 3. 1881. S. 193.

²³ Шепшинг Д.О. Мифы славянского язычества. М., 1997. С. 4–5. (Переиздание).

²⁴ См.: Russland in historischer statistischer, geographischer und literarischer Beziehung; übers. v. H. v. Brachel. Riga; Leipzig, 1839.

²⁵ Magnussen F. Runamo og runerne. 1842.

²⁶ Giesebrecht L. // Historische Zeitung, von Schmidt. 1842. См. также: Giesebrecht L. Ueber die Religion der wendischen Völker // Baltische Studien. VI. Jahrg. I Heft. Stettin, 1838. S. 239; Wendische Geschichte. Berlin, 1843. T. 1. S. 64.

²⁷ Boli J. // Wochenblatt für Mecklenburg-Strelitz. 1850. № 41–44.

²⁸ Lelewel I. Polska wieków średnich. Poznań, 1846. S. 400.

²⁹ Surowiecki. O charakterze pisma runicznego (см. *Surowiecki. Dzieła Wawrz.* Kraków, 1861. S. 540. Также см.: Суровецкий А. Нечто о рунических письменах // Северный архив. 1822. № 24. С. 440–441.

³⁰ Wolański T. Briefe über slavischen Alterthümer, I Sammlung. Gnesen, 1846.

³¹ Cibulski W. Obecny stan nauki o runach słowiańskich // Roczniki Towarzystwa Przyjaciół, nauk poznańskiego. Poznań, 1860. T. I.

³² Szulc K. Autentyczność kamieni mikorzyńskich zbadana na miejscu // Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk poznacskiego. Poznań, 1876. T. IX.

³³ Przędziecki A. O kamieniach Mikorzyńskich. Kraków. 1872.

³⁴ Piekosiński A. Kamienie Mikorzyńskie. Kraków. 1896. S. 26–27.

Непрекращающиеся научные баталии снова послужили поводом для разбирательств мекленбургского совета. Многие верили в славянское происхождение древностей, было решено пригласить в качестве эксперта славянского ученого. Для этого был выбран Ян Коляяр, профессор славянской археологии из Вены. Он отправился в Ной-Штрелиц, а вернувшись оттуда, читал в Вене публичные лекции, в которых все древности — и Маша, и Потоцкого — признал подлинными, а Нейманна, который под присягой сообщил суду о фальсификации памятников, обвинил во лжи. Коляяр посвятил прильвицкой коллекции двухтомный труд³⁵, который должен был быть издан в России под личным патронатом одной из великих княжен. К сожалению, книга Я. Коляяра так и не увидела свет. Даже не будучи изданной, книга подверглась резким нападкам: И. Гануш, ознакомившись с рукописью, утверждал, что «научная критика о подлинности заявленных божков, и тем более рунология, вперед бы не продвинулись»³⁶.

И. Гануш был автором, пытавшимся достичь золотой середины в научной битве вокруг прильвицкой коллекции. Он формулировал свою точку зрения с осторожностью: «У Потоцкого с уверенностью, у Маша с вероятностью большая часть сфальсифицирована».

В XX веке споры вокруг прильвицкой коллекции утихли, причем утвердилось мнение об неаутентичности коллекции. Тем не менее ситуация явно неоднозначна. Мы приводим здесь длинные списки фамилий авторов XVIII—XIX веков для

³⁵ Kollar J. Die Götter von Rhetra oder mythologische Alterthümer der Slaven, besonders im westlichen und nordlichen Europa.

³⁶ Hanuš I. J. Mitglied und Bibliotheker der K. Böhm. Gesellschaft der Wissenschaft in Prag. Zur slavischen Runenfrage... // Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen. Wien, 1857. T. 17. S. 16. Цит. по: Leciejewski J. Runy i runiczne pomniki... S. 58.

того, чтобы показать — в те времена было множество ученых, признающих прильвицкие статуэтки подлинными (по крайней мере, подлинными с определенной степенью вероятности). В те времена работали авторитетные комиссии, призванные прояснить вопрос, и выводы этих комиссий позволяют говорить о подлинности отдельных частей коллекции (прежде всего, о подлинности предметов, опубликованных А. Машем).

В Приложении 1 мы воспроизвели все гравюры первой части прильвицкой коллекции, сопроводили эти гравюры комментариями, зафиксировали рунические надписи и привели их фонетическую расшифровку.

А.Г. Маш, описывая коллекцию, упоминает следующие детали: «Мелкие фигурки, которые я считаю изображениями подчиненных богов, в сравнении с теми, которые я считаю памятниками, в целом обработаны очень чисто, и все их детали правильно сочетаются. Об изображениях храмовых богов подобное утверждать невозможно, они вообще изваяны топорно и бесформенно. Некоторые детали или целые предметы хороши и изящны, а другие плохо подходят, плохо сочетаются со всем изображением. Сравнение деталей друг с другом позволяет высказать следующие замечания <...>:

1. Фигуры созданы с помощью литейных форм, состоящих только из двух частей, поэтому изгибы и углубления либо отсутствуют, либо, если этого невозможно было избежать, заполнены металлом. На некоторых статуэтках, например Вода и Цирнитры, отчетливо видно, что формы не совсем подходят друг к другу.

2. Внутри почти все фигурки полые. На некоторых, особенно поврежденных, фигурках отчетливо видно, что в фор-

му укладывалась твердая, обработанная вручную масса; а затем, в случае, если изображение намеревались установить вертикально, в отверстие вставлялся металлический шест.

3. У вендов были штампы, которые вдавливались в мягкую форму, благодаря чему на многие статуи были нанесены одинаковые рисунки — например, изображения жуков, личинок, человеческих лиц, встречающиеся на совершенно разных предметах.

4. Венды могли отдельно обрабатывать и отливать мелкие детали, а затем, при окончательном литье, соединять их с более крупными деталями. Данная технология хорошо заметна, например, на статуе Ипабокга (№ 9) и жертвенной чаше № 45.

5. В соответствии со своими вкусами венды украшали некоторые изображения шипами. Судя по внешнему виду, эти шипы втыкались в мягкую форму и при отливке соединялись с жидким металлом.

6. Представляется, что не обязательно все части фигур выполнялись одним и тем же мастером. У некоторых изображений лицо прекрасно, а все остальное выполнено весьма грубо.

7. Одно изображение идола могли переделать в другое, изменяя некоторые его части. Некоторые идолы представляли собой частичную копию других»³⁷.

Все предметы первой части прильвицкой коллекции достаточно реалистичны, изготовители явно были знакомы с образцами классической античной скульптуры. А. Маш считал, что в работе над фигурами принимали участие иностранные специалисты. Он писал: «Я делаю вывод, что именно греческие мастера изготовили предметы, которые свидетельствуют о мастерстве их авторов. Что касается изображений

³⁷ [Mash A.G.] Die Gottdienstlichen Altertümer... § 44.

храмовых богов, то об их авторах можно сказать, что по сравнению с греческими мастерами они были только дилетантами. Невозможно с уверенностью определить, кем были эти люди. Тем не менее я позволю себе высказать предположение. Без сомнения, идолы должны были стать святынями, создание их изображения не могло быть поручено профанам. Жрецы, вейделы, т.е. ученые люди среди своего народа, сами создавали и отливали изображения, возможно, в самих храмах. Так как они знали о своей неопытности в изобразительном искусстве, то поручали какому-то мастеру рисовать и ваять некоторые главные детали: лицо, руку, жука и другие мелкие фигурки. Все остальное жрецы как могли изготавливали сами. Так появлялся идол, священный благодаря участию в его создании жреца, но одновременно с этим и свидетель неумелости его авторов. В данном случае я думаю, что венды — один из европейских языческих народов, у которых идолы создавались руками жрецов. Поэтому Тертулиан называл их *artifices idolorum*»³⁸.

А. Маш привел несколько доводов в пользу аутентичности коллекции. Среди этих доводов — слишком малая цена, заплаченная за предметы, патина, их покрывающая, специфические повреждения:

«После того как я описал эти раритеты под углом зрения их предназначения, мне следует оценить их также с другой стороны, более подробно коснувшись как материалов, из которых они изготовлены, так и некоторых других приводящих обстоятельств, связанных с ними. Также и они подкрепят доказательства подлинной древности этих предметов. Все фигурки отлиты из металла, определить свойство которого трудно. Внешний осмотр и проведенные пробы показали, что

³⁸ [Mascb A.G.] Die Gottdienstlichen Altertümer... § 45.

в данном случае речь идет о сплавах различных руд <...> Наши идолы [были отлиты] — из сплава золота, серебра, меди и латуни, причем обнаружено различное содержание серебра в разных предметах. А в одном — сплав, содержащий на одну пятую свинец. При описании каждого предмета я буду точно указывать состав металла <...>

Можно считать обоснованным вывод, что эти предметы не являются подброшенными и поддельными, как это хотят представить те, кто их видел только один раз и не обладает знаниями о Древнем мире. Для изготовления подделок потребовались бы слишком большие затраты, так как нужно было бы смешать так много серебра с незначительным количеством других металлов. Изображение Швайкстикса, в котором металлы равномерно перемешаны во всех частях статуи, в чем я, впрочем, сомневаюсь, содержит серебра почти на 70 рейхсталеров, а в другом предмете содержание серебра превышает 20 рейхсталеров. Что же за обманщик должен быть в этом случае, который приложил чрезвычайные усилия и пошел на значительные траты — и не получить взамен ничего?! Этого достаточно, чтобы отвергнуть эти подозрения.

Другое привходящее обстоятельство — это цвет, который приобрели идолы и другие предметы клада. Если бы они были блестящими и чистыми, то можно было бы поверить, что они подброшены обманным путем. Напротив, многие из этих предметов имеют неподражаемый зеленый цвет и покрыты пленкой, называемой благородной патиной. Знаток древностей знает, как много значит это обстоятельство в истории антиквариата, и если предпринимается попытка подделать патину, то можно легко обнаружить и отличить подделку от настоящей пленки. Таким образом, и цвет идолов доказывает, что они созданы несколько веков назад.

Третье обстоятельство — большие повреждения у всех предметов вследствие влияния на них огня. Визуальный осмотр убеждает любого, кто знакомился с этим собранием, что все предметы побывали в сильном огне, который оплавил их в некоторых местах. Следы огня заметны не только в разных отверстиях, но можно найти места, где металл стекал каплями. На более крупных предметах или храмовых идолах особенно заметно то, что металлические стержни проходили от подставок до голов статуй и, по всей видимости, своими нижними концами прикреплялись к деревянным подставкам, которые, сгорая, и привели к повреждениям. Авторы рисунков и гравюр попытались с точностью их воспроизвести. Возникает вопрос, что это был за огонь, причинивший такой ущерб ретрским божествам? История раскрывает нам эту причину. Князь Никлот и граф Адольф Голштинский и были теми, кто полностью разрушил город Ретру и прошелся плугом по его земле. Тем самым город был приговорен к полному исчезновению, чтобы никто и никогда не мог его отстроить заново. Поэтому и стало спорным истинное расположение города. Не было другого средства до основания разрушить город и храм, кроме огня, и именно он охватил находившиеся в храме священные предметы, раскалил добела металлические стержни и стал причиной повреждения идолов и прочих предметов»³⁹.

А. Маш произвел классификацию предметов коллекции: «Как мне представляется, в собрании имеются предметы трех видов. К первой группе относятся статуэтки богов, ко второй — всевозможная утварь, а к третьей — несколько предметов, которые я называю памятниками. Первую груп-

³⁹ [Mascb A.G.] Die Gottdienstlichen Altertümer... § 56–58.

пу можно разделить на три части: во-первых, храмовые боги; во-вторых, подчиненные боги; в-третьих, полубоги»⁴⁰.

Коллекция А. Маша неоднородна с художественной точки зрения. Наиболее крупные предметы — статуэтки божеств (№ 1, 2, 4, 5 и др.) — выполнены в оригинальном стиле. И наоборот, многие предметы мелкой пластики (№ 19–22 и др.) копируют классические скульптурные образцы и даже вызывают ассоциации с предметами искусства Нового времени.

Многие предметы напоминают серийные изделия (№ 19–25–30; 26–27; 33–42).

Наличие в коллекции разнородных предметов некоторыми исследователями рассматривалось как доказательство неаутентичности всей коллекции. Так, И.И. Срезневский, не скрывая раздражения, пишет: «Присматриваясь к ним, нельзя не отказаться от всякой возможности доказывать их подлинность: в числе изображений встречаются фигуры рыцарей и охотников, маркиз и маркизов, амуров и психей...»⁴¹ В общем-то, довод И.И. Срезневского недоказателен: вовсе не исключено, что к собранию старинных металлических предметов, хранившихся у пастора Ф. Шпонхольца, могли быть добавлены и современные изделия. Вспомним, что первые хозяева коллекции не ставили себе целью сбор коллекции древностей; скорее всего, интересующие нас предметы были для них всего лишь запасом металла, годного на переплавку. В таком случае и Ф. Шпонхольц, и Пёльке без всякого злого умысла могли добавить в кучу лома любые предметы, лишь бы они были изготовлены из соответствующего металла.

⁴⁰ [Masch A.G.] Die Gottdienstlichen Altertümer... § 41.

⁴¹ Срезневский И.И. Древние письмена славянские // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1848. Ч. 9. Отд. 1. С. 22.

Многие изобразительные элементы неоднократно повторяются на различных предметах коллекции. Например, это можно сказать о специфических зигзагообразных линиях (на предметах № 43, 46 (?), 48), изображениях муравья (№ 14, 50, 59), сидящего скорченного человека (№ 15, 16, 51, 59) и т.д. Частично это объясняется фактом, отмеченным А. Машем: изготовители скульптур использовали при работе заранее заготовленные элементы и штампы.

Интересно сравнить прильвицкие статуэтки с изображениями западнославянских божеств, накопившимися в литературе на момент обнаружения коллекции (к концу XVIII века). В качестве примера рассмотрим изображения бога Радегаста.

Западнославянский бог Радегаст упоминается в записках Гельмольда (XII в.), описывавшего Ретрский храм: «Наружные стены храма украшены были чудесной резьбой, представлявшей изображения различных богов, страшных на вид, так как они снабжены были полным вооружением и одеты в шлемы и латы. И лишь один бог был совершенно нагим, даже срамные части его ничем не были прикрыты, — этот идол принадлежал самому Радегасту <...> Сколько было в стране областей, столько же было храмов и кумиров, но ретринский храм у ободритов пользовался особым почитанием и уважением»⁴². В своих записках Гельмольд использует более ранние хроники Адама Бременского⁴³.

В хронике Боттона, датируемой 1492 годом, содержится изображение бога Радегаста, несколько отличающееся от

⁴² Цит. по: Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963.

⁴³ Magistri Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Ed. 3. Hannoverae et Lipsiae, 1917.

а

б

в

г

Рис. 18. Изображения Радегаста: а — по Маиу (1774 г.), б — по Ботону (1492 г.), в — по Монфакону (1722 г.), г — по Вестфалену (1740 г.)

описаний Гельмольда и Адама Бременского. Нам не известно, какими источниками пользовался хронист, но изображение содержит несколько дополнительных деталей. Во-первых, на голове Радегаста помещается птица с распростертыми крыльями, во-вторых, на груди у него — щит с изображением быка, высунувшего язык (рис. 18 б).

Данный иконографический тип впоследствии неоднократно воспроизводился в исторических произведениях: у Б. де Монфакона⁴⁴, Е.Я. Вестфалена⁴⁵ и др.

При сопоставлении скульптур Радегаста из книги А. Маша с изображениями, представленными на рисунке 18, видно, что в целом они похожи, но в деталях различаются. Практически невозможно составить непредвзятое суждение — изготовлены ли прильвицкие скульптуры человеком, знакомым с перечисленными выше книгами или же нет. Дело в том, что трудно определить степень достоверности изображений у Боттона, Б. де Монфакона, Е.А. Вестфалена. В принципе эти авторы могли пользоваться вполне правдивыми книжными и фольклорными текстами, не дошедшими до нас, — однако вплоть до середины XIX века считалось необязательным давать в научных трудах ссылки на источники. Поэтому некоторые детали в книжных изображениях Радегаста в равной степени могут быть как отображением неких реальных фактов, так и плодом фантазии. Соответственно, толкователь при сопоставлении этих рисунков может вынести противоположные суждения. Скептически настроенный исследователь сделает вывод, что «фальсификатор» изготовил прильвицкие

⁴⁴ *Montfaucon B. de. L'Antiquité expliquée et représentée en figures. Paris, 1722.*

⁴⁵ *Westphalen E.J. Monumenta inedita rerum Germanorum. Lipsiae, MDCCXL (1740).*

статуэтки, основываясь на вышедших ранее книгах. Доброжелательный исследователь, напротив, полагает, что сходство прильвицких Радегастов с книжными рисунками свидетельствует не только о подлинности находок А. Маша, но и об определенной степени достоверности в книжной изобразительной традиции.

Однако обратим внимание на одно различие между статуэтками А. Маша и изображениями Боттона, Монфакона, Вестфалена. В перечисленных изданиях на голове Радегаста находится орел с распростертыми крыльями, а у Маша — водоплавающая птица. Если бы «фальсификатор» слепо следовал современной ему книжной традиции, он должен был бы уделить внимание такому часто встречающемуся элементу, как орел с поднятыми крыльями (см. рис. 18 б–г⁴⁶). Но на голове Радегаста оказался изображен вовсе не орел, а водоплавающая птица — персонаж, действительно встречающийся в славянском мифологическом фольклоре.

На предметах первой прильвицкой коллекции водоплавающая птица занимает «почетное» место — на головах божеств или в центре композиций⁴⁷. Центральное положение позволяет предположить, что она является очень значимым мифологическим персонажем. И действительно, в многочисленных славянских дуалистических легендах о сотворении мира два бога-Творца часто представляются как водоплавающие птицы (утки, гоголи, гуси и др.)⁴⁸. Во многих вариантах данного сюжета водоплавающая птица не ассоциирует-

⁴⁶ Изображение орла, распростершего крылья над головой верховного западнославянского божества см. также: *Bote K. Saechsisch Chronicon. Wittenberg, 1596.*

⁴⁷ Предметы № 1–3, 41, 44.

⁴⁸ См.: *Кузнецова В.С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск, 1998.*

ся с Творцами, но является их помощницей, исполнительницей демиургического действия: она ныряет на дно океана и достает оттуда немного земли, из которой Бог и творит сушу. Высказывалась мысль, что сюжет о ныряющей птице-Демиурге был заимствован из финно-угорской мифологии, однако данная гипотеза маловероятна ввиду широкой распространенности сюжета в славянских землях и бытовании его далеко за пределами зоны контактирования с финно-угорскими племенами.

Тот факт, что изображение водоплавающей птицы соответствует реальной мифологической традиции, хотя при этом не соответствует традиции книжной, свидетельствует в пользу подлинности предметов первой прильвицкой коллекции. Тем более что мы далеко не уверены, мог ли вообще «фальсификатор», живший в немецких землях не ранее 1760-х годов, быть знаком со славянскими дуалистическими легендами о сотворении мира.

Если придерживаться мнения, что первая часть прильвицких статуэток была изготовлена фальсификатором, то следует признать, что этот фальсификатор был прекрасно осведомлен не только о славянской, но и об иранской мифологии, поскольку в статуэтках коллекции заметны явные параллели с иконографией иранского бога Митры.

1. Митра часто изображался с лучами, исходящими от его головы (рис. 19 а). Видимо, подобные лучи и изображаются «шипамии» (по выражению А. Маша), которые присутствуют на предметах № 5, 6, 7, 9 (?), 14 (?), 48, 49.

2. Митра часто изображается как антропоморфное существо с львиной головой (рис. 19 б). Именно такие персонажи представлены статуэтками № 1, 2, 3, 5. Вообще, изображение льва очень часто встречается среди предметов из Прильвица — см. № 3, 11, 12, 17, 44, 47, 64 (?).

а

Рис. 19. Древнеримские изображения Митры

б

3. Одним из основных мотивов, сопутствующих образу иранского Митры, является мотив убийства быка. Статуэтки из прильвицкой коллекции (№ 1–3), изображающие персонаж со львиной головой, содержат также и изображение бычьей головы. Бычья голова помещается на груди фигуры — создается впечатление, что львиноголовый персонаж держит ее в руке.

4. Типичный элемент изображения Митры — змея, которая обвивает тело бога от ног до головы (рис. 19 б). Тот же изобразительный мотив — см. статуэтки № 4, 5.

Присутствие культа Митры в западнославянских землях вполне возможно. Во времена поздней античности культ Митры был распространен очень широко; в частности, мит-

раизм был известен на территории всей Римской империи, отмечается особенная его популярность среди римских легионеров. Поклонниками Митры считались даже некоторые из римских императоров. В литературе неоднократно высказывалась гипотеза, что культ Митры ввиду своей универсальности мог со временем стать «всеобщей» религией, если бы это место не заняло христианство. Вполне возможно, что с культом Митры были знакомы и западные славяне, контактировавшие с античным миром. Славянам были известны сакральные понятия, которые олицетворял Митра, — божественный порядок, божественный «договор»⁴⁹; идея солнцепоклонничества была близка славянам, как и многим другим народам; образ Митры, убивающего быка, укладывался в рамки так называемого «основного мифа индоевропейцев», повествующего об убийстве хтонического демона. Не исключено, что при митраистском влиянии, происходившем со стороны римской цивилизации, культ данного бога мог проникнуть и на территорию западных славян. Также черты Митры могли быть использованы в иконографии славянских божеств. Стоит сказать, что В.Н. Топоров, анализируя образ этого бога, указал на соответствие русского выражения «мир да бог» митраистским формулам: авест. *miθrā^b bāγa^b* — Митра Бага (бог), согдийск. *muθuu βγuu*, ведийск. *mitra-bhaga*⁵⁰.

Как мы видим на примере Радегаста и изображений, содержащих отсылки к иконографии Митры, «фальсификатор» проявлял немалую осведомленность и в славянской, и в античной мифологии. Несомненно, корректность мифо-

⁴⁹ См. напр.: *Серяков М.А. «Голубиная книга» — священное сказание русского народа. М., 2001.*

⁵⁰ *Топоров В.Н. Митра // Мифы народов мира. Т. 2. С. 155.*

логического материала говорит в пользу того, что «фальсификатора» и вовсе не было, а первая часть прильвицкой коллекции подлинна.

Как уже говорилось в главе 2.1, надписи на предметах первой прильвицкой коллекции сделаны с помощью рунического алфавита, несколько отличающегося от классического «датского футарка».

Большая часть слов, написанных на предметах с помощью рун, является именами собственными (иногда сокращенными). Эти имена называют богов, которые представлены фигурками Белобога, Радегаста, Прове, Криве, Святовита, Чернобога. Часто встречаются отдельные руны — возможно, это обозначения конкретных имен или магических посылов.

Отдельную группу предметов составляют жертвенные ножи, на которые также нанесены имена богов (по-видимому, каждый нож был посвящен одному богу).

И.В. Ягич отмечал, что на гравюрах Вогена руны выглядят несколько более аккуратно, чем в действительности.

Некоторые рунические слова, нанесенные на фигурках, имеют по несколько вариантов написания. Так, выше (гл. 2.1) мы уже приводили различные варианты написания слова «Ретра», встречающиеся на предметах первой части коллекции. Такой буквенный разнобой необъясним, если рассматривать руны как произведение фальсификатора. Если же допустить их подлинность, то возможны несколько объяснений.

Во-первых, разночтения позволяют предположить, что на момент нанесения надписей строй «вендских рун» еще не сформировался в достаточной степени. Поэтому различные резчики наносили руны произвольно, «на слух».

Во-вторых, можно предположить, что надписи, как и статуэтки, были расположены в различных славянских областях и были впоследствии присланы в крупный религиозный центр — Ретру. В таком случае различия в написании слов могли возникать не только из-за несформированности единого алфавита, но и вследствие того, что разные написания одного и того же слова могут отображать фонетические особенности разных славянских говоров.

В Приложении 2 мы приводим несколько изображений из книги Я. Потоцкого, нарисованных, как надо понимать, им самим.

Несомненно, что предметы, опубликованные Я. Потоцким, типологически близки предметам первой прильвицкой коллекции. Повторяются многие характерные черты статуэток А. Маша: «лучи» вокруг головы, бычья морда на груди, птица на голове и т.д. Например, статуэтка № 17 из коллекции Я. Потоцкого довольно точно повторяет основные черты статуэток № 1 и 2 из коллекции А. Маша.

Первая коллекция в большинстве своем состоит из идолов и жертвенных ножей, каждый из которых посвящен конкретному идолу (о чем сообщает поясняющая надпись). Соответственно, и вторая коллекция включает те же группы предметов — идолы и ножи. Кроме того, в обеих коллекциях присутствует много подносов с сакральными надписями. Одинаков и характер надписей — это, как правило, теонимы без каких-либо пояснений. Очень часто встречается слово «Ретра».

Несомненно, вероятность того, что собрание Я. Потоцкого подлинно, значительно меньше, чем вероятность подлинности собрания А. Маша.

Исследователи, рассуждающие об аутентичности прильвицких коллекций, иногда высказывают мнение, вы-

раженное Яном Лечеевским: «Отрицая аутентичность надписей, не отрицаю, что сами фигурки, особенно из первой серии, действительно могли быть найдены, а не подделаны. Однако надписи, на них нанесенные, происходят из XVIII века»⁵¹.

Камни из Ной-Штрелица

В 1826 году Фридрих фон Хагенов опубликовал информацию о коллекции, состоящей из четырнадцати камней, покрытых рисунками и руническими надписями⁵².

Согласно сведениям некоего Бойе, мещанина из Вагена, они были обнаружены при любительских археологических изысканиях в 1788–1795 годах на полях в местностях Нойкирх, Прильвиц и Старогрод.

Предположительно эти камни были древними славянскими памятниками, имевшими сакральное значение. В XIX веке коллекция хранилась в музее костела в Ной-Штрелице.

Камни невелики по размеру: самый большой из них весит около девяти килограммов, а самый маленький — около двухсот пятидесяти граммов.

На первом камне коллекции (рис. 20 а) изображен человек, на голове которого сидит птица. Расположение рук изображенной на камне фигуры позволяет предположить, что резчик хотел придать ей сходство со свастическим знаком (сравн. с предметом № 4 из коллекции А. Маша). По мнению фон Хагенова, это бог Радегаст с птицей на голове. Руны, помещен-

⁵¹ *Leciejewski J.* Runy i runiczne pomniki... S. 59.

⁵² *Hagenow Fr. von.* Beschreibung der auf der Grossherzoglichen Bibliothek zu Neustrelitz befindlichen Runensteine... Loitz; Greifswald, 1826.

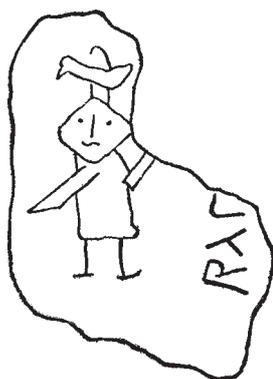

Рис. 20 а.
Ной-итрелицкий
камень № 1

ные на камне, R λ N[̇] — фон Хагенов читал как *ras*. Соответственно, эти руны рассматривались как начало имени *Радегаст*.

Данное изображение перекликается с изображениями № 1–3 из издания А. Маша — там также изображен бог с птицей, сидящей на его голове. Причем во всех трех случаях это бог Радегаст.

Второй камень коллекции (рис. 20 б), самый маленький из всех, исписан с обеих сторон. На стороне *a* находится изображение некоего животного (скорее всего, змея или ящерицы).

Рунические знаки не составляют четко выраженных слов — они довольно беспорядочно расположены вокруг центральной фигуры.

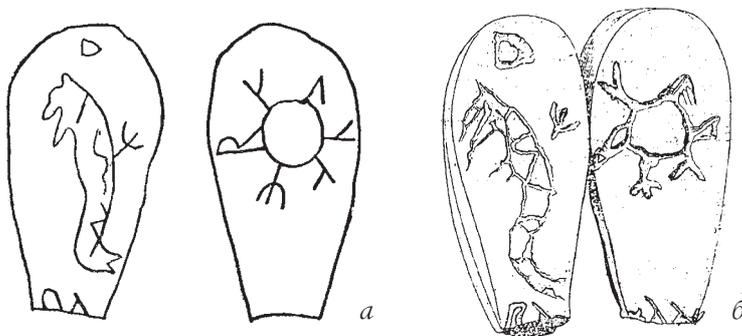

Рис. 20 б. Камень № 2:
a — в издании Я. Лечеевского; *б* — в издании фон Хагенова

Не исключено, что ряд знаков стороны *a* на самом деле являются не рунами, а фрагментами центрального рисунка. Так, знак **D**, возможно, представляет собой некую емкость (посуду?), к которой направляется «змей». Знак **Ψ** может быть расценен как трехпалая лапа змея.

Существуют разночтения в рисунке камня, приведенном Лечеевском и наиболее часто используемом в исследовательском обороте, и рисунка, помещенного у Хагенова (рис. 20 б).

Фон Хагенов предпринял попытку расшифровать находящиеся в нижней части рисунка руны — **ПΛ** — как *ва*. По мнению фон Хагенова, это начало имени Водан (Один).

Изображение на стороне *b* представляет кольцо, окруженное рунами. Фон Хагенов высказал предположение, что это колдовской круг, и надпись представляет собой некую магическую формулу. Саму же формулу он прочесть затруднился — руны с трудом выстраиваются в единое связное слово.

А. Бычков предлагает свое прочтение надписи на стороне *b*. Предполагается начинать чтение с нижнего знака — **Ψ** — *б*. Далее, руны читаются по часовой стрелке:

Ψ R Y П Y
б р г л а г

В итоге круговая надпись читается как: *б рглаг* или *б рглак*.

Если принять знак *б* как сокращение слова «бог», то надпись читается как: *Бог Рыллак, Рылг*.

Персонаж с таким именем действительно упоминается в первоисточниках по славянской мифологии как один из двух парных персонажей, чьи имена входят в теоним Семарг-г.

В «Повести временных лет» (980 г.) среди богов киевского Владимирового пантеона упоминается божество Семарг-г. Однако «Слово некоего христолюбца и ревнителя по правой вере» — одно из наиболее ранних древнерусских поучений,

направленных против язычества, упоминает имя *Семаргл* в несколько иной форме. Здесь это имя оказывается разделенным на два — Сим/Сем и Регл: обличая «христиан, двоеверно живущих», автор поучения указывал, что они веруют «в перуна и хорса и въ мокошь и в Сима и въ Рьгла...»⁵³ (варианты по различным спискам «Слова»: «и в Ерьгла», «и в сима и ворхгла», «и воргла», «въ рьгла», «ргла»⁵⁴). А также: «Молять подь овиномъ огневи. и виламъ и мокоши (и) симу. (и) реглу и перуну и волосу скотью б(ог)у. (и) роду и рожаницамъ...»⁵⁵ (варианты: «рьглу», «симу реглу», «и сему реглу»⁵⁶).

А.С. Фаминцын считал теоним *Семаргл* состоящим из двух слов — *Сим* (или *Сем*) и *Ерыл*, где *Ерыл* — Ярило, восточнославянский бог Солнца⁵⁷. А Брюкнер, считая, что форма *Семаргл* не могла быть славянской, делил теоним на два слова и, соответственно, усматривал здесь двух богов. Теоним *Сем/Сим* он полагал родственным праславянскому **semtja* ‘род, родина’, и тогда это божество — покровитель дома, рода или родины, подобное восточнославянскому Роду. Форма *Регл* могла быть связана либо с праслав. **rěžь* ‘рожь’, либо с польск. *rżgac* ‘блевать’, русск. *рыгать*; отсюда *Регл* или являлся божеством ржи, сельского хозяйства, хлебных злаков, или оказывался как-то связан с ферментацией⁵⁸.

Действительно, имя *Регл* и его варианты вызывает ассоциации с целым рядом русских слов, связанных с плодородо-

⁵³ Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 1913. Т. 2. С. 41.

⁵⁴ Гальковский Н.М. Борьба христианства... С. 41, 45.

⁵⁵ Гальковский Н.М. Борьба христианства... С. 43.

⁵⁶ Гальковский Н.М. Борьба христианства... С. 47.

⁵⁷ Фаминцын А.С. Божества древних славян. СПб., 1884. Вып. 1. С. 226–227, 232.

⁵⁸ Bruckner A. Mitologia slowianska. Kraków, 1918. S. 92–97.

дием: *рожь*, *рождение*, *рига*, *рог* (как сакральный символ плодородия), *рыжий* (ср. красный цвет как цвет жизни) и др.

Имя *Регл* также созвучно со встречающимися в заговорах именем *Рах* (огненный дух, упоминающийся в русских заговорах) и *Ра́рог* (чеш. и словац. *Rárahok*, укр. *ráriz*) — огненный дух, связанный с культом очага⁵⁹. И Рах, и Рарог имеют зооморфные черты: Рах в заговорах занимает функциональное место, часто занимаемое змееподобными существами, Рарог же иногда представляется в виде «дракона с искрящимся телом, пламенеющими волосами и сиянием, вырывающимся изо рта, а также в виде огненного вихря»⁶⁰. Примечательно, что высказывалось мнение о связи Рарога и Раха с Радегастом — мифологическим персонажем, который чаще всего упоминается при рассмотрении коллекции камней из Ной-Штрелица⁶¹.

Остается добавить, что представление змееподобного существа в качестве божества плодородия и домашнего очага в славянской традиции вполне возможно.

Рис. 20 в.
Камень № 3

На третий камень (рис. 20 в) нанесены три руны, которые сводятся к слову $\pm | \text{I} \text{I}$ — *bił*, что, видимо, является усеченным вариантом слова «белый» (кашуб. *biaiy*, н.-луж. *bieiy*, *biewu*, полаб. *bioiy*).

⁵⁹ Иванов В.В., Топоров В.Н. Рарог // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 368.

⁶⁰ Иванов В.В., Топоров В.Н. Рарог... С. 368.

⁶¹ Иванов В.В., Топоров В.Н. Сварог // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 349.

Рис. 20г.
Камень № 4

Рис. 20д.
Камень № 5

Рис. 20е.
Камень № 6

На четвертом камне (рис. 20г) изображена «положенная на бок» руна с исходящими от ее «головы» лучами; под ней — еще три или четыре руны.

В первом \mathcal{R} фон Хагенов снова усмотрел намек на Радегаста, а ряд рун прочитал как $\mathcal{Y} \mathcal{J} \mathcal{I} \mathcal{R}$ — *гелр*. В средней руне он увидел сложную руну; знак \mathcal{I} получил, отображая знак \mathcal{I} . Первые три знака предположительно читались как *Гелбог*, что должно было быть заменой слова *Белбог*.

Последняя руна \mathcal{R} в слове, согласно фон Хагенову, являлась сакральным окончанием и должна была обозначать слово *рац* (что, по мнению фон Хагенова, переводилось как *советчик*).

Пятый камень (рис. 20д) содержит изображения двух голов, разделенных горизонтальной чертой. В этих головах фон Хагенов увидел лики Чернобога. Кроме этого, здесь выбиты еще три руны: \mathcal{Y} , \mathcal{I} , \mathcal{L} .

Любые комбинации этих разрозненных рун вряд ли можно истолковать сколько-нибудь убедительно.

На шестом камне (рис. 20е) изображен рогатый лик в круге из шести знаков, которые поддаются дешифровке с большим трудом.

При чтении по часовой стрелке, начиная с крайнего правого знака, фон Хагенов получил выражение: *Thor bel*.

Выражение «тор бел», конечно, может быть переведено как *Тор белый*.

Не исключено, что германо-скандинавский бог Тор мог быть известен и в славянских землях. Тор относится к категории небесных божеств, он выступает как противник хтонических чудовищ; соответственно, нет противоречия в том, что ему мог быть присвоен статус «белого».

Рис. 20 ж.
Камень № 7

На седьмом камне (рис. 20 ж) мы видим некий рогатый лик и над ним — изображение животного. Также на камне содержится несколько разрозненных рун. Три руны в нижней части камня читаются как *рал* — созвучие, которое затруднительно перевести каким-либо образом. Также затруднительно толкование и других знаков.

Фон Хагенов рассмотрел голову быка как символ Радегаста (см. коммент. к изображению камня № 1), а верхнее животное посчитал изображением Чернобога.

Рис. 20 з.
Камень № 8

Несколько больше возможностей для толкования дает изображение на восьмом камне коллекции. На лицевой стороне камня выбита антропоморфная

фигура в одежде, спадающей до земли. От головы фигуры расходятся лучи — голова из-за этого схожа с солнцем. Еще одна «голова-солнце» находится в левой руке фигуры; в правой же руке — посох или какой-то другой продолговатый предмет.

На боковой грани камня содержатся два непонятных изображения. (Верхний из них, возможно, — воздетая к небу рука.)

Большой интерес представляют рунические знаки. Надпись на лицевой стороне читается как

И↑Rλ
Итра

Над головой фигуры — знак Ψ — б. Сравнение с камнем № 2 позволяет рассмотреть этот знак как сокращение слова бог. Итого: «Бог Итра».

Имя *Итра* созвучно имени иранского божества Митры. В главе о прильвицких статуэтках мы отмечали, что многие предметы, опубликованные А. Машем и Я. Потоцким, имеют черты, сходные с античными изображениями Митры.

Изображение на камне № 8 соответствует той же самой традиции.

Рис. 20и.
Камень № 9

На девятом камне — фигура в шляпе и с отведенной в сторону левой рукой.

Слева от фигуры — надпись, которая читается как

И|+±λ
Сиеба

Поза фигуры, изображенной на камне, повторяет позу одной из

прильвицких статуэток (см. рис. 20и). Данная статуэтка представляет собой изящного безбородого человека, на голове которого на коленях стоит еще один человек.

Обращает на себя внимание шапка на голове фигуры, высеченной на камне № 9. Подобные шапки характерны для славянских идолов⁶². Примечательно, что данная деталь присуща множеству археологических находок, обнаруженных позднее опубликования книги фон Хагенова. И напротив, у прильвицких статуэток, которые якобы являются образцом для гипотетического «фальсификатора», изготовившего данную коллекцию, шапок и шляп нет. Наличие шапки на голове «Сиебы» является аргументом в пользу подлинности камней.

Рис. 20к.
Камень № 10

Рис. 20л.
Камень № 11

Десятый и одиннадцатый камни содержат сходные комбинации рун.

На десятом камне написано:

ХІХ

На одиннадцатом:

ХІХ

На двенадцатом камне изображены две птицы, смотрящие в противоположные стороны. Примечательно, что обе птицы нарисованы с помощью одной непрерывной линии — в целом такой рисунок напо-

⁶² Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 234. Изображения идолов с шапками на головах приведены в главе 1.2 нашей книги. См. рис. 4 а–б, 5, 6 в, 6 е, 7.

Рис. 20 м.
Камень № 12

минает плетеные орнаменты, широко распространенные в Средние века у многих народов, в том числе у славян.

Парные изображения птиц часто встречаются в декоративном искусстве славян. Так, они типичны для русских вышивок, книжных буквиц, резьбы оконных наличников. Данная композиция типична не только для славян, но и для многих народов⁶³. Кроме того, двуглавые зооморфные изображения используются в качестве оберегов, для украшения зданий и т.д.

Парные орнитоморфные персонажи встречаются и в мифологии. Так, существует большой массив архаичных славянских легенд о создании мира двумя Творцами, представленными в виде птиц⁶⁴.

Рис. 20 н. Камень № 13

Рис. 20 о. Камень № 14

Смысл рисунка на тринадцатом камне не ясен. Помимо рисунка здесь же высечена руна **R**.

Вообще стоит отметить, что руна **R** на предметах данной коллекции встречается чаще всего.

⁶³ См.: Голан А. Миф и символ. М.; Иерусалим. 1992. Рис. 340–357.

⁶⁴ Кузнецова В.С. Дуалистические легенды о сотворении мира..

Четырнадцатый камень содержит слово из четырех рун.
При чтении, согласно датскому футарку, надпись должна звучать как

†IRK
и и р н

При использовании же строя, реконструируемого с помощью книги А. Маша, надпись звучит как *zirn*, или же *цирн*.

И фон Хагенов, и Лечеевский рассматривали слово *цирн* как сокращение от *черный*.

Подлинность камней коллекции подвергалась сомнению со стороны Шафарика⁶⁵, Левезова⁶⁶. В начале XX века Лечеевский с явным неудовольствием писал о камнях: «Несмотря на отдельные протесты, они все еще пользуются славой подлинных рунических памятников». Лечеевский подвергал сомнению подлинность камней: он придирчиво критиковал как рисунки, так и рунические надписи. Однако рассуждения Лечеевского не лишены субъективности и предвзятости. Большинство доводов Лечеевского сводились к тому, что он создавал образ некоего гипотетического «фальсификатора» — который изготовил камни и ввел в заблуждение фон Хагенова — и представлял себе, о чем этот глуповатый фальсификатор думал, высекая ту или иную надпись.

Например, о камне № 1 Лечеевский писал: «Выбитые знаки можно читать как *ral*, что не дает никакого смысла. Мне кажется, что каменотес хотел выбить: *kral*, то есть «король». Однако он не знал ни одного славянского языка, а только несколько плохо расслышанных выражений кашубских либо

⁶⁵ Schaffarik. Slawische Alterthumer. Leipzig, 1844.

⁶⁶ Lewezow K. Ueber die Echttheit der sogenannten Obotritischen Runendenkmäler zu Neustrelitz. Berlin, 1835.

лужицких, — и поэтому извратил это слово и получил не то, что собирался получить. Это очевидный довод для признания фальсификации. Это тем яснее, что на камне достаточно места для того, чтобы поместить недостающую руну *K* в начале слова».

Рассматривая второй камень, Лечеевский прочитал цепочку из разбросанных по камню рун как $\text{D}\text{H}\text{L}\text{L}$ — *dzaw*. По мнению Лечеевского, фальсификатор хотел бы написать начало слова *дьявол* (польск. *dzawei*, польск. диал. *dziobor*, *dziowor* и др.). В целом фальсификатор якобы хотел изобразить на поддельном языческом камне сцену искушения Евы дьяволом в образе змея. Обвинив «фальсификатора» в столь абсурдном замысле, Лечеевский поглумился над ним, убедительно и с удовольствием покритиковал его, в итоге обозвав «немецким писакой».

Подобным образом Лечеевский «развенчивал» и остальные изображения коллекции. Сначала им составлялись довольно уязвимые концепции толкования. Затем данные толкования безоговорочно приписывались некоему виртуальному «фальсификатору». И наконец, составленные Лечеевским и приписанные им «фальсификатору» концепции подвергались разгромной критике и опровергались. Виртуальный «фальсификатор» при этом обвинялся в недостатке ума и плохом знании славянских языков.

Крайне уязвимы и доводы Лечеевского, касающиеся славянской мифологии. Например, нельзя согласиться с его мнением о том, что образы мифологий родственных народов не могут иметь параллелей в славянском язычестве. Обнаружив ту или иную параллель, Лечеевский сразу же обвинял злокозненного «фальсификатора» во всех смертных грехах, утверждая, что «это мог сделать только человек, который считал, что мифологии славянская и германская либо греческая —

это одно и то же и можно сюжеты одной из них переносить в другую». Однако, противореча иронической оценке Лечеевского, современная наука только утверждает во мнении, что мифологии родственных индоевропейских народов — славян, германцев, кельтов, греков и т.д. — очень сходны друг с другом вследствие наличия общих мифологических корней. Кроме того, существовало взаимное влияние, взаимное проникновение культур; например, нельзя отрицать влияние греко-римской культуры на культуру европейских «варварских» народов.

И уж совсем нельзя согласиться с Лечеевским, когда он утверждает, что гипотетический фальсификатор не знал славянской мифологии. Напротив, изображения на камнях замечательно укладываются в славянские мифологические представления, и если предметы действительно поддельны, то фальсификатора нельзя упрекнуть в отсутствии вкуса и фактологической корректности.

Напротив, предполагаемый «фальсификатор» знал славянскую мифологию лучше, чем многие ученые того времени (в частности, лучше, чем славист Лечеевский). По крайней мере, «сфальсифицированные» им предметы (сюда можно отнести и прильвицкие коллекции, и камни, описанные в данной главе), лучше соотносятся с современными знаниями о славянском язычестве, чем со знанием времен Лечеевского. Мы не беремся судить, стоит ли отнести это за счет интуиции и удачливости «фальсификатора», или же надо рассматривать как доказательство того, что все коллекции подлинны.

Сопоставление изображений на камнях с мифологическими представлениями славян не дает нам поводов для сомнений в их аутентичности, хотя, с другой стороны, не дает и достаточной информации для признания их подлинными.

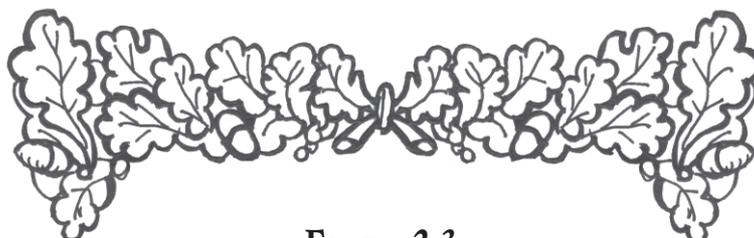
Ввиду этого «мифологический» анализ рисунков на камнях из Ной-Штрелица относится к категории *argumentum*

ex silentio — иными словами, возникает ситуация, когда из-за недостаточности источников нельзя сделать ни выводов об аутентичности памятников, ни противоположных выводов. Интерпретации надписей на камнях вызывают критику со стороны научного мира, но эта критика неубедительна и не позволяет считать вопрос исчерпанным.

Значительно снижает вероятность аутентичности камней причастность к обнаружению коллекции одиозной личности — Гедеона Шпонхольца, того самого ювелира, который продал Я. Потоцкому вторую часть коллекции бронзовых статуэток. Слишком большое количество сенсационных находок (причем большинство из них подозрительно группируются вокруг святилища Ретры и бога Радегаста) заставляют заподозрить, что в лице Г. Шпонхольца мы все-таки имеем дело не с удачливым археологом, а с фальсификатором.

Тем не менее даже при учете причастности к коллекции компрометирующей личности Г. Шпонхольца вопрос о подлинности или поддельности ной-штрелицких камней не может быть решен окончательно.

Глава 2.3. Польша

Брактеат из Вапно

Ян Лечеевский в качестве славянского рунического памятника рассматривает брактеат, обнаруженный в польском селе Вапно близ Познани в 1853 году¹. Утверждение о славянском происхождении брактеата основывалось на содержащемся здесь изображении свастики. Надпись исследователь читал как зеркально отображенное

⚡ ⚡ ⚡ ⚡
S a b a w

Лечеевский рассматривает эту надпись как славянское мужское имя *Забав* и предполагает, что надпись обозначает принадлежность брактеата некоему конному рыцарю Забаву.

К сожалению, данная трактовка не является исчерпывающей. Брактеаты подобного типа весьма многочисленны (см. рис. 21) и распространены на обширной территории. Убедительное прочтение надписи сделать затруднительно.

Фигурка из Ледниц

Еще одним памятником, который Лечеевский трактовал как рунический, является фигурка, обнаруженная в об-

¹ Leciejewski J. Runy i runiczne pomniki... S.68–73.

Рис. 21. Вверху — брактеат из Ваино.
Внизу — аналогичные германские и скандинавские брактеаты

рыве над озером Ледницы (Lednicu) близ города Гнезна (рис. 22)².

Эта тринадцатисантиметровая дубовая статуэтка интересна сама по себе как памятник славянского язычества. Она изображает стоящее во весь рост существо с зооморфной головой (на голове существа две пары рогов — бараньи и козлиные).

На брюшке фигурки какой-то комбинированный знак, а рядом еще три значка-насечки. Примечательно, что В. Яжджевский, описывая фигурку из Ледниц³, отметил, что не может поручиться, были ли эти знаки изначально на фигурке, ибо дерево, из которого вырезана фигурка, оставленная на столько лет на милость земли, могло покрыться трещинами. Однако Лечеевский считает, что все линии имеют искусственное происхождение и образуют следующий рисунок:

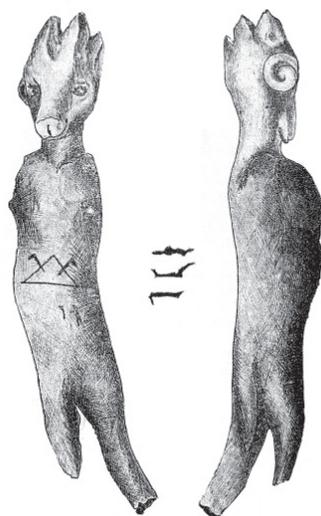

Рис. 22. Фигурка из Ледниц
(по изданию Я. Лечеевского)

Путем сложных и неубедительных построений он читает надпись «как *lice leui*, что значит: “Фигура, лечи!”».

² Leciejewski J. Runy i runiczne pomniki... S. 92–97.

³ Jażdżewski W. Zapiskach archeologicznych poznacskich. T. 2. Tabl. 12. Fig. 1, 2

Фигурку Лечеевский считает лечебным амулетом, а громоздность своих построений оправдывает довольно своеобразно: «Признаком амулетов является размещение надписи таким способом, чтобы ее трудно или даже невозможно было прочитать».

Примечательно, что изображение фигурки, приводимое Лечеевским, не совпадает с изображением, приведенным в других изданиях. Это окончательно сводит на нет правомерность данного прочтения.

В.А. Чудинов, рассматривая изображение «козлика из Ледниц» в одной из недавних публикаций⁴, обнаружил у него на бочке «незамеченные знаки» и прочитал «надпись» как: *Ледьнецькой водьникъ* (т.е. «ледницкий водяной»). Стоит отметить, что построения Чудинова, разбившего несложную фигуру на множество отдельных знаков, не менее громоздки и не более убедительны, чем у Лечеевского.

Очевидно, рисунок на брюшке фигуры из Ледниц вообще не является надписью. Возможно, это пиктограмма (магическая?) или герб — обозначение некоего имени собственного.

Краковская медаль

С гораздо большей уверенностью может быть отнесена к числу рунических памятников небольшая медаль, собственность бывшего мэра города Кракова, некоего Фридляйна. Вот

⁴ *Leśny J. W sprawie kultu pogańskiego na ostrowie Lednickim we wczesnym średniowieczu // Slavia antiqua. T. 21. Warszawa-Poznań. 1974. № 120. Oea. 1. Подлинность данной медали также подвергалась сомнению. Так, Н. Энговатов характеризовал медаль как подделку, не сопроводив данное утверждение комментариями. См.: Энговатов Н. Руническая эпиграфика с территории СССР и норманизм // Советская археология. 1964. № 4. С. 214.*

что писал о ней профессор Пекощинский: «Лет 30 или немного больше тому назад господину Фридляйну удалось добыть в Кракове за небольшую цену серебряную монету, имеющую вес около 12 граммов, снабженную с обеих сторон руническими надписями. Медаль после покупки была положена в нумизматическую коллекцию и забыта, пока случайно не попала в руки господину мэру снова. Господин президент прислал монету мне, потому что захотел прочесть рунические надписи и таким образом идентифицировать ее»⁵. Медаль невелика — ее максимальный диаметр составляет 3,5 см.

На одной стороне медали изображен лик усатого мужчины в высокой шапке. Ниже его подбородка — округлый медальон (?). На обороте медали другой лик, безусый и безбородый. Выше — солнце, лучи которого собраны в четыре «пучка»; в целом солнце напоминает крест. В нижней части медали — треугольник.

Первый публикатор медали, профессор Пекощинский, отметил, что руны, нанесенные здесь, не читаются с помощью какого-либо из языков, использующих рунические строи. Он попытался прочесть надписи по-славянски, используя фонетические значения рун футарка.

Надпись на первой стороне была представлена Пекощинским как

R K λ J ↑ † λ И ↑ † h
ркат еастон

На второй стороне:

Φ D h † † † † † K
мду Белобк

⁵ *Piekosiński A. Heroldzie Polskim. T. 1. S. XXVI–XXXIV.*

Рис. 23. Краковская медаль
(в центре разворота — в натуральную величину)

В данной надписи он увидел упоминание одного из языческих богов — Белобога.

Совершенно иначе прочитал надпись Я. Лечеевский. Он выстроил знаки надписи в довольно произвольной последовательности; причем сочетание знаков **ЛБ** было прочитано им дважды — как *кр*, а затем — как *ндз*. В результате надпись на первой стороне была сведена к следующей формуле:

Υ R Ч ↑ # Λ ↓ T Λ Π Б
Кржестоф витандз

Что по-русски означает: «Витязь Христов».

Соответственно, мужскую голову Я. Лечеевский расценил как изображение этого самого «витязя Христова».

Надпись на обороте медали была прочитана как

Ф D A 1 λ A Π A 3 Γ * A K
д(е)в(и)ца м(а)цы ча(н)ловек

То есть «Девица, мать людей».

На основании своей расшифровки Я. Лечеевский утверждал, что данная медаль изготовлена в честь принятия поляками христианства. Мужчина в шапке — князь Мечислав I, который в 965 году и ввел христианство в качестве государственной религии. Надпись: «Витязь Христов» указывает на его конфессиональную принадлежность и заслуги перед Богом. Вторая голова на медали, согласно Лечеевскому, принадлежит Богоматери; «крестообразное» солнце, сияющее над ней, — символ победы

христианства; треугольник, располагающийся в нижней части изображения, обозначает поверженное язычество.

Гипотеза Я. Лечеевского крайне неубедительна. Прежде всего вызывает возражения его способ чтения: для того чтобы получить окончательный результат, он произвольно тасует фрагменты надписи — меняет их местами, переворачивает, зеркально отображает. В результате такой подгонки и образуется итоговая версия.

Другой вариант толкования предлагается А.А. Бычковым — его чтение близко чтению Пекощиньского. В надписи на первой стороне он воздерживается от чтения первого слова, а второе читает как

ƷλN↑≠h
Гастон

Это слово интерпретируется А.А. Бычковым как имя Гастон — так звался один из демонов, упоминающийся в сочинении немецкого мифолога начала XIX века Фольмера⁶.

Надпись на второй стороне читается как

ΦO⋈ ±±N±⋈Ʒ
доц Белбог

То есть «Дочь Белбога».

При этом второй знак рассматривается как латинская буква O.

Фигурка Жунковича

Информация о еще одном руническом памятнике содержится у Д. Жунковича. Он приводит изображение глиняной скульптуры, случайно обнаруженной в поле. Скульптура пред-

⁶ Vollmer's mythologic aller Völker. Stuttgart, 1834.

ставляет собой голову, установленную на пятигранном основании. На каждой из граней нанесено по одному руническому знаку; шестой знак находится на макушке головы⁷.

Д. Жункович предположил, что руны располагаются в следующем порядке:

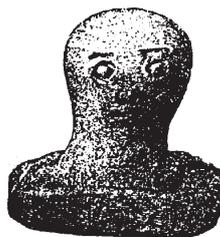
УМАНКА

То есть *гловно* или *главный*. В этом переводе знак \aleph рассматривается как перевернутое \uparrow .

А.А. Бычковым предлагается другая последовательность рун:

ПАТАУМ

В таком случае знаки читаются как *помогл*. Знак \square рассматривается А.А. Бычковым как кириллическая буква *п*.

П
УМАНКА

Рис. 24. Фигурка, опубликованная Д. Жунковичем

Микоржинские камни

Еще у одного польского рунического памятника — камней, известных в литературе как *микоржинские камни*, — сложилась непростая научная судьба: их неоднократно признавали то аутентичными, то фальшивыми.

Всего микоржинских камней два (см. рис. 25). Первый из них имеет углубление овальной формы; в этом углублении выбиты контуры человека, у которого левая рука поднята, а правая уперта в бок. Под изображением нанесена руническая надпись. Высота камня — 72 см, ширина — 48 см, тол-

⁷ См.: *Žunkovič D. Slavische Denkmäler. Kremsier, 1915. Žunkovič D. Die slavische Vorzeit. Maribor, 1918.*

Рис. 25. Микоржинские камни

щина — 8 см. Овальное углубление размером 48×36 см имеет максимальную глубину до 8 см. На ровной поверхности второго камня вырезан овал, заключающий в себе контуры коня и руническую надпись. Размеры второго камня — 62×56×16 см, размеры овала — 48×32 см. Порода камня исследователи определяют как сиенит (вид гранита).

Камни были найдены в Микоржине, деревне Островского (ранее Остржешовского) повета. Они находились в непосредственной близости друг от друга. От обнаружения первого до обнаружения второго прошел год: осенью 1855 года был выкопан камень с человеческим изображением, второй (с конем) был открыт осенью 1856 года.

Известие о находке первого камня вместе с его изображением представил Петр Дрошевский, брат хозяина Микоржина, Анджея Дрошевского. Он отправил сообщение в по-

знаньскую газету: «Уважаемый редактор! Прилагаемый рисунок является изображением надгробья, обнаруженного в Микоржине прошедшей осенью. Принадлежит дохристианским временам, оно заинтересует любителей славянских древностей и, безусловно, станет предметом исследования ученых-археологов. Считаю своей обязанностью представить для общего сведения описание этого ныне весьма редкого памятника из времен, ушедших во тьму нескольких, а может быть, и нескольких десятков, веков. Камень этот был найден на склоне небольшого холма на глубине около 2 футов; под ним была урна из песчанистой глины, грубо вылепленная; в ней находились пепел и спекшиеся комки серебра и меди. Урну, вынутую весьма неосторожно, ветром разбило на куски, так что трудно и представить ее первоначальный вид. Местные жители рассказывают, что несколько десятков лет назад тут находили подобные камни — «только не совсем такие — то с птицами, то с конями, то с разными дьяволами»⁸.

Отправив сообщение о находке в периодическую печать, Петр Дрошевский одновременно поставил в известность и специалистов, занимающихся данной тематикой, — И. Левеля и Ю. Пшиборовского. Пшиборовский сразу же предпринял попытку прочесть надписи на камне, и через несколько дней в той же самой познаньской газете⁹ была напечатана его статья под названием: «Великопольский Прове».

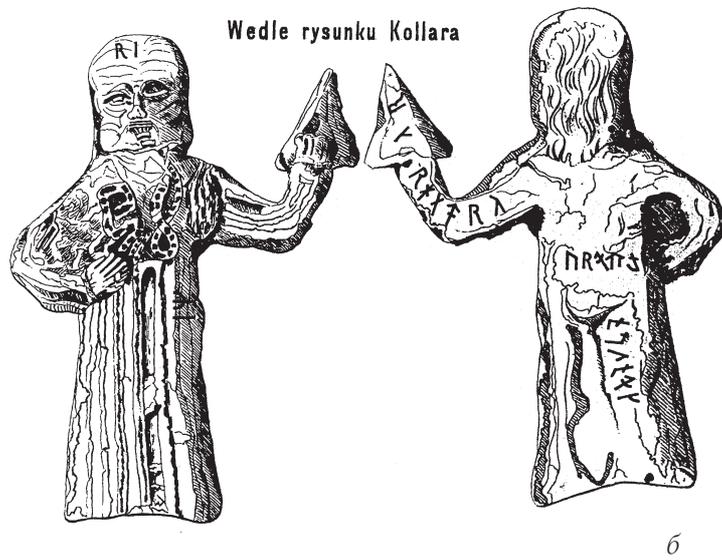
Ю. Пшиборовский рассматривает изображение на первом микоржинском камне именно как изображение бога Прове, основываясь на сравнении его с одним из предметов

⁸ *Droszewski P. // Gazeta Wielkiego Ks. Poznackiego. 1856. № 158.*

⁹ *Gazeta Wielkiego Ks. Poznackiego. 1856. № 161.*

Рис. 26. Фигурка Прове
из второй прильвицкой
коллекции:
а — по изданию
Я. Потоцкого,
б — по изданию
И. Лелевеля

второй прильвицкой коллекции (рис. 26). Среди прильвицких статуэток действительно есть фигурка человека, держащего в руке треугольник, на фигурке написано «Прове».

В энциклопедическом словаре «Славянская мифология» данному божеству посвящена следующая статья: «Прове — у балтийских славян бог. Почитался как высшее божество в Старгарде (Вагрия). Связан со священными дубами, лесами и рощами. Празднества в честь Прове проводились там во второй день каждой недели специальным жрецом. Прове не имел идола. Имя Прове сопоставляется с именем бога Поревита у балтийских славян и с *Porvata*, отождествляемой с Прозерпиной в списке польских богов у Я. Длугоша (XV в.). Согласно одной из гипотез, имя Прове — видоизменение общеславянского имени бога грозы Перуна (ср. связь с дубом — деревом громовержца). По другой гипотезе (В. Пизани) имя Прове — один из эпитетов Перуна — «правый, справедливый», искаженный при передаче. Согласно третьему объяснению, Прове — бог плодородия, как и Поревит, чьи имена родственны слав. **pora*, 'изобилие, плодородие'¹⁰.

Добавим, что имя Прове может быть связано с понятием *правды* как некоего божественного установления, «закона», свойственного «божественному» и противопоставляемому *кривде* — «закону», свойственному обыденному миру¹¹.

Славянское святилище Прове, существовавшее близ нынешнего города Ольденбург (слав. Старгард, Староград), в хронике Гельмольда описывается так: «...Мы пришли в рощу, единственную в этом краю, которая целиком расположена

¹⁰ Иванов В., Топоров В. Прове // Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. С. 326.

¹¹ Мифологическая пара «правда-кривда», где «правда» находится на небе, а «кривда» — на земле, описана во многочисленных текстах фольклорного «Стиха о Голубиной книге».

на равнине. Здесь среди очень старых деревьев мы увидели священные дубы, посвященные богу этой земли — Прове. Их окружал дворик, обнесенный деревянной, искусно сделанной оградой, имевшей двое врат. Все города изобиловали пеленатами и идолами, но это место было святыней всей земли... Славяне питают к своим святыням такое уважение, что место, где расположен храм, не позволяют осквернять кровью даже во время войны»¹².

При этом, однако, надо отметить, что ни одно из имеющихся описаний Прове не содержит упоминаний о каком-либо треугольнике или вообще какой-либо троичности, и поэтому вызывает затруднение толкование наиболее характерного атрибута, встречающегося и на микоржинском камне, и на прильвицкой статуэтке — треугольника в руке «Прове».

Осенью 1856 года в Микоржине был найден и второй камень. История сохранила тот факт, что «Газета великого княжества Познаньского» запросила с Петра Дрошевского немалые деньги за статью — в результате тот отказался от публикации в прессе и сразу же обратился к специалистам.

Петр Дрошевский послал сообщение и рисунок второго камня Пшиборовскому. В письме говорилось: «Привожу вид с описанием второго памятника, найденного 4 недели назад (в конце августа 1856 года) между камнями, привезенными для строительства фундамента. Он уже не находился на своем первоначальном месте, но на меже на расстоянии около 200 шагов от первого найденного Прове».

Пшибровский передал сообщение Лелевелю, а тот его опубликовал¹³: «Некоторое время спустя после открытия

¹² Гельмолд. Славянская хроника / Пер. Л.В. Разумовского. М., 1963. С. 185–186.

¹³ Lelewel I. Cześć bałwochwacza... 1857.

микоржинского памятника объявился старанием владельца г-на Дрошевского и второй, подобный первому, находящийся ныне в имении г-на Вэнжика в Мрочене под Кэнпнем. Г-н Вэнжик был столь любезен, что прислал мне изображение нового памятника. Я немедленно уведомляю об этом приобретении и... чувствую себя счастливым: ведь имею возможность выразить г-ну Вэнжику публичную благодарность за достойное уважения внимание, с которым вместе с г-ном Дрошевским следит за памятниками языческого прошлого. Приступаю к прочтению рун: “Sbir, woin, bogdan, Inawoi s”».

Известия эти об открытии камней вызвали большие споры между учеными. Начали высказываться сомнения в их подлинности. Споры дали повод к тому, что Познаньское товарищество любителей наук (Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Poznaniu) 17 мая 1858 года поручило Антонию Бялецкому посетить Микоржин и Мрочен с целью осмотра камней и убедиться, не удалось ли найти еще что-либо подобное. Познаньский делегат выполнил это поручение 14 августа¹⁴. Однако при организации поездки он совершил ряд больших ошибок. Во-первых, он не уведомил о времени своего прибытия гг. Дрошевских и не попросил их об оказании помощи. Во-вторых, он выбрал для приезда самый неподходящий период — время уборки урожая. В результате, прибыв в Микоржин, он не обнаружил там ни хозяина, Анджея Дрошевского, занятого своими делами, ни его сына Петра, который в это время был в Варшаве. Принял его только управляющий, Войцех Стоковский; но он не мог дать никаких пояснений, ибо во время находки камней его не было в Микоржине.

Еще одной ошибкой Бялецкого было то, что он поддался влиянию тамошнего священника — ксендза Херманьского.

¹⁴ Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk poznańskiego. Poznań. T. IX. S. 119.

Как оказалось, Херманьский был недоброжелателем А. Дрошевского, жил с ним в постоянном конфликте. Бялецкий, не застав владельца села и дома, остановился у упомянутого ксендза, «который руководил всем его расследованием и допускал только таких свидетелей, которые ни о чем не слышали»¹⁵. Сыграл свою роль и распространившийся ни ко времени слух о том, что Познаньское товарищество любителей наук прикажет разобрать недавно построенную корчму, чтобы в ее фундаменте искать подобные камни «с птицами, конями и дьяволами». Естественно, такая перспектива не способствовала откровенности ни хозяина корчмы, ни других жителей тех мест.

При проведении следствия Бялецким не были опрошены все свидетели. Свидетель Зурек, присутствовавший при обнаружении первого камня, уже умер, но еще был жив Николай Тушкевич, который нашел второй камень. В отчете Бялецкого о посещении Микоржина¹⁶ о Тушкевиче говорится вскользь, хотя Бялецкий с ним, скорее всего, толком и не разговаривал: «Наконец нашелся какой-то человек, который предположительно указал на место, где были выкопаны Прове и Коник. Согласно его мнению, первый должен был находиться на огороде, лежащим горизонтально, прикрывая собой пепелище, а второй — под корнями огромного дуба в березняке на песчаном берегу над излучиной».

Кроме того, в курсе дела был также местный учитель Пикзонка, который был опрошен еще много лет спустя, и о котором Бялецкий в отчете о расследовании вообще не упоминал. В результате плохо проведенных опросов Бялецкий, естественно, не пришел ни к каким результатам. Правда, он

¹⁵ Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk... T. IX. S. 116.

¹⁶ Časopis Českého museum. Praha, 1858. № 242, 243.

осмотрел микоржинские камни в Мрочене, где они в то время находились, признал их подлинными, приказал сделать с них слепки, но никаких разъяснений в их отношении не предоставил.

В заслугу Бялецкому может быть поставлено то, что он все-таки послал письмо с запросом Петру Дрошевскому. Ответ был следующим: «Уважаемый господин доброжелатель! На Ваше письмо от 15 сего месяца и года имею честь ответить, что камень с изображением Прове был найден совершенно случайно осенью 1855 г. следующим способом. На поверхности не было достаточного количества камней для фундамента, и эта потребность заставила искать их в земле. Хозяин Ян Зурек помнил, что когда-то в огороде при его дворе были закопаны большие камни. Он начал их искать с помощью железного прута и вместо этого наткнулся на другой камень, добыв который с моим дядей, признал, что он похож на корыто для скотины; о чем и рассказал по весне. Я пошел оглядеть это корыто; оно лежало, опертое на пенек, несколько испачканное в земле, смахнув которую, я увидел фигуру и руны. В первый момент я подумал, что это начертил играющий парнишка, ибо то тут, то там на стенах сельских зданий можно увидеть подобные рисунки, намалеванные углем; однако, присмотревшись внимательно, увидел непонятное мне письмо, вид которого наполнил меня непонятым чувством восхищения и радости. Я немедленно пошел домой за бумагой и карандашом, а затем перерисовал камень как можно точнее. С этим рисунком я на другой день поехал в Мрочен, размышляя о надписях и рисунке. Пан В. Вэнжик припомнил книгу Лелевея “Polska wieków średnich”, в которой на таблице рисунков прильвицких истуканов мы нашли подобный нашему под номером 8. Будучи проинформированным, я решил объявить в “Газете” сведения об этом

открытии. <...> Пан Пшиборовский из Познани объяснил памятник в статье “Великопольский Прове”, из которой, собственно, я узнал о важности нашей реликвии. В конце августа этого года между камнями свезенного для фундамента нового здания нашелся второй, с рунами и коником...»¹⁷

Микоржинские камни стали объектом научных споров. На их аутентичности настаивали В. Цибульский¹⁸, А. Пшежджецкий¹⁹, а позже — А. Пекощиньский²⁰, Я. Лечеевский²¹. Подлинность камней оспаривал Эстрайхер²².

Научные споры привели к тому, что Познанское товарищество любителей наук на заседании 11 ноября 1872 года поручило К. Шульцу, профессору гимназии, «собирать все, что и когда признает нужным для прояснения вопросов рунических камней»²³. Профессор Шульц, наученный ошибками предыдущего делегата, предпринял все возможные средства, чтобы свое исследование провести подобающим образом²⁴. Он обратился с письмом к владельцу Микоржина — в то время им был Адольф Вэнжик — с просьбой о позволении провести исследования на месте, на что получил приглашение прибыть в назначенный день, пригласив с собой компетентную комиссию. Обратился он также и в Краковскую академию ремесел (*Akademia Umiejętności*), где на тот момент хранились камни, с просьбой о присылке наблюдателя-экс-

¹⁷ Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk... T. IX. S. 440.

¹⁸ *Cibulski W.* Obecny stan nauki o runach siwiacskich // Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk poznańskiego. Poznań. T. 1.

¹⁹ *Przeżdziejcki A.* O kamieniach mikożycskich. Kraków. 1872.

²⁰ *Piekosicski A.* Kamienie Mikożycskie. Kraków. 1896.

²¹ *Leciejewski J.* Runy i runiczne pomniki... S. 98–118.

²² *Leciejewski J.* Runy i runiczne pomniki... S. 101.

²³ Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk poznańskiego. Poznań. T. 9. S. 85.

²⁴ *Szulc K.* Autentyczność kamieni mikożycskich zbadana na miejscu // Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk... T. 9. 1876. S. 798.

перта. Кроме того, были отправлены письма всем людям, имеющим хоть какую-то связь с Микоржином и способным дать хоть какие-либо сведения о камнях. Все подготовив, Шульц «отправился в святую великую ночь 1873 года в Микоржин». По документам расследования видно, что профессор Шульц старался поступать беспристрастно и вел дело корректно. Не все приглашенные свидетели смогли прибыть на место расследования, однако удалось собрать вполне авторитетную комиссию.

Первая серия опросов свидетелей была предпринята профессором Шульцем еще по дороге в Микоржин. Помимо прочего, он составил протокол беседы с нынешним хозяином села, Юлианом Вэнжыком, сыном Феликса Вэнжыка²⁵. Молодой помещик, однако, не смог дать никаких пояснений по поводу обнаружения и доставки камней в Мрочене, ибо в то время уезжал в гимназию и не был дома — прибыв позже на каникулы, он застал камни уже установленными перед домом. О Петре Дрошевском Вэнжык сказал: «Он был человек хорошего воспитания, но без серьезного образования и знания каких-либо наук, одевался старательно и всегда был при деньгах». Последнее утверждение ошибочно: гимназисту, которым был в то время Юлиан Вэнжык, Петр Дрошевский мог казаться богатым, хотя он таковым и не был — многие факты говорят о том, что Петр Дрошевский часто нуждался в средствах. Хотя Ю. Вэнжык и не смог дать информации лично, но он оказал большую помощь комиссии Шульца, выступая как посредник при проведении дознания.

В Микоржине профессор Шульц в обществе Адольфа и Юлиана Вэнжыков, профессора Зенктелера, профессора Яковичского из Познани, Шафраньца из Конгресуфки опросил

²⁵ Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk... T. 9. S. 101.

уже упоминавшегося Миколая Тышкевича. На вопрос, что он знает о находке камней, Тышкевич рассказал, что «его используют при всяком строительстве в роли каменщика, он имел обязанность разыскивать камни. Когда начали собирать материалы для строительства мельницы, он пошел в огород искать камень, который, как помнили, находился там в земле. Однако вместо этого камня попал на другой, лежащий в нескольких шагах от ограды сада в его северо-западной стороне, обращенной к общественной дороге, напротив больших верб, находящихся за садом. Вынув из земли этот камень, хотя он и был большим, занес его во двор. То ли на следующий день, то ли двумя днями позднее пошел дождь, омыл камень, и на нем показалась фигура, окруженная царапинами. Заметив это, господин Дрошевский очень обрадовался и забрал камень в свою комнату, находящуюся в восточной части дома. Несколькими днями или неделями позже, разыскивая в поле камни, нашел такой же с конем на меже между поворотом и дорогой из Микоржина до Мьюмиц». На вопрос, не находил ли он чего-либо при этих камнях, Миколай Тышкевич ответил: «Что люди говорят, будто он нашел под ними деньги, то это неправда, только под камнем, найденным в огороде, был кувшин, в котором ничего, кроме земли, не было, и который развалился, когда его пошевелили»²⁶.

Сравнение свидетельства М. Тышкевича с сообщениями П. Дрошевского приводит к ощущению, что оба они действительно описывают некое событие, участниками которого были. Разногласия в описаниях создают ощущение правдоподобности — такого рода разногласия действительно могут возникать вследствие субъективности восприятия, плохой памяти и т.д.

²⁶ Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk... T. IX. S. 204. Protokół № 2.

Не углубляясь в сравнительный анализ сообщений П. Дрошевского и М. Тышкевича, приведем мнение Яна Лечеевского по этому вопросу: «...Надо отметить, что свидетельства этих двух людей отделены одно от другого пятнадцатью, а то и семнадцатью годами, что Тышкевичу не нужно было ничего скрывать, ибо г-н Дрошевский уже давно умер и не мог бы опровергнуть его показания. Утверждения обоих сходятся в том, что камень с человеческой фигурой обнаружен первым, а с конем — позднее, что первый камень найден в огороде, другой — на меже, что под первым камнем была урна с пеплом (ибо то, что Тышкевич называет землей, конечно же, было пеплом), что оба камня найдены при розыске материалов для строительства фундамента и что г-н Дрошевский не присутствовал при находке первого камня, но увидел его позднее. Все это не могло быть результатом сговора, ибо сговор с умершим невозможен. Разница между их словами была столь мала и незначительна, что не может дать повода усомниться в том, как были обнаружены камни. Главное отличие показаний сводится к тому, что П. Дрошевский называет как человека, нашедшего первый камень, Журэка, а Тышкевич приписывает этот факт себе. Что он его действительно нашел, о том свидетельствуют не только известные ему подробности, но и слухи о найденных им деньгах. В пользу этого говорят свидетельства местных жителей Войцеха Хаджяка и Анджея Аксамского, которые присутствовали при нахождении камней и также были опрошены комиссией Шульца. Это просто ошибка памяти П. Дрошевского, которая объясняется тем, что тот не находился при выкапывании камня и что свое письмо писал не из Микоржина, а из Конгресуфки, где рядом не было никого из участников находки и нельзя было уточнить детали. Пояснение этой ошибки дает нам письмо Ант. Шимбор-

ского, который в то же время отдыхал в соседней деревне Доманине и который часто бывал в Микоржине. В его письме читаем: «Присматривал за людьми обычно хозяин Журэк». Еще подробнее узнаем из письма Казимира Дрошевского, брата Петра, присланного Шульцу: «Камни эти до того, как о них узнал брат, выкопал под надзором Журэка Миколай Тышкевич»²⁷. Журэк только присматривал за работой, но сам камня не выкапывал. Так что Тышкевич имел право приписывать заслугу находки камня себе.

Другой видимой разницей является то, что П. Дрошевский утверждал, будто камень с коником сам нашел между камнями, свезенными для фундамента; Тышкевич же говорил, что камень нашел он. Однако одно не исключает другого. Петр Дрошевский нашел камень между свезенными камнями, а туда он мог быть доставлен с межи, где и был обнаружен Тышкевичем. Что так оно и было, вытекает из слов письма Дрошевского, в котором читаем: «Этот <второй камень> не находился уже на своем месте, но на меже, в 200 шагах от первого найденного “Прове”».

Еще одно несоответствие в том, что Дрошевский время нахождения второго камня относит на целый год позже находки первого, в то время как Тышкевич говорит о нескольких днях или неделях. Здесь ошибается Тышкевич. Прошло 17 лет после находки камней, и память старого селянина не могла уже удерживать все подробности, о чем свидетельствует само выражение “несколько дней или недель”²⁸.

В качестве образца скептической критики микоржинских камней можно привести критические доводы варшавского библиографа профессора Эстрайхера.

²⁷ Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk... Т. 9. S. 112, 115.

²⁸ *Leciejewski J.* Runy i runiczne pomniki... S. 105–106.

Во-первых, он указывал на то, что, по его мнению, камни выглядят достаточно новыми — поверхность камней свежая, белая и черты рисунков ничем не повреждены, что на старинном камне невероятно. Несомненно, данный довод в устах специалиста очень весом. Если камень, долгое время пролежавший в земле, внешне выглядит как новодел — это является решающим доводом в пользу его неаутентичности. Однако от полного доверия по отношению к оценке Эстрайхера нас удерживает тот факт, что другие исследователи не сочли камень излишне «свежим». Проводилось ли впоследствии какое-либо исследование камней с помощью современных методик — нам неизвестно.

Во-вторых, Эстрайхер указывал на сходство «микоржинских» знаков и рун, нанесенных на прильвицкие статуэтки (см. гл. 2.2). А поскольку прильвицкая коллекция, по мнению Эстрайхера, является поддельной, то и камни также поддельны — резонно предположить, что фальсификатор для своих целей использовал книги А. Маша и Я. Потоцкого.

В-третьих, Эстрайхер считал подозрительным визуальное сходство коня на втором микоржинском камне и коня, изображенного на Збручском идоле (см. рис. 4б), — ему кажется, что это сходство могло произойти только вследствие злого умысла «фальсификатора», скопировавшего уже известное изображение для своей подделки. Этот довод Эстрайхера кажется нам субъективным и неубедительным — вряд ли возможно большое разнообразие в изображении коней, особенно если изображение высекается на камне с помощью недостаточно совершенных камнерезных инструментов. Вообще, факты подобного типа могут быть истолкованы множеством разных способов в зависимости от желания толкователя. Так, если проводить сравнение, основываясь на другом, заранее запланированном выводе, то можно сделать

совсем иное умозаключение: изображения коней на микоржинском камне и на збручской стеле сходны, потому что они относятся к одной и той же изобразительной традиции.

В-четвертых, Эстрайхер возражал против аутентичности имени «Прове», «которое славянские филологи не знают ни как славянское, ни как литовское». Ссылаясь на работу Гильфердинга²⁹, он утверждает, что имя западнославянского божества следует читать и произносить как *Проне* и сопоставлять с именем *Перун*. Этот довод Эстрайхера был опровергнут очень скоро — граф Пшежджецкий, предприняв специальное разыскание, установил, что форма теонима *Прове* вполне корректна³⁰.

Наконец, в-пятых, Эстрайхер выступал против того, чтобы имя *Прове* сближалось с понятием *права*, мотивируя это тем, что «бога права» «у славян не было». Это утверждение явно ошибочно — у западных славян в средние века уже существовала достаточно развитая правовая система; что касается упоминавшегося выше описания святилища Прове (сделанного Гельмольдом), то в нем прямо указывается на судебно-правовую функцию этого божества: «Сюда каждый второй день недели имел обыкновение собираться весь народ с князем и жрецом на суд»³¹.

Существует довольно много попыток расшифровать надписи, сделанные на микоржинских камнях.

Первый камень содержит три группы рун (три слова?).

1. MRʒŋʒ

Разными толкователями читается как *proue*, *prowe*, *žiretwan*.

²⁹ Hilferding. Resztki Siowian baityckiego przymorza.

³⁰ Przeździecki A. O kamieniach mikorzyckich. Kraków, 1872.

³¹ Гельмолд. Славянская хроника / Пер. Л.В. Разумовского. М., 1963.

2. ИΨIR

Разными толкователями читается как *sbir*, *smir*.

3. ↓ΨΔT

Разными толкователями читается как *k bel*, *kmet*, *cezt*, *ledžyt*³².

Как упоминалось выше, первым, кто решился на прочтение надписей на камнях с рисунками, был Юзеф Пшиборовский.

Согласно его мнению, надпись нужно читать так:

MRXΠΔ ИΨIR ↓ΨΔT
Proue sbir k bel

Здесь *Proue* — имя бога, *sbir* — означает «сбор, собрание», *бел* — значит «белый» и должно означать Белобога (Белбога).

И. Лелевель читал так же, только переставляя слова:

ИΨIR ↓ΨΔT MRXΠΔ
Sbir k bel Proue

Что значит: «Собрание к белому <великому> Прове».

И. Лелевель попытался дать и объяснение этой надписи, считая, что «этот образ является символом (гербом?) общего собрания».

Разрабатывая версию прочтения Пшиборовского и Лелевеля, можно предположить, что слово *sbir* здесь является одним из имен или титулов Прове — «собирающий, объединяющий».

А. Петрушевич³³ первый признал, что микоржинские камни являются надгробьями. В соответствии с этим он прочитал:

MRXΠΔ ИΨIR ↓ΨΔT
Prowe! Smbr kmet

³² При переводе надписи на 180 градусов.

³³ Петрушевич А. О микоржинских надгробных камнях с руническо-словенскими надписями // Научный сборник галицко-русской ма-
тыцы. Т. 1. 1866. С. 57.

Что значит: «Прове! Умер кмет!»

В данной расшифровке *kmet* (польск.) — ‘слуга, холоп’.

К. Шульц³⁴ остановился на варианте:

ИΨIR MRXΠξ ↓ΨΔT
smir Prowe kmet

Что значит: «Умер Прове слуга».

В. Цибульский³⁵ дал аналогичную фонетическую расшифровку, переставив местами слова: *Smir kmet Prowe*.

Однако в данной расшифровке он рассматривает *Smir* как имя собственное.

Фраза переводится Цибульским так: «Смир — слуга Прове».

В последних трех расшифровках встречается выражение «кмет Прове» или просто «кмет». Если предположение расшифровщиков верно, получается выражение «слуга Прове», близкое русскому «раб Божий». Видимо, Прове выступает как покровитель душ умерших, принимающий их на «том свете».

Я. Лечеевский также перевернул одно из рунических слов и перевел фразу следующим образом:

ИΨIR MRXΠξ ↓ξΑ↑
smiř žiretwan (l) e džy t

То есть: «Смирж жиретван лежит».

Второй камень содержит пять групп рун (пять слов?).

1. † ≠ X ϕ 1 h

Разными толкователями читается как *Bob. dac*, *Bohdan*, *Bobodan*, *Bóg odin* и др.

³⁴ Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk... T. 9. S. 142.

³⁵ Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk... T. 1. S. 461.

2. ИΨIR

Разными толкователями читается как *Sbir*, *Swir* и др.

3. ΓHT↑↑†I

Разными толкователями читается как *(s)l. na woi*, *Lituoī*, *Lutwoī* и др.

4. ↑↑†IH

Разными толкователями читается как *woi*, *woin*.

5. S

Как правило, читается как *s*.

Что касается второго камня, мнения здесь имеют больший разброс, чем при чтении рун на первом камне.

И. Лелевель³⁶ видит в кольцевой надписи следующие слова:

ИΨIR Ł†X DИH SΓ HT ↑↑†I
Sbir. Boh. dac. sl. na woi

Что значит: «Боже! Дай силу на войне!» Кроме этой надписи на камне присутствует еще и отдельное слово в центре композиции — *woin*.

Чешский археолог Эразм Воцель предложил следующее прочтение³⁷:

ИΨIR Ł†X †DИH ↑↑†IH Γ↑↑↑†I
Hwir Byg odin woin Lituoī

При этом Воцель трансформировал Γ в I, H в I, а T в ↑. Знак † был рассмотрен как †P; S — вообще опущен.

³⁶ *Lelewel. Część baiwochwalcza. Poznań, 1857. S. 79.*

³⁷ См.: *Gazeta codzienna. 1860. № 129.*

В. Цибульский³⁸:

ИΨIR ḡḡIH ḡ ḡ ḡI ḡḡI ḡḡḡḡIH
Smir woin s. l. na Woi Bohdan

Рогавский³⁹:

ИΨIR ḡḡḡḡIH ḡḡIH ḡ ḡḡḡḡI
Smir Bohdan Woin s. Lutwoi

Что значит: «Мир Богдану Воину с Лютовоем».

А. Петрушевич⁴⁰:

ИΨIR ḡḡḡḡIH ḡḡIH ḡḡḡḡIḡ
Smir Bohdan woin prawoi s

Что значит: «Умер Богдан воин права».

При этом А. Петрушевич рассматривает ḡḡ как ḡḡ, а ḡ
как ḡ.

Из всех переводов наиболее громоздким является перевод Я. Лечеевского⁴¹:

ИΨIR ḡḡḡḡ IH ḡḡḡḡI ḡḡIH IH
smircogo oceg lutewoi woiu s(ynowi)

Что значит: «Смира отец Лютевой — воину (сыну)»

Итак, толкования надписей на камнях сводятся к двум группам: рассмотрение надписей как обозначений теонимов (1) и как надгробных эпитафий (2).

Второе предположение, несомненно, более вероятно.

³⁸ Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk... Т. 1. S. 62.

³⁹ См.: Leciejewski J. Runy i runiczne pomniki... S. 136.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Leciejewski J. Runy i runiczne pomniki... S. 145–156.

Прежде всего стоит вспомнить, что крестьяне Микоржина свидетельствовали об обнаружении в округе и других камней с изображениями — в таком случае резонно предположить существование в данной местности древнего кладбища с каменными надгробьями.

Кроме косвенных свидетельств крестьян есть и другие доводы в пользу того, что микоржинские камни служили надгробьями. Здесь мы имеем возможность привлечь справочный материал, приведенный в первой части книги.

Как уже говорилось (см. гл. 1.1), в XI веке в Западной Европе была распространена практика установки памятных стел, на которых указывалось имя умершего, погибшего или отправившегося в опасное путешествие. Микоржинские камни как индивидуальные мемориалы органично укладываются в данную материальную традицию. Надпись на первом микоржинском камне, так же как надписи на скандинавских стелах, содержит упоминание некоего человека и его минимальную характеристику.

Характеристика Смира как «раба Прове» вызывает в памяти сообщение Ибн-Фадлана (см. гл. 1.3) о том, что «русы» на памятную стелу в честь погребенного наносили «имя царя русов». Упоминание об отношениях синьората (феодалной подчиненности) несвойственно для скандинавских эпитафий, но зато с сообщением Ибн-Фадлана вполне сопоставляется содержание надписи на первом микоржинском камне — здесь указывается, что Смир находится *в подчинении* Прове, является его *кметом* (холопом). Упоминания о подчиненности человека богу встречаются в славянском материале и помимо этого: как мы уже говорили, выражение «кмет Прове» фактически является калькой славянской сакральной формулы «раб Божий», где человек фактически рассматривается как «вассал» некоего бога. Вы-

ражение «раб Божий», по-видимому, достаточно архаично, поскольку оно является неотъемлемой частью такого древнего жанра как заговоры.

В принципе не исключено, что Ибн-Фадлан допустил ошибку, и на самом деле над могилой знатного руса был установлен памятник, упоминающий не «царя», а «бога русов». Действительно, у славян существовали представления о некоем божестве, являющемся покровителем именно славян, о чем можно судить по двум фразам из «Слова о полку Игореве»:

*Тогда при Олѣ Гориславличи (ц)
сѣяется и растяется усобицами;
погибаетъ жизнь Даждь — Божавнука,
въ Княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишася.*

а также:

*Встала обида въ силахъ Даждь — Божавнука.
Вступилъ дѣвою на землю Трояню...⁴²*

Можно спорить о разнице понятий *внук* и *раб* (*холоп*), но однозначно, что в приведенных здесь цитатах речь идет о боге, который, согласно мнению автора «Слова о полку Игореве», являлся главенствующим именно для славян или для славянских князей.

Как мы видим, велика вероятность того, что функционально близки надпись о «кмете Прове» (высеченная на первом микоржинском камне) и упоминание об «имени царя русов», высекавшееся на надгробном памятнике по сообще-

⁴² Цит. по: Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича. М., 1800. С. 17, 19.

нию Ибн-Фаддана. Эта близость покажется еще более вероятной, если мы учтем, что функции *царя* и *бога* в «традиционном» понимании были крайне близки⁴³. О сакрализации «царя русов», кстати, говорит и Ибн-Фаддан в другой части своего сочинения.

Пытаясь провести параллель между микоржинскими камнями и западноевропейскими руническими мемориалами XI века, мы не можем не обратить внимания на то, что композиционно они довольно близки. Как мы писали в главе 1.1, для мемориальных рунических камней характерно, когда текст выстраивается по периметру поверхности камня, оставляя в центре место для некоего изображения (см. рис. 2 а, б, д). Именно так строятся композиции и на микоржинских камнях — надпись идет по периметру, а в центре оказывается фигура Прове (камень № 1) или конь (камень № 2.). Создается впечатление, что резчик, делавший камни, был знаком с западноевропейскими мемориалами и брал их за основу; однако при этом он, не обладая достаточным опытом, сделал изображение весьма грубо.

Как мы уже говорили в главе 1.1, время наибольшего распространения мемориальных рунических стел приходится на X—XI века. Соответственно, и время изготовления микоржинских камней, скорее всего, относится именно к этому периоду. Более точно позволяет датировать камни то, что изображения на них носят явно языческий характер. На территории Польши христианство было принято в 965 году, однако не исключено, что погребальный обряд мог еще какое-то время носить языческий характер. По крайней мере, на Руси, где христианство было при-

⁴³ См.: Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. М., 1998.

нято в 988 году, христианская погребальная обрядность окончательно утвердилась только к XII–XIII векам⁴⁴. Соответственно, мы можем предполагать, что микоржинские камни могли быть вырезаны и позднее 965 года; в качестве наиболее вероятного времени их изготовления мы бы назвали конец X – начало XI веков.

Понятны и пути проникновения скандинаво-германских традиций на территорию Польши. Воины-викинги в то время не только совершали набеги на многие страны Европы, но и находились на воинской службе у местных правителей; они составляли воинскую элиту того времени, и, соответственно, обычаи викингов наверняка были предметом моды. Поэтому не удивительно, что обычай возводить мемориальные камни мог быть перенят на территории Польши; по скандинавскому обычаю мог быть похоронен как викинг, так и местный воин — вспомним, что в надписи на втором микоржинском камне упоминается именно *воин Богдан*. Это заимствование, скорее всего, могло произойти до середины XI века, поскольку именно к этому времени влияние викингов в Европе начинает угасать.

Использование воинами-славянами погребальных обычаев викингов в принципе не исключено; зафиксирован случай, когда воин со славянским именем был упомянут на руническом камне в надписи, сделанной древнедатскими рунами⁴⁵. В 1837 году было издано изображение рунического камня, находившегося в южном Висинге (Sönder Vissing-Stenen I). На камне было нанесено четыре строки рун, во второй стро-

⁴⁴ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 111.

⁴⁵ Ягич И.В. Вопрос о рунах у славян... С. 24–25. Со ссылкой на: Wimmer L.F.A. De Danske Runemindesmærker ... København. 1893–1895. Т. 1. Ч. 2. (fol. 174). S. 73.

ке на первом месте читались руны $\Phi|\text{И}|\text{Т}|\text{П}|\text{И}$, что значит *Mistivis*. В.И. Ягич предположил, что это упоминание некоего славянского воина Мистивоя, находившегося на иностранной службе.

Однако неправильно было бы рассматривать микоржинские камни исключительно как следствие скандинаво-германского влияния. Нельзя не указать еще одну сходную группу памятников — из южнославянских земель.

В главе 1.2 мы писали о надгробиях XIV–XV века из Боснии, Герцеговины и Словакии (рис. 9–10); конечно, проводить параллели между памятниками X–XI и XIV–XV веков довольно рискованно, однако обращает на себя внимание внешнее сходство центральных фигур этих памятников. На первом микоржинском камне изображена фигура, правая рука которой уперта в бок, а в левой, поднятой вверх, находится некий треугольный предмет (символ?). Фигура одета в недлинный (подробно прочерчены складки ниже пояса) кафтан без ворота. Поза фигур на южнославянских надгробиях зеркально отображает позу микоржинского Прове — левая рука у них уперта в бок, а правая (иногда гипертрофированная) поднята к небу. Рука указывает на некий небесный объект — месяц, звезду, круг; как мы уже говорили, данный жест толкуется как указание на цель посмертного путешествия души, место ее райского пребывания. Стоит отметить, что надгробные фигуры одеты в костюм, аналогичный одеянию микоржинского Прове; этот костюм, в свою очередь, совпадает с одеянием многих западнославянских идолов (см. гл. 1.2). Конечно, на основании такой второстепенной детали, как очертания одежды, не стоит делать далеко идущих выводов, однако надо отметить, что (в том числе благодаря одежде) очертания микоржинского Прове и надгробных фигур южных славян очень сходны. Это

сходство обращает на себя внимание еще и потому, что южнославянские надгробия вошли в научный оборот только в середине XX века. Маловероятно, что гипотетические немецкие и польские «фальсификаторы» были знакомы с ними еще в XVII–XIX веках.

В главе 2.1 мы выдвигали гипотезу, что некоторые славянские идолы, обнаруженные археологами, в действительности были надгробными памятниками, изображавшими божества. По крайней мере, в пользу этого говорит наличие определенных повторяющихся элементов как у идолов, так, позднее, у южнославянских надгробных фигур и, еще позднее, на христианских надгробных крестах. По этому факту можно судить, что фигура на надгробиях рассматриваемого типа является именно изображением некоего сакрального персонажа.

Итак, фигура, изображенная на первом микоржинском камне, видимо, обозначает божество (Прове?), встречающее души после смерти и указывающее им путь на «тот свет». Что же в таком случае символизирует конь на втором микоржинском камне?

В славянской традиции, как и в традиции ряда других народов, конь также является существом, провожающим душу умершего. В.Я. Петрухин пишет: «Конь связан со смертью и (как транспортное животное) с путешествием на “тот свет”»⁴⁶. «По археологическим данным конь (наряду с собакой) был главным жертвенным животным на похоронах, проводником на “тот свет”. Ср. сказочные мотивы коня — чудесного помощника героя, помогающего проникнуть в тридевятое царство, на вершину стеклянной

⁴⁶ Петрухин В.Я. Конь // Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1995. С. 228.

горы и т.п.; в западноукраинских “обмираниях” герой былички, вернувшийся с “того света”, оказывается не в гробу, а в смердящем трупе коня, лежащем на столе. <...> Конь (и собака) могут видеть смерть, о чем свидетельствует его беспокойное поведение и т.п. Характерен общеславянский фольклорный мотив вешего коня, предсказывающего смерть своему хозяину»⁴⁷. Обращает на себя внимание большое количество символики коня и саней (повозки) в обрядах и легендах, связанных с проводами на «тот свет»⁴⁸. В «Поучении» Владимира Мономаха употребляется выражение «седя на санех» (в смысле — «будучи старым, перед смертью»). Кстати, стоит вспомнить, что конь упоминается и на скандинавских рунических памятниках — в качестве примера можно привести хотя бы камень с острова Готланд (см. рис. 3).

Таким образом, изображение коня на втором микоржинском камне вполне укладывается в концепцию камней как надгробных памятников и изображений на них — как символов пути на «тот свет».

Итак, при рассмотрении микоржинских камней в широком материальном и культурном контексте реконструируется следующая картина. В X—XI веках большое распространение в Западной Европе получили рунические мемориальные стелы. На окраине распространения этих стел оказалась и Польша. Видимо, заимствование произошло благодаря моде, существовавшей в воинских кругах. Мастер, недостаточно искусный в изготовлении памят-

⁴⁷ Петрухин В.Я. Конь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 590.

⁴⁸ См.: Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 2003.

Часть 2

ных стел, высек достаточно грубые рисунки и рунические надписи. Однако микоржинские камни нельзя рассматривать как слепое копирование скандинаво-германских образцов — при их изготовлении мастер использовал и славянские языческие элементы — он изобразил персонажи (бога Прове и коня), являющиеся символами перехода на «тот свет».

Глава 2.4. Чехия и Словакия

Чешских памятников, содержащих рунические изображения, немного, они недостаточно хорошо сохранились, вследствие чего надписи на них невыразительны, плохо читаемы и трудны для расшифровки. Зато их подлинность не вызывает сомнений.

Камни из Скальска

В 1852 году чешский археолог Вацлав Кролмус прибыл в село Кралск (болеславский край). В это же самое время сельчанин Юзеф Кабша, ремонтировал подвал, в котором хранил пиво. Ударив в одну из стен подвала, он отметил, что удар прозвучал подозрительно глухо — создавалось впечатление, что за стеной была пустота. Кабш пробил стену и оказался в достаточно большом подземном зале. Потолок зала был подперт каменным столбом. Подземелье явно было могильным склепом, поскольку в нем было обнаружено несколько урн. Увидев урны, Кабш понадеялся, что найдет в них деньги, однако его надежды не оправдались. Огорчившись, крестьянин разбил урны и выбросил на свалку.

Именно в это время и прибыл Кролмус. Прослышав о разбитых Кабшем урнах, Кролмус нанес ему визит и попросил показать склеп. Осмотр склепа проходил в присутствии нескольких местных жителей. Во время этого осмотра на столбе, подпирающем свод, и были замечены два камня с

надписями. Кролмус перерисовал обе надписи и, закончив другие свои дела, уехал.

Однако он не был уверен в достаточной качественности и точности своего рисунка, поскольку во время осмотра камни были покрыты грязью и плесенью. Поэтому Кролмус в 1853 и 1854 годах попросил нескольких человек, чтобы они еще раз скопировали эти надписи. Все присланные копии, за исключением одной, весьма плохо выполненной, совпали между собой. Наличие нескольких свидетельств доказывает, что надписи не являются мистификацией.

Юзеф Кабш употребил исторический склеп под хранение картофеля, хотя Кролмус и просил оставить его пустым. Вследствие небрежения Кабша надписи, и без того слабо выраженные, стали и вовсе нечитаемыми. Так что ныне, если склеп еще существует, вероятно, вообще ничего нельзя будет разобрать. Остается только жалеть, что этот склеп не был куплен за общественные деньги и не был сохранен от уничтожения.

Оба камня, как и весь склеп, Кролмус описал и дал расшифровки надписей¹.

Надпись на первом камне Кролмус читает как *raksi* — *Раки*.

В этом слове видит связь с древнеиндийским Ракшасом и, соответственно, приходит к выводу, что данное слово обозначает славянского Чернобога. Сам склеп Кролмус расценивает как «святилище Чернобога».

Не исключено также чтение с помощью кириллицы. Тогда надпись прочитывается как *Русичи*, что, возможно, является именем собственным.

¹ Krolmus W. Pošledni božiste Černo-boha s runami na Skalsku. Praha, 1857.

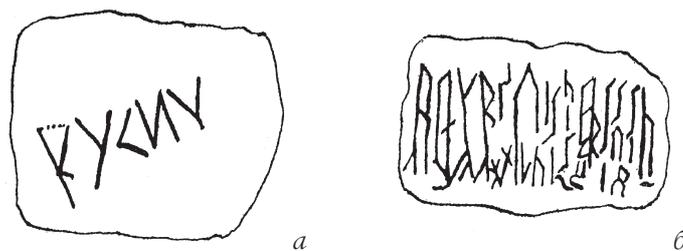

Рис. 27. Камни из Скальска

Надпись второго камня Кролмусом разбивается на отдельные знаки

и читается как

*Radegasi Balemu Vlinsi Nisi Jamarsi
sudu (или suru) Sivi*

Что, по Кролмусу, значит: «Радегасту Белому, Влинсу, Нищу, Ямаршу (= Ямуну), судьбе Живы (либо: северной Зори) <посвящено>».

Перечисленные имена славянских богов — Радегаст, Флинц, Ниш (Ний), Жива — действительно встречаются в литературе, посвященной западнославянскому язычеству. Информация о них достоверна в большей или меньшей степени.

Впоследствии расшифровать надписи пытался Я. Лечеевский. Он давал следующую транскрипцию:

*kneže ra de ko ba kam(e)ny ukul si ve s
bratruši, sv(e)mu siv*

Что сводится к следующей фразе:

*Kneže Radek oba kam(e)ny ukul si Ves(ławu) Bratruši,
sv(e)mi sy(no)v(i)*

Перевод: «Князь Радек оба камня высек Вес(лаву) Братруши, своему сыну».

По мнению Я. Лечеевского, камни являются надгробными памятниками и относятся к дохристианским векам Чехии.

Драгельчицкая урна

A T I P P H I H

Рис. 28. Драгельчицкая урна

В 1857–1858 годах в Чехии строилась железная дорога из Кладно до Нучиц. В Драгельчицах строители наткнулись на большое языческое захоронение. Найденные погребальные урны не представляли, по мнению рабочих, никакой материальной ценности, и поэтому большинство из них было уничтожено. К счастью, в Драгельчицах нашелся человек, которого заинтересовали эти памятники

прошлого — это был Ежи Дрвота. Он собрал все, что смог обнаружить. Он-то и нашел между иными темно-серую урну ручной работы с пеплом внутри и с руническими знаками снаружи (рис. 28). Урну приобрел для чешского музея в Праге Вацлав Кролмус, который производил археологические изыскания поблизости от тех мест².

² См. Pamatky archeologicke a mastopisnó. T. IV. Część. I. 1860. S. 44.

Об этой урне упоминают К. Шульц³, К. Тышкевич⁴, Я. Лечеевский⁵.

Прочтение надписи на урне затруднено потому, что знаки недостаточно хорошо сохранились. Глина, хоть и обожжена, но материал не очень прочен, и земля, всегда содержащая в себе какую-либо влажность, длительное время влияла на поверхность урны. Поэтому знаки на глиняной поверхности подверглись уничтожению и не сохранились в первоначальном виде — менее глубокие царапины выравнивались и пропадали.

Кролмус, склонный к поиску параллелей между славянской и древнеиндийской традициями, прочитал эту надпись как

atmaua im

Он усмотрел в первом слове индийское понятие *atman* (= душа) и предположил, что надпись является неким посланием для души умершего. Хотя языковые параллели между санскритом и славянскими языками существуют в большом количестве, но утверждение об использовании славянами слова «атман» является слишком смелым и может рассматриваться только при наличии большого количества дополнительных доказательств.

Ян Лечеевский предположил, что руны, входящие в надпись, — «обратные», их надо читать справа налево. Кроме того, он расценил первый и третий знаки справа как полустертую руну **М**. Согласно Лечеевскому, надпись сводится к форме:

М I М N N I T N

³ Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk poznańskiego. Poznań. T. IX. S. 172.

⁴ Тышкевич К. О курганах на Литве и Руси...

⁵ Leciejewski J. Runy i runiczne pomniki... С. 171–172.

Вся надпись является обозначением конкретного умершего и читается как

Didu Uitu

Что значит: «Деду Виту».

Бодинский камень

В Словакии также были зафиксированы древние памятники, несущие на себе нерасшифрованные надписи, однако сведения о них скудны.

В упомянутой выше статье, опубликованной в Сборнике словенского музейного общества, содержится описание бодинского камня и знаков, содержащихся на нем (рис. 29).

Камень, находившийся в Бодине (Тренчинский комитат) представлял собой большой валун из зернистого серого песчаника, выступавший на два метра над поверхностью земли. По мнению местных жителей, валун лежал на этом месте с

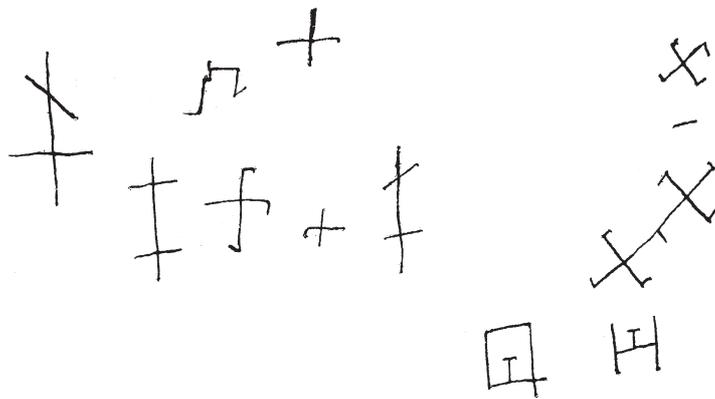

Рис. 29. Знаки на Бодинском камне

незапамятных времен. Поверхность камня не имела никаких следов обработки, за исключением упомянутых на нем знаков.

Я. Лечеевский, пытаясь как-либо интерпретировать данный рисунок, выдвинул предположение, что многочисленные кресты представляют собой обозначения числительных⁶. Соответственно, по Лечеевскому, надпись указывала расстояния до границ земельного владения.

Велестурская надпись

Еще одна надпись, выполненная неизвестными знаками, внешне похожими на рунические, была обнаружена в Южной Словакии. находка была сделана неподалеку от местечка Велестур, близ слияния рек Вага и Туроча⁷.

Д. Жункович дает следующую транслитерацию:

*прехах Силиан от моране зрумих кременитю те
туру и вся града и бье годе по туру двесте те те
осемдет*

Данный текст переводится им как «Явился Силлейнер от границы, разрушил Кремниц и Тур, равно как все города в области Тура, в 280 году».

Несколько иной вариант прочтения предлагает Я. Ружичка:

*пр(и)ехах (в) Симиан от поране (,) зрумих кремени-
ту те туру и всиа (г)рада и бе годе по туру двести
те осимд(е)с(я)т*

⁶ Leciejewski J. Runy i runiczne pomniki... S. 175.

⁷ Воспр. по: Платов А.В. Памятники рунического искусства славян // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 6. 1998. С. 114–115. Со ссылкой на: J. Ruzička. Slovanska Mythologie. Praha, 1924. Žunkovič D. Die slavische Vorzeit. Maribor, 1918. Lesnoy S. The origins of the Ancient «Russians». Winnipeg, 1964.

При этом второе слово надписи рассматривается Я. Ружичкой не как имя человека, а как название города Симиана на реке Ваг.

С. Лесной добавляет, что слово «зрумих», возможно, читается как «из Румих», т.е. «из Рима».

Словацкие наскальные надписи

В словацкой научной литературе конца XIX века встречаются упоминания о неких знаках, выбитых на скалах в кремницких горах⁸, причем Я. Лечеевский утверждает, что подобные знаки на скалах встречаются и в других местах Словакии⁹.

Д. Жункович упоминает еще восемь «рунических» наскальных надписей, известных уже в начале XX века, но к моменту выхода его работы (1918) еще не изученных¹⁰.

1. у Липтау, на «Гавранна скала»;
2. на расстоянии четырех часов ходьбы к юго-востоку от Гронеча;
3. в среднем Текове, севернее Иновеца;
4. в округе Гандль, против Нова Лгота;
5. в округе Боглар, у Бардижова, около полянки «на Баниску»;
6. в окрестностях Сабинова;
7. под горой Кривая;
8. «на Голах».

⁸ Sbornik musealnej slovenskej spolocnosti. Rocznik I. 1896. S. 195–200.

⁹ *Leciejewski J.* Runy i runiczne pomniki... S. 174–175.

¹⁰ Воспр. по: *Платов А.В.* Памятники рунического искусства славян // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 6. 1998. С. 114–115. Со ссылкой на: *Lesnoy S.* The origins of the Ancient «Russians». Winnipeg, 1964.

Глава 2.5. Россия, Украина, Белоруссия

На территории расселения восточных славян было зафиксировано несколько археологических находок со специфическими знаками, которые можно было бы идентифицировать как знаки некоей дохристианской письменности. Однако мы воздержимся от обзоров этих памятников, отсылая читателя к обзорам в ряде вышедших за последнее время публикаций¹. Поскольку темой нашей книги является рассмотрение гипотезы о существовании у славян *рунической* письменности, мы ограничимся описанием ряда памятников, содержащих знаки, которые по своей графике сколь угодно напоминают руны.

Рунические знаки на территории расселения восточных славян очень фрагментарны. Е.А. Мельникова так характеризует общий массив находок: «Наряду с кириллическими и бесспорно скандинавскими руническими надписями, на территории Древней Руси и в сопредельных регионах обнаружено немало предметов с надписями из трех—десяти, а иногда и больше знаков, которые не являются кириллическими или глаголическими. К ним принадлежат надписи на так на-

¹ Обзоры см: *Истрин В.А.* 1100 лет славянской азбуки... *Серяков М.А.* Русская дохристианская письменность... *Платов А.* Работы мастеров славянской школы рунического искусства // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 6. 1998.

зываемых алихановских сосудах, на большом числе шиферных пряслиц, на отдельных предметах и фрагментах костей и керамики. Графика знаков некоторых из этих надписей имеет ближайшие аналогии в скандинавском руническом письме. Вместе с тем в них за исключением редчайших случаев отсутствуют характерные именно для скандинавского рунического письма знаки со сложной графикой, такие, как руны r, þ, b, s, и, напротив, широко представлены простейшие по графике знаки ↑, ↓, ↗, ↘, ↙, ↚ и т.п., которые можно было бы рассматривать как случайные царапины, если бы они не образовывали серии до 10, а подчас и больше знаков, т.е. не представляли бы собой некий текст, содержание которого восстановить в подавляющем большинстве случаев не удастся. В целом репертуар подобных знаков, возможно, восходит к скандинавскому руническому письму»².

Камень из Пневищ

В 1873 году при строительстве каменной церкви в местечке Романове Городецкого уезда Могилевской губернии был обнаружен странный камень³. С обеих сторон на нем были выбиты знаки непонятного происхождения. Камень был привезен к месту строительства крестьянином соседней деревни Пневищи. Согласно показаниям крестьянина, данная находка была сделана в лесу неподалеку от Пневищ. Камень был не один — как удалось выяснить, на месте находки первоначально существовал курган из камней, на вершине

² Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи... М., 2001. С. 213–214.

³ Дондуков-Корсаков А.М. Древний памятник «Волчьего хвоста» в стране родимичей // Полоцко-Витебская старина. Вып. 3. Витебск, 1916.

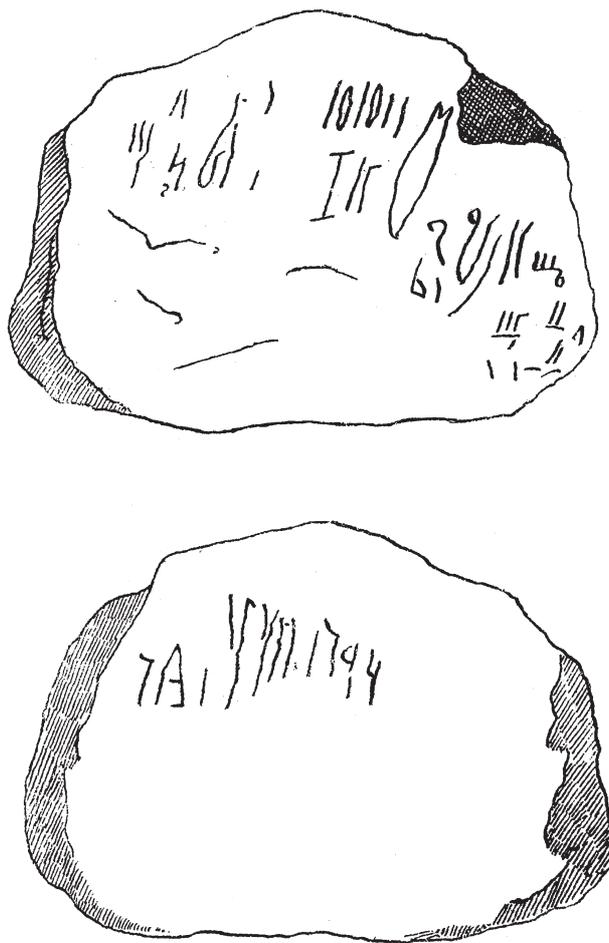

Рис. 30. Пневщицкий камень
(по рисунку А.М. Дондукова-Корсакова)

которого и находилась стела с надписями. Во время заготовки стройматериалов курган был разобран до основания; никакого захоронения в основании обнаружено не было.

Находка была зафиксирована тамошним помещиком князем А.М. Дондуковым-Корсаковым. Он велел перенести камень к себе в усадьбу и хранить в сарае. Вскоре по факту находки был сделан доклад на археологическом съезде, проходившем в Смоленске. Ввиду громоздкости памятника, А.М. Дондуков-Корсаков не повез его в Смоленск, но предложил всем желающим осмотреть на месте. На приглашение откликнулся доктор Г. Ванкель из Моравии, который составил собственное описание памятника.

23 августа 1874 года в имении Дондукова-Корсакова случился пожар, и сарай, в котором хранился камень, сгорел. Сам памятник от высокой температуры раскололся на мелкие части. Дондуков-Корсаков так ни разу и не попытался опубликовать информацию о камне. Уже после его смерти, в 1916 году, его родственники опубликовали статью в местном сборнике, однако публикация осталась незамеченной научной общественностью — шла Первая мировая война, начиналась эпоха великих социальных потрясений.

Итак, до нашего времени дошли только два рисунка пневищинского камня; один из рисунков сделан А.М. Дондуковым-Корсаковым, другой — Г. Ванкелем. Рисунки значительно отличаются друг от друга — каждый из исследователей по-своему трактовал неровности камня.

Первая попытка интерпретировать пневищенские надписи была сделана самим А.М. Дондуковым-Корсаковым; он предположил, что камень является памятником в честь победы воеводы Волчьего Хвоста над родимичами — согласно летописи, данное событие произошло в 984 году и произошло неподалеку от Пневищ.

Г. Ванкель пытался прочесть надпись с помощью скандинавских рун, однако не смог этого сделать. С подачи Ванкеля рисунок камня попал к А. Мюллеру, который признал надпись за финикийскую и перевел следующим образом: «Памятник Ваала. Здесь мы его выдолбили (высекли)»⁴. Конечно, данная бредовая версия была отвергнута научным миром. Причем Г. Ванкель и А. Мюллер оказали памятнику плохую услугу — наверняка, неудачный, одиозный перевод снизил интерес ученых и к самому камню.

Уже в наши годы М.А. Серяков попытался прочесть надпись с помощью индийского слогового алфавита брахми. В результате был получен следующий текст: «А граду прави(ть) наряд [!] Одари теперь род Щека, к(ои) мог ущити(ть) роту а // Вот княже речь да(л)». При переводе на современный язык М.А. Серяков получает следующую фразу: «(Когда я умру?) граду хранить порядок (вар.: устройство) [!] (Боже?) одари теперь род Щека, который мог защитить справедливость (вар.: клятву), а // Вот княже речь дал»⁵. То есть речь идет о завещании некоего правителя своим подданным.

В.А. Чудинов, пользуясь собственным методом расшифровки, переводит надписи следующим образом. На одной стороне: «Въ лете ночь дълога. Въ ночь же!». («Летом ночь долга. В ночь же!») На другой стороне: «Въ ночь ты будь въ ево заводи, и его рыбу режь, бери, вози и ешь!» В.А. Чудинов комментирует: «Здесь все понятно. Речь идет о воровстве заготовленной рыбы, видимо вяленой. Один ночной вор предлагает другому украсть в заводи известного им рыбака рыбу, которую предлагается не только срезать с веревок, но забрать и

⁴ Ванкель Г. Эрратический валун с финикийской надписью, найденный близ Смоленска в России // Полоцко-Витебская старина. Вып. 3. Витебск, 1916.

⁵ Серяков М.А. Русская дохристианская письменность... С. 54–61.

отвезти домой, чтобы там съесть»⁶. Оставив в стороне лингвистический и эпиграфический аспекты реконструкции, отметим только, что вызывает сомнение целесообразность столь монументальной переписки, которую два мелких вора ведут «долгими летними ночами».

А.А. Бычков вообще склонен предполагать, что надпись написана скандинавскими рунами, которые от времени стерлись, что свело к минимуму возможность прочесть надпись.

Алекановские надписи

Русский археолог В.А. Городцов, раскапывая осенью 1897 года кладбище в селе Алеканове, в Муромском округе Рязанской губернии, нашел между иными многочисленными археологическими памятниками также небольшой глиняный сосуд с загадочными знаками (рис. 31)⁷. Сосуд невелик по размерам: его высота составляет всего 15 см, а ширина — до 11 см. Сосуд изготовлен из глины с большим содержанием песка, не очень хорошо обожжен. По верху шейки нанесен орнамент, состоящий из небольших насечек.

Все признаки (особенно шесть характерных височных колец) указывали на то, что захоронение было славянским. В.А. Городцов датировал его X—XI веком.

Тот факт, что сосуд был слабо обожжен и сделан из плохо промешанной глины, трактуется археологом следующим образом: «Такой признак может указывать на то, что сосуд изготовлялся наспех, специально по случаю похорон, а если это было так, то изготовление его должно быть местное, домаш-

⁶ Чудинов В.А. Загадки славянской письменности... С. 468.

⁷ Городцов В.А. Заметка о глиняном сосуде с загадочными знаками // Археологические известия и заметки. 1897. Т. 5. № 12. С. 385–390.

Рис. 31. Сосуд с надписью из села Алеканова

нее, а следовательно, и знаки на сосуде сделаны своим местным или домашним писцом, т.е. славянином»⁸.

Во время следующего полевого сезона В.А.Городцов нашел еще два обломка глиняной посуды с загадочными знаками (рис. 32). На первом обломке знаки располагались на шейке сосуда, во втором — на боковых стенках. Некоторые знаки с обломков совпадали со знаками «основной» надписи, что позволяло сделать вывод о том, что все они относятся к одной и той же графической традиции⁹.

В.А.Городцов предположил, что знаки на сосуде могут быть рунами, и даже постарался прочесть надпись на основе скандинавского футарка, но не смог, поскольку обна-

⁸ Городцов В.А. Заметка о глиняном сосуде... С. 388.

⁹ Городцов В.А. Заметка о загадочных знаках на обломках глиняной посуды // Археологические известия и заметки. 1898. № 11–12.

Рис. 32. Знаки на разрозненных черепках из села Алканова

ружил только два знака, похожие на известные ему руны. Итоговый вывод археолога был осторожен: он предположил, что на сосуде начертаны руны вперемешку со знаками собственности. Встречающиеся трижды круглые черно-белые знаки он расценил как знаки препинания, разделяющие текст на слова.

Попытку прочесть руны предпринял Ян Лечеевский.

Часть знаков он растолковал как сложные руны и разделил их на составляющие; часть — домыслил. Так, сходные меж собой знаки \ddagger и \ddagger Лечеевский произвольно решил читать как *ст* и *зд*. По Лечеевскому, вся надпись должна читаться справа налево и в зеркальном отображении. Вслед за Городцовым он признал круглый знак как разделитель.

После того как с текстом была проведена восстановительная работа, он принял следующий вид:

• NУ • жт M • † † M N † † † † † † † †
um malu stavib nuц(d)a(j)a

Перевод: «Ум[ершему] малу ставих нуждая».

Я. Лечеевский считает, что урна содержит прах некоего ребенка («малого», «мальца»). Если принять точку зрения Лечеевского, то слово «mal» можно растолковать и как имя собственное. В русских летописях (видимо, неизвестных Лечеевскому) действительно встречаются мужское имя Мал(к) и женское имя *Малуша*.

Однако громоздкость и произвольность трактовки (что касается почти всех знаков) делают прочтение Лечеевского мало убедительным.

Впоследствии исследователи не предлагали других прочтений алекановской надписи. Можно привести разве что замечание М.А. Серякова, который указал на соответствие двух наиболее загадочных алекановских знаков — и — со знаками, нацарапанными от руки на импортных монетах. Первый из этих знаков-граффити — — был начертан на дирхеме Аббасидов 911–912 гг.; монета была обнаружена в киевском некрополе (погребение № 10). На острове Готланд в Швеции был найден византийский милиарий 945–959 годов со знаком . Хотя вторая монета была найдена не у славян, но в своем пути на север она наверняка прошла через территорию Руси. «Нельзя с абсолютной уверенностью утверждать, что эти знаки родственны алекановским, но и пренебрегать подобной возможностью также не следует»¹⁰.

Что же касается двух одиночных алекановских черепков, то знаки на втором расшифровываются с трудом, а вот знаки первого вполне соответствуют традиционному руническому строю:

lau

Данное сочетание букв звучит по-славянски как *лав* и может быть окончанием имени человека, чей прах содержится в урне (сравн. Вячеслав, Святослав, Ярослав и др.).

Н.В. Энговатов предпринял попытку прочесть надписи на алекановских сосудах как скандинавские рунические

¹⁰ Серяков М.А. Русская дохристианская письменность... С. 86.

кие¹¹, однако Е.А. Мельникова говорит, что данная попытка «неубедительна; большинство знаков на этих сосудах лишь с большой натяжкой может быть отождествлено со знаками рунического алфавита, причем с нетипичными графемами»¹².

На настоящий момент алекановские знаки признаны наукой как аутентичные, но расшифровка их не произведена. Высказывалась точка зрения, что это локальная знаковая система, разработанная в племенном объединении вятичей.

Надписи из Масковичей

Более ста руноподобных надписей и рисунков, процарапанных на костях животных и птиц, было обнаружено в 1976–1988 гг. во время раскопок у деревни Масковичи Браславского района Витебской области. Раскопки производились Л.В. Дучиц¹³.

Городище было военно-политическим, торговым и культурным центром на русско-латышско-литовском порубежье; судя по находкам, здесь присутствовали представители многих национальностей — славяне, скандинавы, балты.

К сожалению, не представляется возможным отнести данные надписи к какому-либо языку. В большинстве своем над-

¹¹ Энговатов Н.В. Руническая эпиграфика на территории СССР и норманизм // Советская археология. 1964. № 4. С. 214–220.

¹² Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи... С. 213.

¹³ Дучиц Л.В., Мельникова Е.А. Надписи и знаки на костях с городища Масковичи (Северо-Западная Белоруссия) // Древнейшие государства на территории СССР. 1980 год. М., 1981. С. 185–216. Также см.: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи... С. 213–247.

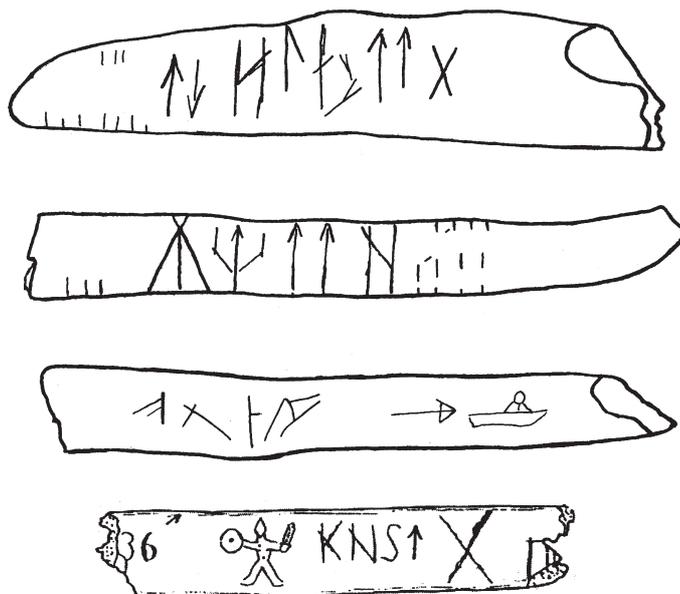

Рис. 32. Находки из Масковичей. Внизу — кость с предположительно славянской надписью: «кн[я]зь т[о]»

писи очень коротки и представляют собой нечитаемый набор руноподобных знаков или же просто насечек. Очень часто встречаются удвоенные или даже утроенные знаки — это наводит на мысль, что не исключено «магическое» толкование данных знаков.

Исключение составляет кость, на которой нанесено слово **KNS↑**, которое может быть прочитано как славянское «кн[я]зь т[о]». Рядом с рунами — изображение воина со щитом и мечом, что подтверждает правомерность именно такого прочтения.

Другие надписи, выполненные с помощью руноподобных знаков

Например, знаки, напоминающие руны, можно увидеть на изделиях так называемой археологической культуры штриховой керамики. Основная часть данной культуры располагается на территории современной Белоруссии; есть памятники также в Литве, на севере Украины. Культура штриховой керамики датируется VII в. до н.э. — V в. н.э.; некоторые исследователи ассоциируют ее со славянами, некоторые — с балтами.

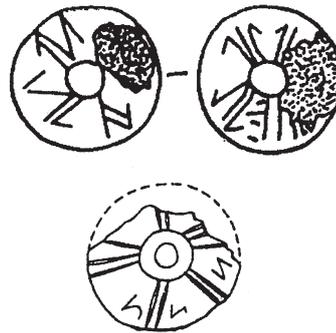

Рис. 33. Пряслица культуры штриховой керамики.
VII в. до н.э. — V в. н.э.

На рисунке 33 изображено два пряслица культуры штриховой керамики. Как видно, некоторые знаки действительно напоминают буквы, некоторые — больше похожи на орнамент.

Загадочные знаки были обнаружены на свинцовых пломбах X—XIV вв., видимо являющихся торговыми печатями¹⁴. Несколько сотен таких пломб было обнаружено на Западном Буге близ села Дрогичина. На лицевой стороне некото-

¹⁴ Тышкевич К.П. Свинцовые оттиски, найденные в реке Буге у Дрогичина // Древности, 1864—1965 гг. Т. 1. Авенариус Н.А. Несколько слов о дрогичинских пломбах. М., 1892. Болсуновский К.В. Дрогичинские пломбы. М., 1894.

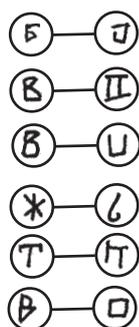

Рис. 34. Знаки на пломбах, найденных близ села Дрогичина. X—XIV вв.

рых пломб стоит буква кириллицы, а на обратной — один из «загадочных» знаков (рис. 34).

В 1912 году в Киеве при раскопках была обнаружена печать с двумя круговыми надписями и княжеским знаком посередине (рис. 35). Впоследствии она была утеряна, сохранилось только изображение, изданное Н.П. Лихачевым и переизданное В.Л. Яниным¹⁵. Сравнение с другими археологическими находками позволяет утверждать, что круп-

ные знаки, находящиеся в круге из мелких «букв», представляют собой усеченный «трезубец» — герб Рюриковичей, а сама печать принадлежала некому должностному лицу из администрации князя Святослава Игоревича (X в.).

Существует несколько прочтений надписи на «печати Святослава».

Н.П. Лихачев при рассмотрении печати ограничился тем, что отметил знаки, сходные с кириллическими *стла*.

Н. Энговатов прочел надпись с помощью глаголицы и получил: «Святослав Ингоревич, а се его печать лета е 6471 (963 г.)»¹⁶.

М.Л. Серяков прочитал одну из надписей как «К(?)то стлав(г?) рг дана». Что значит: «То Святослав роту ... дан», — или: «То стла / послал», — или: «Святослав грамоту дан». Часть

¹⁵ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1. М., 1970. С. 38.

¹⁶ См.: Чиликин О. Утерянная азбука // Огонек. 1960. № 19. С. 26.

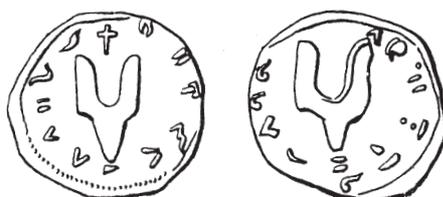

Рис. 35. «Печать Святослава»

второй надписи он прочел как: «Гра(мо)ту инах..у(?) габича». «Последнее слово может быть именем, а может иметь общее происхождение с древнерусским словом “габити” — “притеснять”, и в данном контексте обозначать, вероятнее всего, “оттиск”»¹⁷.

В.А. Чудинов дал еще один перевод. На первой стороне: «Святославъ кьнась. Леть же 21 владыки». На второй: «Святослава 6468» — т.е. имя князя и год чеканки монеты (960 г. н.э.)¹⁸.

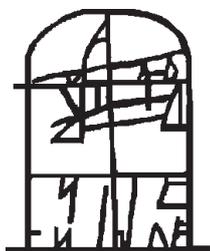

Рис. 36. Знаки на бараньем ребре, обнаруженном Д.Я. Самоквасовым

Еще одна загадочная находка была сделана Д.Я. Самоквасовым. В курганном захоронении близ Чернигова он обнаружил ребро барана, на котором был странный рисунок (рис. 36).

Некоторые из знаков этого рисунка напоминают руны. Д.Я. Самоквасов писал: «Знаки состоят из прямых резов, по всей вероятности, представ-

¹⁷ Серяков М.А. Русская дохристианская письменность... С. 63.

¹⁸ Чудинов В.А. Загадки славянской письменности... С. 470.

ляют собою русское письмо X столетия, на которое имеются указания в источниках»¹⁹.

Не вполне ясно, имеет ли данный причудливый рисунок отношение к письменности вообще. Однако по крайней мере два автора попытались его прочесть. Н.В. Энговатов, утверждая, что пользуется глаголицей, составил следующее предложение: «А ему яти туура. Ягърбунъ» («А ему взять двух ту-ров. Ягробун») ²⁰. В.А. Чудинов же расшифровал «рисунок Самоквасова» как целый текст: «Живо же мое рало, и конь, и русь, вольне и явьне», что означает: «Жив же мой плуг, и конь, и русь, вольная и явная» ²¹.

Рис. 37. Знаки на камне, опубликованные Ф.Н. Глинкой

Иногда в качестве рунической надписи упоминается одно из опубликованных Ф.Н. Глинкой изображений на камнях ²².

Ф. Магнусен пытался рассмотреть линии слева и справа от «подковы» как вязанные руны — он свел изображения к двум руническим комбинациям. Слева от подковы:

ivar

Справа:

ial

¹⁹ Самоквасов Д.Я. Раскопки северянских курганов во время XIV археологического съезда. М., 1916. С. 11.

²⁰ См.: Чиликин О. Утерянная азбука // Огонек. 1960. № 19. С. 26.

²¹ Чудинов В.А. Загадки славянской письменности... С. 466–467.

²² О древностях в Тверской Карелии. Извлечение из писем Ф.Н. Глинки к П.И. Кёппену // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1836. Тетр. 5. С. 633–652.

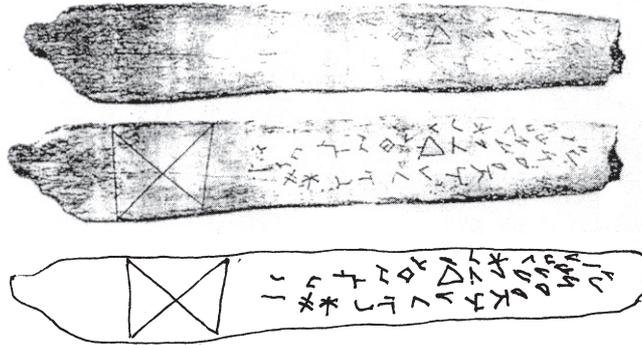

Рис. 38. Коровье ребро с неидентифицируемыми знаками.
Новгород, нач. XI в.

Трактовка Ф. Магнусена неубедительна, так же как и некоторые другие трактовки.

Рядом исследователей высказывалось мнение, что линии около подковы вообще имеют естественное происхождение.

В 1956 году в Новгороде в слое, датированном первой четвертью XI века, было найдено коровье ребро с непонятной надписью из 35 знаков, расположенных в несколько строк²³. Надпись не поддается даже примерной дешифровке (рис. 38).

В качестве загадочного набора руноподобных знаков можно указать берестяную грамоту, найденную в 1989 году в Старой Русе (рис. 39)²⁴. Надпись непереводима с помощью скандинавских рунических алфавитов.

²³ Славяне и Русь. М., 1968. С. 439.

²⁴ Новгород и новгородская земля. Вып. 6. Новгород, 1992. С. 8.

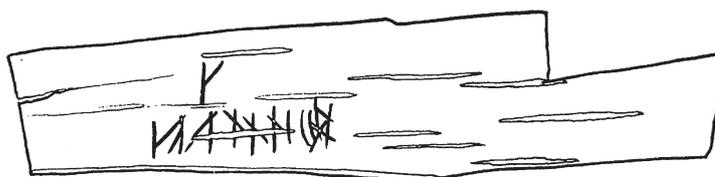

Рис. 39. Берестяная грамота из Старой Русы

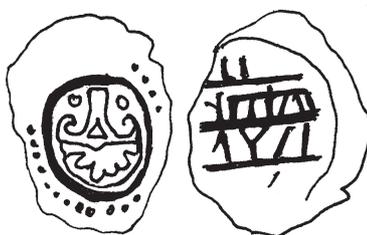

Рис. 40. Тверская монета XIV века — один из средневековых русских предметов с нечитаемыми знаками

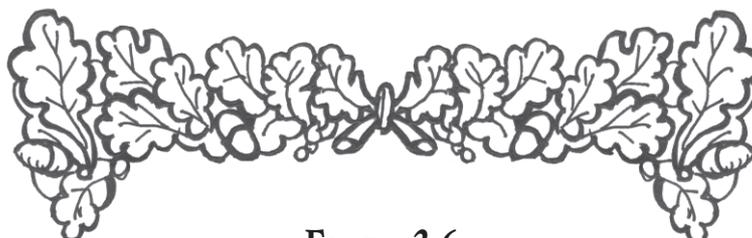
Достаточно большое количество непонятных знаков (иногда вперемешку с кириллицей) встречается на восточнославянских предметах X—XI и более поздних веков — их можно обнаружить на пряслицах, календарях, обломках посуды и т.д.²⁵ Как писал В.А. Истрин, «в 1940–1950-х годах в этих загадочных знаках многие хотели увидеть прототипы глаголических букв. В настоящее время ученые склоняются к пониманию этих знаков как славянских “черт и резов”»²⁶.

²⁵ См.: Культура Древней Руси. Т. 1–2. М., 1950–1951. Арциховский А.В. Введение в археологию. М., 1947. Эшштайн Е.М. К вопросу о времени происхождения русской письменности // Ученые записки Ленинградского университета. Вып. 5. 1947. Черных П.Я. Происхождение русского литературного языка и письма. М., 1950.

²⁶ Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки... С. 126.

Подводя итоги данной главы, надо отметить, что, к сожалению, археологические находки, сделанные в землях восточных славян, не дают убедительных оснований для утверждения, что здесь существовали письменные системы, родственные руническим. Мы имеем определенное количество находок, содержащих знаки, отдаленно напоминающие руны. Во всех случаях этих знаков так мало и они так разрозненны, что нет никакой возможности делать на их основе какие-либо выводы. Иногда знаки даже трудно определить как информативные; возможно, они являют собой не более чем наборы естественных или искусственных линий.

Глава 2.6. Болгария

Небольшое количество надписей со знаками, напоминающими рунические, обнаружено на территории Болгарии.

В 1928 году близ села Ситово, неподалеку от местоположения древнего города Шутгарда, в горной пещере были обнаружены неидентифицируемые надписи (рис. 41). Секретарь археологического общества в Пловдиве Пеев писал в отчете: «При внимательном осмотре южной стены пещеры (стена представляет собой почти отвесную скалу) мы обнаружили, что примерно в двух метрах от пола высечена гладкая отшлифованная полоса шириной от 23 до 30 см и длиной 260 см. На этой полосе выдолблены какие-то загадочные знаки. Без сомнения, надпись сделана рукою человека. Знаки напоминают так называемые рунические письмамена,

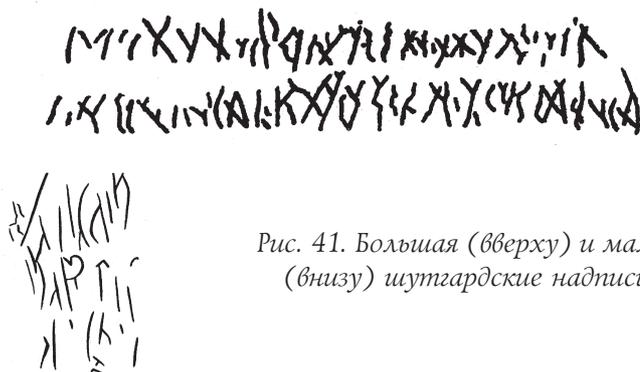

Рис. 41. Большая (вверху) и малая (внизу) шутгардские надписи

которыми пользовались древнегерманские народы...»¹ Расшифровать ни одну из обнаруженных надписей Пееву не удалось.

В начале 1950-х годов академиком Гошевым была предпринята еще одна попытка дешифровки. По его мнению, первая надпись была выполнена мастерами славянского племени рунхинов; начало текста Гошев переводил как «Я, князь рунхинов...» К сожалению, Гошев не успел закончить труд по дешифровке и переводу надписи.

Впоследствии попытки прочтения первой надписи предпринимались неоднократно. В качестве примера можно указать перевод, составленный Титовым: «В 6050 году (542 г.) учил язык и старинные писать, князь (?) елания из Весланида (предположительно — Фессалоник)».

О дешифровке второй надписи из пещеры нам ничего не известно.

¹ Здесь и далее цит. по: Платов А.В. Памятники рунического искусства славян // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 6. 1998. С. 116–118.